

Р. В. СКАД
СКАЗ
КА

II

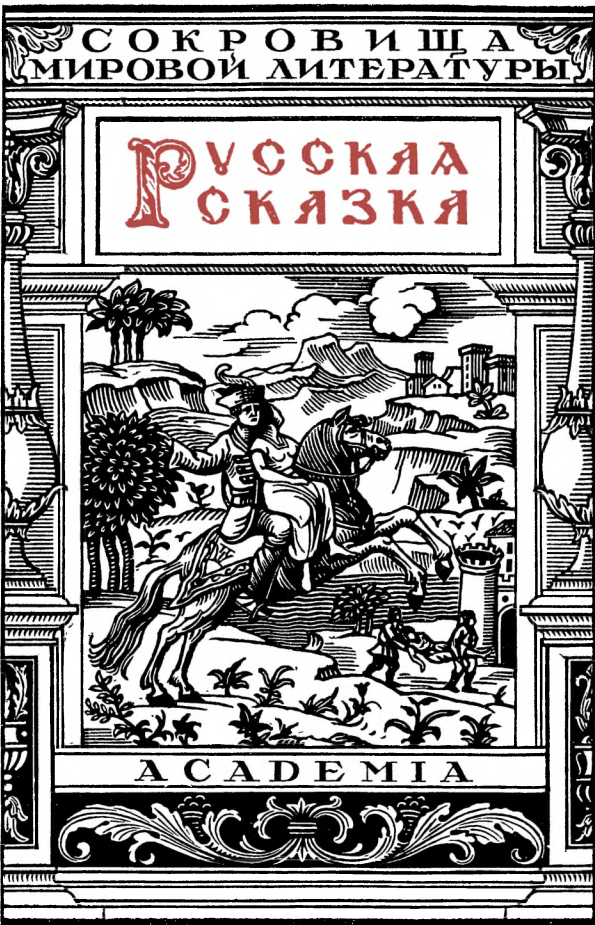
ACADEMIA

ТОМ
ВТОРОЙ

СОКРОВИЩА
МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РУССКАЯ
СКАЗКА

ACADEMIA

РУССКАЯ
СКАЗКА

ИЗБРАННЫЕ
МАСШЕРА

РЕДАКЦИЯ
И КОММЕНТАРИИ
МАРКА
АЗАДОВСКОГО

АКАДЕМИА

**РИСУНОК ПЕРЕПЛЕТА И ГРАВЮРЫ НА
ДЕРЕВЕ: ОБЛОЖКА, ТИТУЛ, ЗАСТАВКИ,
КОНЦОВКИ И ИНИЦИАЛЫ РАБОТЫ
П. А. ШИЛЛИНГОВСКОГО**

СКАЗКИ Ф. И. АКСАМЕНТОВА

Ф. И. АКСАМЕНТОВ

АКСАМЕНТОВ Федор Иванович — крестьянин с. Анги (Шаповская заимка) Верхоленского округа — блестящий представитель солдатской сказки. Из записанных у него 16 текстов — 7 относились к волшебной-фантастическим, остальные — по большей части принадлежат к солдатской традиции и к солдатскому репертуару, но —

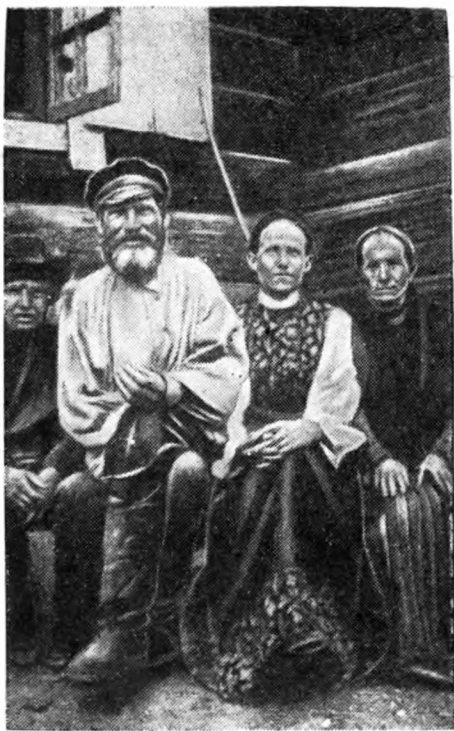
как уже указано во вступительной статье — солдатским колоритом пронизаны и его волшебные сказки.

Сам Ф. И. Аксаментов — бывший солдат; некоторые сказки слышал еще мальчиком от «стариков» и тогда же «понял» и запомнил их, но большую часть, по его собственным словам, слышал и передал в казармах. Служил он довольно долго, дослужился до унтер-офицерского чина; во время русско-японской войны потерял глаз. Последние годы занимался по преимуществу сапожным мастерством и жил очень бедно. Как сказочник, очень популярен, молва о сказках «кривого сапожника» выходит далеко за пределы ближайших селений.

В момент записи сказок ему шел 70-й год, но это был еще бодрый, живой, веселый старик, на вид гораздо моложе своих лет, острый на язык и приветливый. Это был период германской войны, и незадолго до встречи с собирателем был убит на фронте его старший сын, но старик по-прежнему оставался ровным и спокойным.

Об его художественной манере подробно говорится во вступительной статье.

При чтении текстов Аксаментова нужно иметь в виду особенности ленского произношения, в котором очень часто наблюдается мена шипящих и свистящих. Впрочем, одно и то же слово может быть произнесено одним и тем же лицом в двух формах: так, у Аксаментова: знать и жнать, взять и вжать и т. д.

Ф. И. Аксаментов.

21. ОБ ДЕРЕВЯННОМ ОРЛЕ

МОСКВЕ, в одном кабаке пили три пьяницы вина, и вот когда они пропилиша, у них опохмелиться не пошто. Потом шидят они, загорюнилишь, и вот один из них говорит: «Ех, братцы, мне бы деньги, я бы своим рукам маштер был!» — А другой его спрашивает: «Какой же бы ты маштер был?» — «Я бы — говорит — пошел на базар, купил железа, например, жделал бы роту солдат, поставил бы их во фронт, и они бы стали у меня проделывать».

Другой сидит и говорит: «И мне деньги, и я бы своим рукам маштер был!» — Ну его спрашивают товарищи: «Какой же ты мастер бы был?» — «Я бы пошел на базар, купил сукна, безо всякого размеру сошил оммундировку, и на кого бы ни надел, то и пришлось бы».

Третий сидит говорит: «И мне деньги, и я бы своим рукам маштер был!» — спрашивают его

товаришши: «Какой же ты ма́штер был бы?» — «Я бы жделал деревянного орла, и в четвёро суток по всему белому свету облетел и со всех местов планы бы снял».

Как раз пригодилша в ето время городской в кабаку, и тот в ызнал, пошол, доложил государю. Государь их велел привёсть к себе. Когда их привели государю, то государь и спрашивает первого: «Какой же ты бы мастер был?» — Он также и ему говорит: «Ешли бы мне деньги, пошол бы на базар, купил бы железа и жделал роту солдат, поставил бы их во фронт, и стал бы и м я командовать, и они бы стали проделывать». — «А другой, — говорит, — ты бы какой мастер был?» — Тот также говорит: «Мне бы — говорит — деньги, пошол бы на базар, купил сукна, сошил бы оммундировку безо всякого размера - покрову, на кого бы ни надел, точь в точь пришлось». — Ну, спрашивает третьего: «Какой же бы ты мастер был?» И тот отвечает: «Еже бы мне деньги, я бы жделал деревяного орла, в четвёро суток по всему белому свету облетел и со всех местов планы бы снял». Он им я дает по тыще рублей и дал им я на месяц ст р о к у, штоб ети успели исправить вше. — «Ешли кто в месяц не исправит, тому голову снесу!»

Вот они, значит, пошли, и между собою дорогоу говорят: «Вот, братцы, топеря зайдем в кабак, опохмелимся и подём своё ремесло кажный исполнять». — Вот они заходят в кабак. Первый берёт бутылку, — выпили, потом берёт второй другую — «давайте ишо выпьем!» — Третий, как орельшик, — «и моя ложка не шшер-

батая и мне бутылку надо вжать!» — Ну как они три бутылки выпили трое, знако, ждела-лишь пьяные, и разбрелишь, кто куды.

Ну, так как орёльшик остался в етим кабаке, когда проспалса, видит, што он один, товариш-шев его нету, и вот, он давай тут один выпивать. И вот до тех пор, пока тыщу ету не пропил. Да, и кончается уже месяц, так што завтра нужно государю являться. И вот он сидит и опохмелиться не на што.

Жана его услышала, што муж её получил тыщечу, и вот он её пропил в кабаке. И вот приходит к нему и плачет. — «Што ж ты жделал, такой-сякой пьяница? Свою голову потерял, и меня с детьми оштавил голодом!» Он говорит: «Ах, жана моя любезная, принеси-ка пошледнюю юбчонку, заложи и опохмели меня». — Она все-таки со слезами — жалеет мужа — пошла, принесла, заложила и опохмелила его.

Ну-с, теперя они приходят домой, уже с ней, и он ей говорит: «Ну, свари мне чайку и нет ли там сухарьков, я поем». Она согрела чаёк, набрала сухарьков и он, значит, чайку попил с сухарьком и лёг спать. Вот он проспался, дождался вечерку, как стемнелось, и пошол на добычу; где украдёт топор, где там, долотцо, и где полешко дров, где досбчку, и набрал себе, што нужно, приносит домой, и начинает устраивать орла. Ковда устроил, собрал его в кучу, орел его* действует хорошо.

Товда он разобрал и сложил в мешок, и положил под лавку, и сам лёг спать. Утром, стаёт и говорит жене: «Ну, жана, согрей мне чайку,

пойду государю». — Та согрела чайку, он попил, собралша и пошел государю.

Когда приходит ко дворцу, товарищи его уже тут стоят. — «Ну, здравствуйте, братцы!» — «Здравствуй!» — «Ну как ваши дела?» — «Слава бох!» И они его спрашивают: «Как твоё?» — «Тоже», говорит: «слава бох!» И просят доложить государю, што такие мастера пришли.

Когда государю доложили, государь велел допустить их ко крыльцу. Когда они пришли ко крыльцу, то государь выходит на крыльцо и первому говорит: «Ну-ка, выставляй своих шалдат!» — Тот выставил, скричал: «Смирно, равняйся!» Они стали смирно и равняться. И начал командовать: «Направо и налево!» — И они стали проделывать у него. — «Но-ка — говорит — портной, надевай на ето войску свою омундировку!» — И он на кого ни наденет, точь в точь приходится. — «Ну, ты, орельшик, где твой орёл?»

Тот лезет прямо к ему на параднее крыльцо, и высыпает из мешка. Вот, государь ему и говорит: «Ты, што, мне дрова што ли принес, у меня дров, ведь много?» — Он говорит: «Позвольте, ваше императорское величество, посмотрите на деле!» — Живо его собрал и говорит: «Как желаете посмотреть, ваше императорское величество, по дворцу или вверх?» — Государь и говорит: «Ну-ка, жделай попытку по дворцу». — Ну, значит, как он жделал попытку по дворцу, словно молонья просверкнул. — Тогда государь ему говорит: — «Ну-ка, жделай попытку вверх». — Когда он жделал вверх, он уже в три секунды поднялша книзу. Когда

спустился вниз и говорит: — «Теперь, ваше императорское величество, позвольте двадцать четыре листа бумаги, перо и чернильницу» (планы-то будет сочинять).

Когда государь дал ему двадцать четыре листа бумаги, перо и чернильницу, тогда он отправился путешествовать. И вот, в четвёро суток по всему белу свету облетал и со всех местов планы снял. Когда он вернулся назад и спустился государю в сад, оставил орла своего в саду и приходит государю уже с документам, с планами етим. Когда государь посмотрел планы, и даёт ему денег столько, сколько он жалал, и дал ему золотой стакан, — на дне подписано, где он ни пришол, в какое питейное заведение, давать бесплатно, или так же, в какой магажин, сколько бы он ни хотел брать товару, давать бесплатно, — значит, денег не просить.

Тогда он приходит домой, и говорит жане: «На, вот тебе стакан, иди в магажин, и што угодно бери; когда наберёшь, запросют у тебя деньги, ты покажь им я етот стакан». — Так, жана приходит в магажин, берет разного материя. Когда набрала, подшитали: на петьсот рублей. Купец говорит: «Пожалуйте денежки!» Она подает стакан купцу, купец посмотрел на стакан и говорит: «Ну, иди с богом!» — (значит, деньги получит у государя—ето уж я говорю).

Теперя етого орельшика оставим, они живут хорошо с жаной и детям. Будем говорить дальше. Так как у царя был сын, лет пятнадцати, звали его Иваном. Вот они в один день пошли с отцом в сад прогуливаться, и вот Иван-царевич увидал етого орла, и просит родителя, штобы он

дал ему, значит, жделать попытку; на етим орле, дозволил. Но отец ему ни в коем случае не дозволил жделать попытку, — «потому што ты ещо мал». — Но сын и думает на уме: «все таки опосля пойдет наша пришлуга в сад и я с ними шкрадую, жделаю все-таки попытку на орле». И вот так и случилось.

Когда на другой раз собралша прислуга в сад, значит, сын у отца скралша, и вот ушол с им я. И вот добралша до етого орла и сял на него. И давай крутить. Чем боле крутит, тем дале и выше. И вот ему бы уже будет, но никак не может назать спуститься. Орёл всё несёт его дальше.

И вот пристигает его тёмная ночь, и он начал вертеть в другую сторону, ну и спустилша в такую трушшбу непроходимую. У его только был с собою носовой платок — и он вынул его и перевязал орла. И думает: «Куда же я теперь, пойду по етой трушшбе?» — Постоял, подумал, и говорит про себя: «Пойду куда глаза глядят».

Вот он полз, полз по етой трушшбе, и вышел на тропку, и пошол по етой тропке: Немного подошол, и видит, стоит изба ета рубленая рука́м человеческим. — «Давай — думает — зайду в ету избу». — Когда заходит в эту избу, и видит: сидит у стола старик шедой, и он говорит ему по русски: «Зрастуй, дедушка!» Старик молчит, начал говореть он по-немецки, старик молчит; начал говореть с ним по-французски — старик начал говореть. И стал его спрашивать: «Чей ты, малой юнош, от кудов?» — Он и говорит: «Ах, дедушка, я еше ись хочу». — Когда старик его накормил, — «Ну, теперь, дедушка, я спать

хочу». — Старик указал ему постельку, и он лёг, уснул.

Когда проснулся, встаёт, тогда старик начинает его спрашивать: — «Чей же ты, малой юнош, откуда?» — Он говорит ему: «Вот, дедушка, я есть московского купца сын. Когда мы ходили с родителем на корабле по разным местам, торговали, и вот нас схватила буря, и разбила у нас карапь. И много погибло народу». — Старик — то у него и спрашивает. «А много ли вас в живых ошталось?» — Он и говорит: «А я никого не вижу, только вижу сам себя». — И потом: «Вот что, дедушка», говорит: «далёко ли доцэлево како-нибудь ваше село или город?» — Старик ему и говорит: «А, вот, верстах в семи отцэле в наш столичный город Парыж стоит». — Он и говорит: «Вот што, дедушка, покажи мне дорогу, куда итти». — Старик вышел, и показал: «Вот што, иди сюда».

Кода он немного так подошел по лесу, и вышел на плошшеть, и вот видит: Парыж город парит.

Когда он заходит в город, и смотрит, гостиница стоит первого номеру. И вот он заходит за стол, и просит: «Подайте мне того и другого!» — а в кармане денег нет. Когда прислуга ему подала, и смотрит: чей же такой молодой юнош незнакомый, никогда не видели, и доложила объём хозяину. Когда хозяин приходит, садится перед его и спрашивает: «Чей же молодой юнош, откуда?» — Он также и ему рассказывает: «Што я есь московского купца сын. Мы ходили с отцом по разным землям на корабле, поднялаша буря, и наш карапь раз-

била».—Тогда хозяин и спрашивает: «А много ли вас в живых ошталось?» — Он также и ему отвечает, «што я, мол, никого не вижу, только вижу сам себя». — Тогда хозяин ему и говорит: «Вот, што, так как у меня детей нет, не будешь ли ты моим сыном?» — Он и говорит: «Для меня», говорит: «всё равно».—И вот он живёт у его неделю, и другую, так как хозяин со своей женой над ём любятся.

Когда он прожил две недели, и говорит прислуге: «Вот что, скажите моему отцу, чтоб он купил ораган о двенадцати голосах, я на ём очень хорошо играю». — Когда отец его купил ему ораган на двенадцати голосах, он садится на ём играть, играет и сам нежно припевает, и хозяин со своей женой не может над ём налюбоваться. Чем дальше, тем больше стал народ оборачиваться в ету гостиницу, и так как в прочих гостиницах не стало уже доходу

Вот, те содаржатели гостиниц стали заявляться с жалобой к королю: «Так как мы вашему королевскому величеству плотим таку же пошлину, как от содаржателю первому номеру гостиницы, то у нас сечас никакого доходу нет, так как там оказалса какой-то незнакомой человек, и он хорошо играет на ворагане. И он отбил у нас весь доход, так как весь народ валит в ету гостиницу».

Когда король выслушал их жалобу, приказал запрекчи в карету, и поехать со своей женой в туё гостиницу. Когда приезжают в гостиницу, хозяин той гостиницы увидал, што приехал король и выходит его встречать. Когда провёл его в зало, тода король стал ему объ-

яснять: «Что вот получил я севодни жалобу от прочих содаржателей гостиниц, что ты отбил у них весь доход». — Содаржатель той гостиницы отвечает ему: — «Што я, ваше королевское величество, причины никакой не имею, я народ не зову, а народ сам идёт ко мне». — Король ему говорит: «Собственно говоря, не от тебя, а так как у тебя проживает молодой человек незнакомый». — Тогда хозяин этой гостиницы: «Да, есть!» — говорит.

Когда позвали Ваню, и вот он подходит к королю. Тогда король его спрашивает: «Чей же ты, молодой юнош, откуда?» Он также королю говорит, «што я есть московского купца сын. Мы ходили с отцом по разным землям, на корабле, поднялася буря, и наш карапь разбила». — Тогда король спрашивает: «А много ли вас в живых ошталось?» — Он также и ему отвечает: «Што я мол никого не вижу, только вижу сам себя». — «Король говорит: «Вот что, так как у меня один сын, и не желашь ли мне быть вторым сыном?» — Иван отвечает: «Мне всё равно».

И вот король сѡдит его с собой и везѣт во дворец. Хоть и содаржателю гостиницы опустить его жалко было, однако делать нечего. Кода привѡжат его домой и зовѣт своего сына: «Вот я тебе брата привѣз и будете вы братья». — И вот, значит, они стали жить вместе дружно, спать стали на одной койке и зовут друг дружку братцом. Но так как всё стает нашего царя сын вперед, а французского назать.

И вот в одно прекрасное утро стал французской сын напереть, вышел на парадное крыльцо

и смотрит в подозрную трубку. Наш стал позаде́, подошел к ему и спрашивает: «Что же вы, братец, смотрите?» — А тот и говорит: «А вот, нате, братец, вы посмотрите».

Когда наш стал смотреть, смотрит в одну и другу сторону, и потом спрашивает: «Что же вы, братец, видите?» — «Вижу я, стоит хижина белая». — «И что же там его за хижина и далёко ли она?» — «Ета», говорит: «хижина выстроена от нас вёрст пятнадцать отседов, от Парыжа, значит». — «А гля чего же он выстрове н? Кто же в ём живет?» — Он и говорит: «Там увезёна моя сестра и вот она увезёна гля того, чтобы она до замужества не видела мушкого полка, и за ей вся прислуга женская ходит». — Он и думает на уме: «Што бы чего ни стало, сёдни ночью я испытаю, слетаю на своём орле, и попытаю счастья, не увижу ли я её». — Но и так как он дождалса ночи, улеглиша спать, он усypил своёго брата, одёется, садится на своёго орла и летит туда.

Ну когда прилетел к тому дому, нужно узнать, в которой комнате ее спальня. И вот он, давай округ дома летать, и вот он угледел одно окошко убрáно лутче всех. И он думает, что должно быть она ждешь находится. Когда остановился, и влез в его окно. Когда влез в окно и, значит, зажег спичку, и увидел кровать изукрашену. И думает, что, наверно, ждешь. Когда подходит ко кровати, добыл вторую спичку и увидал её лицо и задрождал весь, тогда нагнулша и поцеловал ее, и слеза его упала ей на шшеку. Кода поцеловал, и снимает с правой руки перьчатку и оставляет у ней.

Она утром стает и говорит своим фрейлинам: — «Я», говорит: «севодни видала сон, будто бы кто меня поцеловал до тепёря в устах, будто бы слеза его упала на шшеку и до тепёря горит». — Когда стала с постели и увидала перчатку, и говорит: «Фрелины, чья ето перчатка у вас?» — Значит, те все отпёрлишь, что не наша. Она ешшо раз повторила: — «Обышшытешь, не ваша ли?» Но те во второй раз повторили, что не наша.

Но так как проходит этот день, она поужинала и опять ложится спать. Он таким же образом и на другу ночь прилетает, заходит в неё спальню, опять поцеловал и с левой руки перчатку оставил. Сам опять уехал назать домой. Когда, утром, она стаёт и смотрит: у ней другая перчатка со второй руки. Она и думает «што такое — откуда же ето такое?» И думает себе на уме: «Дай, севодня, я закажу ў ж н у пораньше». Чтобы ей, значит, выспаться к етому времени, когда будет ето приключение сызнбв. И говорит фрейлинам: «Вы севодни приготовьте ужну пораньше. Когда я запрошу, штоб была готова». — Те приготовили, диствительно, ужну, и она попросила часа за два вперёд напротив старого. Когда она поужнала, и легла спать.

И вот он так же дождалса третьего вечеру и полетел. Когда прилетает, и опять жалажит в окно. Подходит к кровати, поцеловал её. Она в то время прошнулашь и поймала его за шею. И говорит: «Постой, не вырывайся, отцель никуда не уйдешь!» А он того и жалат. Сечас стает с кровати, зажигает свечу. Когда увидала

таково красавца и просит сядь за стул. Когда посадила его и он сядь за стул, она спрашивает его: «Чей же ты и откуда?» Он и говорит: «Я родилша в Москве, а вырос в Петрограде (тогда ино Петербурх был, значит, в Петербурге), а сичас живу у вашего папаши. Но только он не знает мою родословлю, я ему обсказал об себе неправду. «Я», говорит, «ему так обсказал: што я московского купца сын, и што мы ходили с отцом по разным землям на корабле, и поднялаша буря и наш карапь разбила. И вот он вжал меня к себе в дети, но я не есть московского купца сын, а есть наследник государя инператора». «Так вот как», говорит: «не желаете ли вы со мной, произвести любовь?»»

И она на его посмотрела и влюбилась в его, што он такой красавец. И вот они, значит, с ней полюбежничали, и он стал летать к ней каждую ночь. Но и так как она, будем говорить, забеременела. Но так как прислуга его увидала, узнала, и што откуль ето жделалошь?— И тайно дали знать королю. А у них был такой завет, еже только когда признают ето дело, выйдет наверх, то как обсудят другого, то и другому не отставать. И вот, когда донесли королю, король тайно послал такой краски, штобы намазать окно. Чем бы он не кочнулса (там бы кто не был) етой краски, ни отмыть ни отскоблить.

Как оне, не тот не другой, етого дела не знали. Он также и етую ночь прилетает и лежет в ето окно, вжалша руками и замарал руки. Ну, и когда прилетает назать, ложится опеть таким

же спокоем спать, утром стаёт, оделся, пошел умываться. Когда стал умываться, видит на руках его краска. И вот помыл он, поскрёб — не отмывается и не отскабливается.

Когда король стал и увидал: «Ах, дак ето ты там, голубчик бываешь?» — Он и говорит: «Дак што, я бываю, и по приглашению вашей дочери». — Тогда король привести велел свою дочь. Когда привезли дочь, король стал ей выговор делать: «Што ж ты делаешь?» — Она и говорит: «Судьба моя и грех мой».

Вот его и стали судить и присудили на вёсельницу. Тогда дочь и говорит: «Когда его обсудили на вёсельницу, и я туда же иду, не отстану». Король, не шшадя своей дочь, приказал вести обоих. Когда подвели их к вёсельнице и прочитали фотормацию, тогда он и говорит: «Вот што, господа, как по вашему закону, веруете ли в богу и веру?» Они говорят: «Почему же не так? Всяк свою веру наблюдает, также и бога». Он и показывает на своего орла: «Вот у меня с собой бох, дозвольте, с ём проститься». — «Иди, иди прошшайся!» — А как он пошел, и говорит своей королевне: «Иди и ты со мной, грех у нас один!»

Когда они подошли, он начал кланяться ему, и бутто молится ему, а сам на его мостится, а также и её мостит на его. Когда они усялишь оба на орла, он повернул его и говорит: «Вон», говорит: «наши голуби вашу пшеничку клюют». — И таким родом улетел из Франции.

Когда прилетает уже домой, спускается прямо во дворец, и царь его увидал, што евился сын и с невестой, тогда встретил их и стал спра-

шивать: «Где был и где ету взял?» Он и говорит: «Был я во Франции, а эта француска короля дочь и привёз я за себя взамуж». — Но так как у царя ни пиво курить, ни вино варить — пир пирком и свадьбочка! Там вино лилось рекой, даже выпить мне пришлось — вина - пива много пил, огурцами закусил.

22. О ТРЕХ ЦАРСКИХ ДОЧЕРЯХ

В некотором царстве, в некотором государстве, именно, в том, в котором мы живём, жил-был царь с царицей, у его были три дочери. Они жили благополучно, царствовали, и минуло старшей дочери семнадцать лет, и проситца она у своих родителей в сад погулять. Те ей, как дозволили итти, вжала она своих нянек и пошла.

Сколько они по саду ходили, гуляли, вдруг черевны у их не стало. Давай они ходить, искать, гáркать, кликать, нигде не оказываются. Только они пришли во дворец, докладывают государю: «Ваша царевна скрылась, неведомо куда». — Царь и зделал розыск, и везде сколько ни искали, но нигде не могли найти. Итак, значит, пропала, его старшая дочь.

Стали жить при двух дочерей. Так как средней минуло тоже возрасту семнадцать лет, и вот также она просит своих родителей, штоб дозволили погулять. Они ей говорят: «Ну, иди, только смотри, берегись, будь осторожна. Далеко от своих нянек не отходи, будь при них, так как твоя старшая сестра без весте погибла». — Вот она пошла со своим нянкам, начали

ходить по саду, забавляться разным цветом и вдруг скрылась у их и вторая царская дочь.

Вот они сколько также её кликали, искали, нигде не могли доискаться и догаркаться. Приходят из сада и докладывают государю: «Што ваша дочь из глаз наших безъизвестно скрылась, неведомо куда». Царь таким же образом искал, трудился, изделал розыск, и везде сколько ни искали, но нигде не могли найти.

Так, погибла и вторая дочь. Осталишь они при одной и живут они втроечком, тешат, нежат свою дочь, и вот так же, как и эта, достигла возраста семнадцать лет, таким же родом и эта просится у них в сад погулять. Они ей говорят: «Што же, вот как две старшие сестры ходили и погибли без весте, штоб и над тобой не случилось». — Она и говорит: «Я, ведь, от нянек своих никуды не шкроюсь».

Вот она также пошла со своим нянькам, начали ходить по саду, забавляться разным играм, но она была всегда при няньках. Вдруг ниоткуль вжалса вихрь, подхватил и уташил из глаз их, и уташил неизвестно куда. И они, как видят, дело это не минучее. Надо дать знать родителям, приходят и докладывают государю. «Што вот из глаз наших неоткуль взялся вихрь и унёс царевну». Царь видит, ето дело не ладно, ходил крестный ход в сад и начал на тем месте служить молебны, но и ето ничего не помогло, и дочь его так и пропала, неизвестно куда.

Царь думал и гадал, как бы жделать дело, может хоть одна где найдётся. Начал вызывать охотников: — «Кто только разыщет мою, хоть

одну дочь, за того я оддам замуж, и половину своего царства оддам». — Вот выискался один ерой-генерал, и приходит: «Я пойду разыскивать. Дайте мне полк солдат и пять тысячёв денёв». — Государь его ничего не жалеет, все дал генералу.

Генерал отправилша разыскивать царских дочерей, выходит из городу, — в конце города, стоит кабак. Генерал и говорит: «Вот, ребята, я вас попотчеваю, а тода подём». — Заходит, берёт водки и выносит солдатам: «Пейте, ребята!» — А сиделец начал его спрашивать: «Куда путь дорьжите?» — Генерал всё ему рассказал: «Иду разыскивать царских дочерей, которые без весте из саду пропали».

Сиделец ему и говорит: «Не желаете ли в карты со мной поиграть?» — Генерал и говорит: «Што ж можно!» (Начальство падуче в карты играть). Дай, сля он играть с сидельцем: сиделец выиграл у него все деньги. «Ну-с, теперя под чего будем играть?» — «Давай играть под солдат!» — «Давай!» — и вот сиделец выигрывает полк солдат. — «Ну-с теперя под чего?» — «Давай под одёжду!» Генерал и одёжду ему проиграл. — «Ну, теперя под чего?» — «Давай под самого тебя играть!» — И вот выигрывает самого его. Когда выиграл его самого и посадил в столб, генерала етого.

Государь ждёт месяц, нет никакого известия от генерала. Государь опять клич делает: «Кто только разыщет мою, хоть одну дочь, за того я оддам замуж и половину своего царства ондам!» — Вот выискалша опять же ерой-генерал и приходит: «Я пойду разыскивать! Дайте мне

ОСКОМОУ ИХРАБРОМУ НЕПОБЕДИМОМУ БОГАТЫРЕ ИВАНУ ДАРЕВИЧУ И О ПРЕКРАСНОЙ ЕГО СУПРУГЕ ЦАРЬ- ДЕВИЦЕ

В некоем царстве некоем государстве живил был царь во
имени Фриде и царица царь жил со своим супругом дарив много
летъ детей немало и нуже приобщил они старости какъ на
часи молитва пору чинил онъ даривал имъ дитища скоро
после того царица дарна овершила и трезъ обыкновенно время
родила дочь прекрасную которую называли луною и чрез годъ въ ро-
дила она еще одну дочь которую красотою своею гораздо превосходи-
ла сестру свою почему называли ее звездою си две прекрасныя
царевны воспитаны нучены совлания прижания и когда вошла се-
стра была попятнацатьму летниа сестра почетынацатьму году
то в то же время пошли они в лесныя сады гулять съ своими
компаньями и малушки и гуляли тамо долгое время какъ вдругъ
подмалса превлкова и вуръ и нучея обила царевны изгнана изъ ка-
мелъ и малушка и малушки испужавши побжали изъ царице дарна и
кужали въ ту сторону печаль царевны дарна чать нучериа стало
тардон бедности и поже спазла отъ царя зрелую востори
меление съ былъ ожаленъ отъ чинъ случея тогда царь ии
ден началъ какъ кликать кто дочери его сыреть лю за
того отдался взынулъ одну изъ своихъ дочерей которую
назвали однако никто такой небылоаса после того
царица собирала войсковоу и началъ спрашивать однихъ

Сказка о сильном и храбром, непобедимом богатыре
Иване-даревиче и о прекрасной его супруге Царь-
девиде.

полк солдат и пять тышеч денег!» — Государь его ничего не жалеет, все дал генералу.

Генерал отправилша разыскивать царских дочерей, выходит из городу, в конце города стоит кабак. Генерал и говорит опять же: «Вот, ребята, я вас попотчеваю, а тогда подём». — Заходит, берёт водки и выносит солдатам, што вот пейте, ребята! — А сиделец начал его спрашивать: «Куда путь дорьжите?» — Ну, етот генерал ему вшо рассказал, што как ударя три дочери б е з в е с т е из саду пропали и «што я иду их разыскивать».

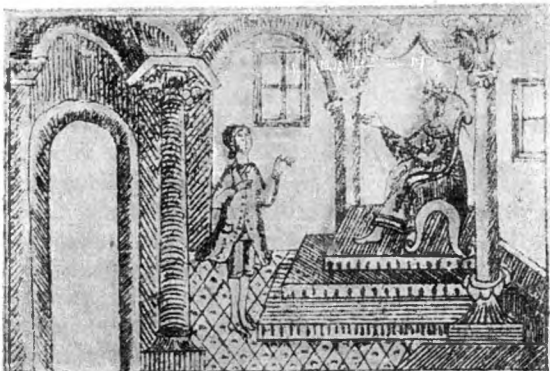
Сиделец ему и говорит: «Не желаете ли в карты со мной поиграть?» — Генерал говорит: «Што ж можно!» — Сял он играть с сидельцем; сиделец выиграл у него все деньги. «Ну-с теперя под чего б́удем играть?» — «Давай играть под солдат!» — «Давай!» — И вот сиделец выигрывает полк солдат. — «Ну-с теперя под чего?» — «Давай под одёжду!» — «Давай!» — И вот генерал и одёжду проиграл. — «Ну, теперя под чего?» — «Давай под самого тебя играть». — И вот выигрывает самого его. Когда выиграл его самого и посадил в столб, генерала етого.

Вот государь опять ждёт месяц: нет никакого известия от генерала. И опять же он клич делает: «Кто только розыщет дочь мою, за того я оддам замуж и половину своего царства оддам!» — И был солдат-пьяница, приходит к государю и говорит: «Ваше императорское величество, дозвольте мне итти ваших дочерей искать». — «Куды ты пойдешь, пьяная морда? — ступай под забором прошиши!» — Он и говорит: — «Куды хотите меня девайте, но я все-таки желаю ваших дочерей найти».

Государь подумал, по мечтал и потом: «Да ведь из пьяниц-то лучше выходит. Да-к что же ты, с чем ты пойдешь?» — «Да мне ничего не надо, дайте мне 25 рублей денег и пойду. Бох даст и найду». — Государь подумал, подумал: «25 рублей — небольшие деньги — ну пропьёт, пускай пропьёт!»

Вжал он деньги и отправилша. Выходит за город, доходит до етого же кабаку. Но как пьянице не терпится, надо зайти в кабак, хоть стаканчик да выпить. Заходит он в кабак. Сидельца самого тут нету, а за стойкой стоит дочь его. Солдат попросил стаканчик, выпил и спрашивает у ей: «Рá жи вы ждешь сиделец?» — Она говорит: «Нет, у меня есть отец и мать». — «А где же они?» — «А они ушли», говорит: в баню. А на что же вам их?» — «А я так спросил».

Потом ета дочь и говорит: «А куда же вы пошли, куда путь дорьжите?» — Солдат ей и говорит: «Я пошол царьских дочерей искать». — «Где же вы их найдёте?» — «Может быть, и найду — всё равно пойду страмствовать. Вот у нас раньше ушли два генерала с двум полкам, и неизвестно, где они, и я к им я ушол вдобавок». — «Хо-х», говорит: «да оне у нас!» — «Как у вас?» — «Да вот так. Потому што, как первой генерал пришол с полком, купил вина солдатам, и мой отец приглашал его поиграть в карты, и они сяли играть, и мой отец выиграл с его деньги, потом солдат, потом одёжу, и самого его, и посадил в столб. И также и другого», говорит: «и сейчас они оба в столбе сидят». Солдат и говорит: «А как же он с им я

СКАЗКА
ОЗОЛОТЫМЪ СЕРЕБРЯНЫМЪ ИМЕДНЫМЪ ЦАРСТВАМЪ

Внекоторымъ было царствѣ внекоторомъ
государствѣ жилъ царь испурую своєю и
мели усеба прехъ прекрасныхъ выновети
звкопорухъ называли вошаго басиде на
ревичъ аргамато феоdorfъ царевичъ амен
шенъ иванъ царевичъ водинъ день царь
прогуливалася куда испурую своєю в
друго наднема влхоръ ичнесь царевъ
ну изгласъ сво очмъ царь кнма былъ
таемъ долгое время совоазмъ охоси су
пруге стирйшнн его два сына испура
утечалнаго бца своего влгословенна не
отправилна влговъ свои жкашо таже
ри своел едучи они вскоими людами
долгое время издехали вдикумъ степь
раскинули полатки ожидали нсудка
плн кере влговъ указавъ доугору одна
ко чрезтри года никого невидали аж
до шела погресъ иенши влговъ иванъ цит
вичъ ипоявъ также испроса уолца своего в
гослодоев простася отправилнхъ влговъ

Сказка о золотом, серебряном и медном царствах.

играт?» — «Да, вот как, етот стул не простой, как на него сядёт — как он любого, кажного обыграет».

Солдат мотнул себе на ус ето дело. Нельзя ли, мол, етим стулом завладать. Просит он другой стаканчик, закусить гля смелости. Покуда он выпиват стаканчик, всё поджидат, скоро ли придёт сиделец. И вот тем временем приходит сиделец из бани.—«Куда ж ты пошол, куда путь доржишь?» — «Пошел вот царьских дочерей розыскавать!» — «Хо-хо! Где тебе их найти досталось!» — «Да, может, и найду» — «Да, нет не найти! Деньги есть?» — «Есть».

А солдат вроде как притворилша пьяным, и уж на стул етот сял. «Да, давай лучше в карты сыграю!» — Солдат говорит: «Давай!» Сиделец достаёт карты, и говорит солдату: «Ты садись сюды, а я сяду на етот стул». — Солдат говорит: «Нет, я хорошо ждешь сижу, мне здесь ловчѣ». — Сидельцу делать нечего, солдата со стула не может сжить. И думат на уме: «Все-таки ты пьяный, я тебя околпачу».

Ну, вот начали играть. Сначала солдат выигрывает все деньги, что у сидельца было, потом отыгрывает етих солдат назать, потом отыгрывает у него всё имушество. Больше уж у сидельца не под чего играть. А про генералов забыл, што они в столбу стоят. Вот и в конце-концов вспомнил: «Да, ведь, у меня еше есть два генерала». — Приводит етих генералов и проигрывает их. И остался безо всего.

Солдат говорит: «Ну, теперя што будем делать с тобой, под што будем играть?» — Сиделец говорит: «Да не под чего бле». — Солдат говорит

сидельцу: «Ты больше никовда с солдатом не играй. Вот на тебе назать одёжу, и не обидься никовда на меня, а вы, ребята, ступайте на своё место, служите, значит, солдаты! А вы, генералы, пойдёте вместе!»

Зашли на базар, купил пять пудов верёвки, и заставил генералов тащить. Вот шли они чистым полем и подходят к ущелью, или сказать, глубокому авраку. Вот спускаются этот аврак, пошли по етому авраку, и дошли до норы. И когда остановились у етой норы, солдат и говорит: «Ну, ребята, жделаем зыбку из етой верёвки, и вот я буду спускаться по верёвке, а вы бытёте у етой норы. Когда я буду дёргать, то вы тогда тащите».

Когда солдат спустился в ету нору и пошел по етому ущелью и видит: стоит оловяной дворец. Заходит он во дворец и видит, сидит старшая царская дочь. Он и говорит: «Здравствуй, царевна!» — Она и говорит: «Здравствуй, русска кожа. Слыхом не слыхать и видом не видать! Сюда и зверь не забёживал, и ворон костей не залётывал, а ты сам на дом пришол!» — «Да я — говорит — пошел от вашего родителя вас разыскавать». — Она говорит: «Да как же ты меня оттуль возьмёшь? Так как — говорит — у меня трёхглавый змей, он прилетит, тебя съест». — «Ну да — говорит — съест ли подавится».

Она немножко подумала и говорит: «Вот што жделаем. Вот в шкапу стоят у его напитки. Один с сильным напитком, а другой с бессильным. Да-к вот, я возьму, да и переставлю их сильные на бессильные, а бессильные на силь-

ные. Да-к вот, когда он прилетит, он сразу узнает, што русска кожа сидит, ты на время спрячься. И когда уж будет тебя вызывать, выходи и говори с им смелё. И когда он вам подаст напиток с бессильного места, вы пейте, потому што у вас силы прибудет, а сам он выпьет заместо сильного — бессильной. Тогда вы можете с ём биться». — Ну и он, значит, спрятался.

Вдруг в скором времени летит трёхглавый змей, прилетает ко дворцу, ударился об землю и жделалша молодцом. Заходит в дом, и говорит «Фу, русска кожа! Сюда и зверь не забёживал, и ворон костей не залётывал, а ты сам на дом пришел. Ну-те, выходи!» — Царевна ему отвечает: «Вы», говорит: «по Русе летали, и русского духу нахватались». — «Што мне врёшь?» говорит: «Выходи кто такой ешь?»

Солдат выходит, говорит: «Што тебе надо?» — «Зачем ты сюда пришел? Кто тебя звал?» — «Я пришел — говорит — освободить царевну из твоих дьявольских кохтей». — «Што ты со мной заговорел? Шечас я тебя раздавлю!» — Он говорит: «Врёшь, идилишно проклятое! Либо съешь, либо подавишься!» — Он говорит: «Ну што ж, будем биться, или мириться иль братоваться?» — «Не на то — говорит — я пришел, штоб мириться, а штобы биться». — «Ну всё-таки — змей говорит «давай пёрво выпьем, потом будем биться». Солдат говорит: «Давай!»

Змей отворяет шкаф, достаёт бутылку с бессильного места (а они уж переставлены с сильным напитком). Солдат, когда выпил и говорит, «што я тебя сейчас раздавлю». — А змей выпил.

с бессильным. Змей, когда выпил, и говорит: «Ну, бей!»—Солдат ему говорит: «Русской дух никогда не начинается вперёд, а наоборот. Начинаяй ты!»—Змей его ударил—солдат стоит, как столп. А змей от своего удара пошатнулся.

Солдат, как размахнулся, так все три головы и отшиб. Он взял, вытащил его, тело сожог, пепелок развеял. Царевна даёт ему оловянное ячко, говорит: «Переброшь его из руки в руку» — он переброшил из руки в руку и оловяного дворца не стало. «Ну-с теперь пойду, вашу среднюю сестру искать». Царевна говорит: «У ей шестиглавой змей». — Солдат не взирает ничего и идёт дальше.

Когда доходит, видит стоит серебряной дворец. Заходит туда и там сидит средняя царская дочь. Он заходит и говорит: «Зрастуй, царевна!» — Она и говорит: «Зрастуй, русская кожа! Слыхом не слыхать и видом не видать, зверь не зарыскавал, и ворон костей не залётывал, а ты сам на дом пришол». — «Да я—говорит — пошол от вашего родителя вас разыскавать». — Она говорит: «Да как же ты меня оттуль возьмёшь? Так как — говорит — у меня шестиглавый змей. Он прилетит, тебя съест». — «Ну да—говорит—съест ли подавится». —

Она немножко подумала и говорит: «Вот што сделаю. Вот в шкапу стоят у его напитки. Один с сильным напитком, а другой с бессильным. Я шечас вожму и переставлю их. Сильны на бессильные, а которы бессильные на сильные. Да-к, вот когда он прилетит, он сразу узнает, што русская кожа сидит, ты на время спречься. А как будет уж тебя вызывать, выходи да го-

вори с им смелѣ. И как он вам подаст напиток с бессильного места, вы пейте, потому што у вас силы прибудет, а сам он выпьет заместо сильного — бессильной. И тогда вы можете с ѣм биться». — Ну и он, значит, спрятался.

Вдруг в скорое время летит шестиглавый змей, прилетат ко дворцу, ударилша об жемь и жделалша молодцом. Заходит в дом и говорит: «Фу, русска кожа, сюда и зверь не забѣживал и ворон костей не залѣгывал, а ты сам на дом пришол. Ну-ка, выходи!» — Царевна ему отвечает: «Вы, говорит, по Русѣ летали и русского духу сами нахваталишь». — «Што ты мне врѣшь? говорит: «выходи, кто, такой есть!»

Солдат выходит и говорит: «Ну што кричитѣ, што тебе надо? — «Зачем ты сюды пришел? Кто тебя звал?» — «Я пришел — говорит — ослобонить царевну от твоих дьявольских кохтей». — «Што ты со мною заговорил, шечася тебя раздавлю!» — Он говорит: «Врѣшь, идблишшо поганое! Либо съешь, либо подавишься!» — Он говорит: «Ну што же будем биться иль мириться, иль братоваться?» — «Не на то — говорит — я пришол, штоб мириться, а штобы биться». — «Ну всё-таки», змей говорит: «давай перво выпьем, потом будем биться» Солдат говорит: «Давай!»

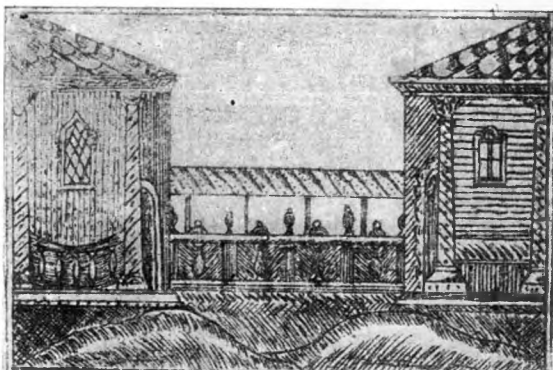
Змей отворят шкап, достает бутылку с сильного места, и подаёт солдату. Солдат, когда выпил и говорит: «Ну, я тебя сечас раздавлю!» А змей, как бутылки переставлены, выпил с бессильным. Змей и говорит: «Ну бей!» — Солдат ему говорит: «Русской дух никогда не начинат вперед, а наоборот! Начинай ты!»

Змей его ударил — солдат стоит, как столб. А вот теперь солдат размахнулся, змею три головы сошиб. Змей снова размахнулся, ударил солдата — солдат пошатился. Рассердился тогда солдат, ударил змея, ешшо три головы сошиб. Потом он вжал его, вытащил, тело сожог, пепелок развеял.

Тогда царевна дает ему серебряное яичко и говорит: «Вот переброшь его из руки в руку». — Он переброшил из руки в руку, и серебряного дворца не стало. «Ну, теперь пойду вашу младшую сестру искать». Царевна говорит: «У ей девятиглавой змей». — Солдат на ето ничего не взирает и идет дальше.

Когда доходит, видит стоит золотой дворец. Заходит туда и там шидит младшая царевна. Он заходит и говорит: «Здравствуй, царевна!» — «Здравствуй, русская кожа! Слыхом не слыхать и видом не видать. Зверь не зарыскавал и ворон костей не залётывал, а ты сам на дом пришел!» — «Да, я — говорит — пошел от вашего родителя вас разыскать». — Она и говорит: «Да как же ты меня возьмёшь? У меня — говорит — девятиглавой змей. Он прилетит, тебя съест». — «Ну да — говорит — съест либо ишо подавится».

Она немножко ето подумала и говорит: «Вот, што жделаю. Вот в шкапу стоят у его напитки. Один с сильным напитком, а другой, значит, бессильной напиток. Я шечас возьму и переставлю их: сильны на бессильные, а которые бессильны на сильные. И когда он прилетит, дак сразу узнает, што русская кожа пришла и ты спрячешься. А как будет тебя вызывать, выходи и говори с ём смелё. И как он тебе подаст

и приказавъ прѣвать ксебе башма
шники акакъ пришелъ в шмашникъ
то и приказавъ что бы завтрашняго
дня поутру предсимъ дворцомъ
поставилъ дворецъ иззолотое госуда
рство ютнего золотой мостъ до
дого ихъ царкати дворца покры
той зеленыиъ бархатомъ иже изъ б
него ушла хозяйниъ пришелъ домоу се
она печальнъ иказавъ все оное ра
дотнику аламъ зрора такъ написа
лъанъ что исамъ лева уже непом
нитъ толко иговоритъ теперь хо
ла голову рѣви такъ нужды нетъ
царевичъ услышъ сие приказавъ ду
ху чтобы непременно къ завтраму по
ставилъ дворецъ иззолотое госуда
рство сокрывлющеся взолото
мъ аще духъ поприказанию все
исполнилъ и поутру рано перене
съ туда ивана царевича

Сказка о золотом, серебряном и медном царствах.

напиток с бессильного места, — и ты пей, потому што у тебя силы прибудет, а он выпьёт, у него силы убудет. И тогда будешь ты с ём биться». — Ну и солдат спряталша.

В скорое время прилетает девятиглавой змей, прилетат ко дворцу, ударилша об жемлю и жделалша молодцом. Заходит в дом и говорит! «Фу, русская кожа! Сюда и зверь не зарыскавал и ворон костей не залётывал, а ты сам сюда на дом пришел! Ну-ка выходи!» — Царевна ему говорит: «Да вы — говорит — сами на Русе летали и русского духу нахватались». — «Што ты мне врешь» говорит: «выходи, кто такой есть!»

Солдат выходит и говорит: «Ну што кричишь, што тебе надо?» — «Зачем ты сюда пришел? Кто тебя звал?» — «Я пришел освободить царевну из твоих дьявольских кохтей!» — «Што ты со мной заговорел — шечас я тебя раздавлю!» — Солдат говорит: «Врешь, идиблишно поганое! Либо съешь, либо подавишься». — Змей опять говорит: «Ну што же будем биться или мириться, или братоваться будем?» — «Не на то — говорит — я пришел, штоб братоваться, а штоб биться». — «Ну, всё-таки», змей говорит: «давай перво выпьем, потом будем биться». — Солдат говорит: «Давай!»

Змей отворят шкап, достаёт бутылку и солдату подаёт. А как они уже переставлены, солдат выпил с сильного места, а змей выпил с бессильного. Вот змей и говорит: «Ну бей!» — Солдат ему на то отвечает: «Русской дух никогда не начинает вперёд, а наоборот. Начинай ты!» — Вот змей ударил, солдат пошатнулся;

солдат размахнулся — сразу три головы сшиб; змей во второй раз ударил — прошиб солдату висок, а солдат осердилша, развернувшись, ударил — сшиб пять голов. Змей в третий ударил — пошатнулся сам; а солдат в третий раз размахнулся и сшиб последнюю голову. Он вжал, вытащил его, тело сожог, пепелок развеял. Царевна даёт ему золотое яичко и говорит: «Перебрось его из руки в руку!» — Он перебросил и золотого дворца не стало. «Ну теперь пойдем со мной».

Когда доводит их до норы, сбдит старшую царевну в самую эту зыбку, дёрнул — генералы её потащили. Когда вытащили спускают обратно эту зыбку — он сбдит и вторую царевну. Когда они вытянули — спускают и третью, он тогда сбдит и младшую. Когда они вытянули младшую, и больше веревку не спускают и говорят царевнам: «Скажите, што мы вас нашли», и взяли с их клятву, штобы они не сказывали про солдата. И вот так пошли домой, солдат остался в етой норе.

Солдат ждал, ждал — обратно не спускают. Нечего солдату делать, отошел от етой норы, достал оловянное яичко, перебросил из руки в руку и вот перед им стал оловянный дворец. Зашел он во дворец, крикнул: «Духи, где вы?» — Явились перед ним двенадцать духов. «Что угодно?» — «Подавайте мне выпить и закусь!» — Те сейчас же накрыли ему стол. Тот, например, выпил и закусил, сидит и думат: «што я теперь буду делать?»

Вынул яичко, перебросил из руки в руку, оловянного дворца не стало. Потом походил по

норе, достает серебряно яичко. Перебросил из руки в руку, и вот перед им серебряной дворец. Взошел в его, походил по ём, вскричал: «Духи, где вы?» — Явились перед им двенадцать опять духов: «Что вам угодно?» — Он говорит: «Подайте мне выпить и закусить!» — Те накрыли ему стол, он выпил и закусил. Походил по дворцу, нет ничего. Походил по норе, достает яичко, перебросил из руки в руку — не стало серебряного дворца, и думает: «Дай-ка, построю я золотой дворец!»

Достает золотое яичко, из руки в руку перебросил, стал перед ём золотой дворец. Заходит в его, и увидал: висит в углу балалайка. Вжал он ету балалайку, и зачал на ей играть. Вот чертёнок по чертёнку и набрались полный дворец. — «Он дай, солдат, нашу балалайку!» — Солдат сидит, играт, а черти все просят: «Ондай нашу балалайку!» — Потом солдат им я и говорит: «Вот што, черти проклятыё, выташшите меня из етой норы, отдам вам ету балалайку. А ешли не сумеете выташшить, то не ондач».

Черти в тот раз в ответ: «Пойдем к норе, сейчас выташшим, только он дай балалайку». — Подходят к норе и давай лестницу делать. Стают чертёнок на чертёнка и плетут лестницу. «Ну, солдат, теперь выходи!» Солдат тогда вышел из норы и бросил им я балалайку. Да и пошел обратно в город.

Когда приходит в город, и стаёт к бедному старику на квартиру. И так, у царя вот-вот свадьба. Генералы-то пришли, и сказали: «Мы спасли дочерей», — и государь за их ондает.

Ну, дочери отцу говорят: «Што, вот што, папаша, когда оне нас сумели достать, и пускай нам достанут чулки, которые у нас на тем свете были». — Потом, государь призывает генералов етих, своих нареченных зятевей и говорит: «Вот што, нареченные мои зятевья, когда вы сумели моих дочерей достать, то сумейте и чулки достать, которые на их были на тем свете».

Вот, и им я, значит задача. Почем же оне знают, какие чулки у дочерей на тем свете были. И вот стали по городу рыскать, разыскавать, кто бы взяла связать царским дочерям чулки, которые у их на тем свете были. Солдат опять и услышал. Да и говорит старику. «Ступай-ка, дедко, не увидишь ли етих генералов и берись ети чулки связать, которые у их на тем свете были, только не ошибайся, проси дороже!»

Старик пошел, и как раз ему ети енералы стречу. «Здрастуй, дедушко!» — «Здрастуйте!» — «Вот што, дедушка, не возъмься ли сделать царским дочерям чулки, которые у их на тем свете были?» — Старик говорит: «Да, могу!» — «А што же будут стоить?» — «Да, за три пары три тысячи рублей!» — «Ладно, только штоб к утру были готовы!» — «Ладно», говорит. Генералы дают ему деньги. Старик отправила обратно.

Когда приходит домой и солдат его спрашивает: «Ну чо, взяла?» — «Да, взяла!» — «Што за работу взял?» — «Три тыщи рублей!» — «Ну, так ладно, ей таши штоф вина!» — Старик, говорит: «Да, што же мы наьемся пьяны

когда же будем работать?» — Солдат говорит: «Дак што, ешли не хочеш итти по вино, так работай сам, дело не моё!» — Старик думат: «Так беда и так беда!» — Нечего делать старику, пошол, принёс штоф вина, выпили со стариком и солдат ложится спать. Старик думат: «Вот беда!»

Ну, делать нечего, несколько покрутился и сам свалился. Солдат, когда проснулся, видит: старик спит. Достает чулки и кладёт на стол и будит старика. — «Вставай, дедко, неси свою работу, сдавай генералам!» — Старик, когда разбудился, видит лежат на столе чулки, взял ети чулки и понес генералам. Солдат ему и говорит: «Если генералы спросят: те ли самы чулки? говори, што те».

Когда приносят генералам чулки, те говорят: «Те ли, старик, чулки?» — «Точно так, те!» — Тогда генералы взяли чулки и пошли к государю. Когда приходят к государю и подают. — «Вот, самые ети чулки!» — Государь берет чулки и несет дочерям. — «Вот, любезные дочери, вот вам и чулки!» — Дочери ему в ответ: «Да, папаша, самые те! Вот што, папаша, когда оне достали нам те чулки, пускай достанут те ботинки, в которых мы на тем свете были».

Государь приходит к генералам и говорит: «Ну, когда вы сумели достать чулки, достаньте и те ботинки, в которых оне на тем свете были и штоб к утру были готовы!» — «Ладно!» Поворотилишь генералы от государя и давай ладить, етого старика искать. Солдат опеть говорит старику: «Ну, дедко, ступай, верно, тебя генералы ищут. Будут рядить ботинки делать,

беришь, только дороже проси!» — «Ладно!» — Дедко идёт, а генералы гоняют, етого старика ищут. Завидели етого старика, возрадовались и кричат: «Здрастуй, дедушка!» — «Здрастуйте!» — «Вот што, дедко, не возьмешься ли ты ботинки жделать, в которых царски дочери на тём свете были?» — «Да, ладно, батюшки, вожмушь». — «Шго же будет за работу стоить?» — «Да, по две тыщи рублей», говорит. — «Ладно!» — Оне ему дают деньги, и штоб к утру было готово, а ешли не будет готово, то «мы тебя сказним!»

Старик приходит, и обсказывает солдату, што вот, мол, вжал заказ. — «Што за работу вжал?» — «Да, по две тыщи!» — «Ну так ладно, таши вина три бутылки!» — А старик твердит одно: «А когда же будем ботинки делать?» — Солдат отвечает: «Так делай, я тебя не унимаю! А ето дело не твоё. Я тебе говорю, таши вина!» — Старикуну нечего делать — пошол, притащил три бутылки вина, выпили, и солдат свалился, старик видит, делать нечего, сам ложится спать.

Солдат проснулся — старик спит. Солдат достаёт ботинки — ставит на стол, и будит старика. «Ну, дедко, вставай, ботинки готовы! Сдавай генералам». Старик стаёт, видит готовы ботинки, вжал и понёс генералам. Солдат ему и говорит: «Ежли спросят, те ли самые ботинки, скажи, што те!»

Старик идет к енералам, приносит им ботинки; оне говорят: «Те ли, старик, ботинки?» — «Так точно, те самые!» — Генералы берут и являются к царю. «Вот самые те ботинки!» — Государь берёт и несет дочерям. — «Вот, любезные дочери, вам те самые ботинки». Дочери посмотрели и

КАКЪ РАДУХЪ ПРЕСТАВЪ ПРЕДЪ
ЧЕЛОВЕКА КОТОРОИ СМЕСЪ ЕГО СТОРЪ И
ПОСТАВИДЪ НАПОЩАДІ ЕГО ГОСУДАРСТВА
ГДЕ ВСТРЕТАМЪ СОДНИМЪ СПОЖНИКО
МЪ УКОЕМО НАНЕСА ВРАВОПНИКИ КОЗАНИЗ
МАХУПА ДОВОЛНО КОЖЪ НАНЕСА НУБИЛНО
ПАНЪ ИМЕРЪ СЛАТЬ ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ ВІ
ДА ЧТО ВДОЗАНИСЪ ЕГО ПРОКУ МАЛО П
РИЗВАЕ ДУХЪ КОТОРОИ СМЕСЪ ЕГО ЗГО
РЫ ИТРИКОЗНАЕ ЕМУ КЪУТРЕМУ НАДЕ
ЛТЬ ДУХЪ ПОПНИСЪ СВО ВСЕ УЧИНИЛЪ И
ПЛУТЪ РОЗЪДЛЪ КОЗАНИНЪ ПОСЛАЕЪ ЕГО
ВРОДЪ КРОРОДЪ ГДЕ КУНЦЫ УЖИДА ОЛЕ
НИУМЪ РАБОТУ ПЛОТЪ ЧАСЪ РОСЛУПАИ ЕГО
ПРЕСТАВІИ ЗНАТНИМЪ ГОСПОДАМЪ ЯКО
НЦЪ УВИДА СОВЪ ЦАРЬ ЕНО РАБОТУ ВРІ
КАЗАНЪ ПОСЛАЕЪ ВСЕГДА ВОДВОРЕЦЪ ІМЪ
ЖАВ ІПЕМА НАХОДВИНИСА ПЛУТЪ
ЗОМОТАГО ГОСУДАРСТВА ЦАРЕВНА
ПРИМЕЧА ЧТО ОНА РАБОТА ЗА
ПЛУТЪ ГОСУДАРСТВА ДУХЪ

Сказка о золотом, серебряном и медном царствах.

ему в ответ: «Да, папаша, те самые. Вот што, папаша, теперь, когда оне нам достали ботинки, пусть достанут те платьица, в которых мы на тём свете были, и штоб к утру было готово!» Король приходит к зятевьям: «Ну, когда вы сумели чулки и ботинки достать, достаньте и те платья, в которых оне, значит, на тём свете были».

Генералы давай опеть старика разыскать. Солдат посылат старика:— «Иди, дедко, тебя однако, генералы ищут, снаряжайся сработать платье царских дочерей, в которых оне на тем свете были. Да, м о т ри, проси дороже!» Генералы увидели старика.— «Так и так, дедушка, возьмишь за работу! Сделай то самое платье, в которых царски дочери на тём свете были!»— «Ладно!» — «Да штоб к утру было готово, а то сказним!» — Старик и на ето: «ладно». — «Што же будет стоить?» — «По три тыщи рублей». — Ну, генералы и на ето согласны.

Старик приходит домой.— «Ну што, вжал заказ?» — «Вжал». — «Што за работу вжал?» — «Да вот, по три тыщи рублей!» — «Ну, ладно, таши два штофа!» Ну старик уж стал маленько на солдата надеяться. Напилишь оба в лоск пьяны и улеглишь спать. Солдат проснулся — старик спит. Достает платьица и кладёт на стол — старик стаёт — видит: платьица готовы. Солдат опеть ему наказыват: «Ежели спросят, те ли платьица, говори, што те!»

Ну и опеть всё так же. Получили генералы и несут государю. Государь несёт платья дочерям. Те смотрят — ети самые! «Ну дак вот што, ежли сумели ето достать, пусть построют нам

дворцы, которые у нас на тём свете были и шток к утру были готовы». Государь приходит к генералам. Так и так, объявляет, «што, вот постройте к утру эти дворцы, которые у них на тём свете были». — Ну эти генералы опять старпка искать.

А солдат уж знат, опять старика посылает: «Торгуйся строить дворцы, да мотри, дороже бери! — Вот старик пошел, а генералы настречу бегут, увидели старика: «Так и так, дедушка, возьмишь за работу! Жделай те дворцы, в которых царевны на тём свете были!» — «Што ж ладно!» — «Да шток к утру было готово, а то сказним!» — Старик опять: «Ладно!» — «А што будет стобить? — «Да, по десять тышеч рублей!» Генералы на это согласны. Опять же приходит к солдату, обсказывает ему, што вот вжал заказ. — «Што за работу вжал?» — «Да вот по десять тышеч!» — «Ну, так тащи четверть вина!» А старик твердит: «А когда же будим дворцы ставить?» — «Так хош шечас делай, я тебя не унимаю!» — Старику нечего делать, ну напились оба в лоск и улеглишь.

Утром рано солдат стаёт, пошел против царского дворца, переброшил три яичка и поставил три дворца. Утром государь пробудился, взглянул в окно, и видит, как против окна золотой дворец. Он вышел на параднее крыльцо, посмотрел и полюбовался, што вот, дескать, в каких дворцах мои дочери жили. Приходит к дочерям и говорит: «Вот, любезные мои дочери, те же самые дворцы, в которых вы на тём свете были!» А те промежду собой говорят: «Наш благодетель здесь где-то, нужно его

найти» и просят у отца дозволения, штоб он дозволил имя прогуляться по городу. А имя не дорогá прогулка, как дорогого то, штоб найти свойго благодетеля.

А солдат тем временем пошел в кабак, напилша пьяным и вывалялша в грезе́ и лежит себе орёт. Те услыхали по голосу, што вот наш благодетель где-то ревет, отыскали его, и видят лежит он весь в грязе́. Шлежли с кареты, оттерли его, и посадили его в карету. Привежли во дворец и говорят отцу: «Вот, папаша, наш благодетель, а не те мошенники-генералы, которые оставили его в подземном ушшелье, а от нас взяли клятву, штобы не говорить про его, а достали, дескать, мы вас».

Царь за ето генералов прогнал со своей земли и лишил право звания, а младшая царская дочь вышла за етого солдата, и государь ондал солдату в приданое половину своего царства.

23. УМА МНОГО, ДА ДЕНЕГ НЕТ

У государя в колидоре стоял часовой. Ну, вот, стоит он ночью — никого нет в колидоре, лампы горят. Действительно, он был грамотный и завсегда имел, был у его за обшлагом, карандаш. Да, вот он придумал на стене написать: «ума много, да денег нет».

Вынул карандаш и написал. Отстоял свои часы и сменился. Утром государь встал, пошел по колидору и видит на стене написано. Подошел, посмотрел и думает: «Што такое! Ежли бы деньги, што бы он мог своим умом жделать?»

Вернулся обратно, зашел в свой кабинет, написал записку в караульный дом караульному начальнику: «Кто у меня написал: ума много да денег нет — послать его ко мне!» Караульный начальник спрашивает: «Кто, ребята, у вас на посту стоял и написал: Ума много, да денег нет?» — Тот и говорит: «Я!» — «Ну, так являйся к государю!»

Государь велел его пропустить в кабинет. Когда он заходит в кабинет, государь его спрашивает: «Ето ты у меня написал в коллидоре: «Ума много да денег нет»? — «Точно так, ваше императорское величество!» — «А што же бы тебе деньги, ты бы со своим умом жделал?» — «А еже бы мне деньги, ваше величество, я бы взял французского короля дочь за себя взамуж». — Тогда государь говорит ему: «Вот тебе тыщу рублей и открытый лист, где угодно можешь денег взять».

Он встал, берет тыщу рублей и открытый лист и отправляется во Францию. Когда он въехал в столичный город, в Париж, и просится у одной бедной вдовы на фатеру. Та говорит: «Я бы тебя с удовольствием пустила, но у меня у самой пить-есть пёчего». Он говорит: «Мне твоего ничего не надо — была бы только фатера гля меня». Он зашел в дом, вынимат золотой и посылат ее на базар купить съестных припасов. Женщина сходила на базар, купила, што он ей велел и зачáli они с ей жить. И она довольна от его осталашь. Значит, ходит на базар, и сама питается.

Живет он неделю, другую и каждый день ходит по городу, и вот ужнал, што королевская

Яшка Хренов.
(Деталь лубочной картинки).

дочь в одного принца влюблена. И занимает в такой-то гостинице номер. Тогда он пошел в эту гостиницу и просит хозяина этот самый номер. Хозяин ему отвечает, што этот номер занятый. — «А кем занятый?» Хозяин ему отвечает, што именно королевская дочь.

Он и говорит: «Так, што ж? Мне, ведь, один уголок и я тебе дам за его хорошую цену». Хозяин был на деньги зёрный и подумал: «Дескать, ведь, он мне хорошую цену дает — дай пушу я его в задний уголок». — Вот поставил ему тут в уголок койку и поместил солдата.

Сидит он себе, повесил на спичку мундёр и шинельку. Шидит на койке. Вот настал вечер. Приезжает королевна и увидала русского солдата. Призывает хозяина и говорит: «Как же ты мог пустить этот номер — ты же знаешь, што занимаю я?» — Да, тот хозяин и говорит: «Што же, ваше королевско высочество, я человек — не богатый, а он — русский солдат, наш язык он не понимает». — А королевна подумал: «Да, и верно! Так што он нам не помешает. Ну, пускай тут, ладно!»

Тем временем приезжает принец, входит в номер и увидал етого же самого солдата и спрашивает королевны: «Ето што за человек?» — «А ето — говорит — русский солдат. Он што нашего языка не знает». — Принец подходит к ему и говорит: «Солдат!» Тот говорит: «Чево?» — «Ты наш язык знаешь али нет?» — Солдат говорит: «Знаю!» — «Какой же — говорит — он?» — Солдат говорит: «Такой же крас-

ный, как у меня!» — Принец говорит королевне: «Да, ведь, он — дурак!»

Принец попросил у хозяина полдюжину пива: хозяин приносит имя полдюжину пива и она начинают выпивать. Солдат посмотрел на них и попросил дюжину. Он попросил таз и вылил это пиво в таз. Когда выпил, руки-ноги вымыл и приказал вылить во двор. Принец говорит: «Вот, мы пьем, а он купил, вымыл руки-ноги и приказал вылить».

Вот она начали промежду собою разговаривать, а солдат шидит — слушает. Королевна ему и говорит. «Вот вы ко мне севодня в двенадцать часов являйтесь. Вот под тако-то окно, и сарапайте, а я отворю окно и спущу вам лестницу». Солдат всё это дело слышит. Да, и попрошались и уехали. Королевна на своё место, а принец на свое. Солдат не будь дурак, собрался шечас в собранию и пошел.

Когда подходит под окно королевне и сарапнулса. Та услыхала и думала, што принец. Отворила окно и спустила лестницу. Солдат влж, королевна его спрашивает: «Что, душечка, огня, поди, надо вздуть?» — Он и говорит: «Нет, не гля чего. А то, за чем вы меня пригласили, за тем я и пришол». Да, королевна шечас согласна, и вот она легли на койку и жделали то, что им было нужно...

Тем временем явился принец, и вот постучал в окно. Королевна спрашивает: «Кто это там стукатся?» — Солдат ей и говорит: «Не паршивай ли етот солдатишка? Дай-ка я его етим тазом дёрну!» — Схватил таз и бросил за окно

и прямо попал принцу в лоб. И на лбу его всплыл булдырь. Принец был таков да нет—убрался назать.

Солдат и говорит королевне: «Что ж, душечка, мне теперя нужно уезжать?» — Королевна говорит: «Что ж, можете». Солдат ей говорит: «Што же, ваше высочество, вы позволите мне знак какойнибудь!» Она и говорит: «Да, какой же я вам дам?» «А позволите хоть, говорит, свое колечко». Та: «С удовольствием», говорит, снимает с пальца кольцо и подает ему. Солдат надевает на свой палец, попрощался и ушел. Да, приходит в свой номер и ложится спать.

Также и на второй вечер. Являются королевна и принец. Когда приехал принец, опять заказывает дюжину пива. Когда хозяин приносит дюжину пива, а солдат заказывает полторы. Да, и попросил таз, вымыл руки-ноги, и приказал вылить. Те начали выпивать пиво, королевна принцу и говорит — увидела на лбу его рог, булдырь етот самый: «Ето што же, душечка, у вас такое?» — Принец ей и отвечает: «Сѣдни был на ученье, и упал с лошаде, лоб себе зашиб». Когда оне рѣспили пиво, тогда королевна ему и говорит. «Ну, сѣдни опять являйтесь в двенадцать часов ко мне!»

Принец говорит: «Хорошо». Затем попрощались и уехали. Солдат опять того же часу собрался и пошел. Приходит под окно, опять стукнул, она отворила окно и спустила лестницу. Да, тот влеж в комнату, и пошло у их по-старому. Принец тот раз опять под окном и постукался. Она его и спрашивает: «Кто

там опеть?» — Он и говорит опеть одно и то же: «Да, не паршивый ли ето солда-тишка?»

Подходит к окну и говорит: «Что тебе надо, кто такой ты?!» Принец испугался и только дай бог ноги — унести бы. Когда принец ударился от окна, солдат и говорит: «Ну, душечка, и мне домой надо». — Она и говорит: «Так, что же, можете». — «А позвольте мне значок». — Она и говорит: «А что же вам нужно?» — «Позвольте свои часы». — Она снимает свои часы и дает солдату. Солдат попротился и уходит. Приходит в квартиру и ложится на отдых — спать.

Приходит третий день, настает вечер, опеть являются королевна и принец. Принец опеть попросил дюжину пива, а солдат сидит, молчит. Когда оне начали выпивать, то принец говорит королевне: «должно быть, солдат прогорел, севодни не берёт пива». Королевна и говорит: «Да налить ему стакан, подать — пускай выпьет!» Принец наливает стакан и говорит: «Что, солдат, пиво пьешь?» — Солдат отвечает: «Подашь, так выпью!» — «Иди, пей!» говорит.

Солдат стает с койки, подходит к столу, и берет за стакан. Когда берет за стакан, королевна тогда увидала свое кольцо на его пальце. Солдат выпил и ставит стакан. Королевна и говорит: «Что же ето у тебя, служивый, золотое или нет кольцо?» — Солдат отвечает: «Да, золотó». — Королевна и говорит: «Ну-ка покажи сюда!» Солдат снимает с пальца и подает ей кольцо. Королевна посмотрела: «Да, говорит, хорошее кольцо!»

Возвращение солдата домой.

Потом зглянула на стену и увидала часы. «Да у тебя и часы есть?» — «Да, есть» говорит. «Ну-ка, покажи», говорит. Солдат снимает и подает ей часы. Королевна посмотрела и видит: собственные ее часы, и говорит: «Да, хорошие часики». Отдает солдату назвать и долго не стала сидеть. Говорит принцу: «Мне сѣдни н ё к о д ы — надо уезжать домой». Попростилась с принцом и отправляется, и принец ушел.

Та, когда выехала в улицу, и принец уехал — приказала она кучеру заворотиться назад. Заворотилась и зашла опять в гостиницу в етот же номер. Да, говорит солдату: «Как же ты мог ето жделать?» — Солдат и отвечает: «Как же я не могу ето жделать, когда я слышу, што вы разговариваете?» — «Да-к, у вас же принец спрашивал, знаете ли вы наш язык и вы ему сказали, што такой же красный, как и у меня».

Он ей и говорит: «Да, он — принец, да дурак! Язык обнакновенный у каждого человека — красный. Он бы спросил: «Знаешь ли разговор наш — я бы ты ж н ё ему и сказал. Я говорит, сам был первый генерал во дворце, а не солдат, и обучон на все языки, и могу разговаривать с каждым!» — Она и говорит: «Когда умели ето жделать, умеите меня и вжать». Солдат ей отвечает: «Я затем и приехал». И вот они условились, что ежели чересь три дни она может вшѣ собрать. А ему штоб вежде были лошади готовы, з а д ё р ь ж к и не былб.

Вот так, через трое сутки она собралашь, а он заготовил лошади, штоб были везде готовы, гля проезду их. Вот чересь трое сутки,

он нанял легкого биржевого и подкатил ко дворцу. Точно также под его окно. Она спустила все его имяне свое и спустилась сама. Вот оне сели в карету, покатали по городу. И вот благополучно доехали до Петербурга и въезжают прямо во дворец. Да, вот доложили государю, што приехал такой-то вот солдат.

Государь вышел, смотрит: да, и верно, приехал солдат и привез дочь французского короля. Когда государь встретил их, и говорит: «Когда ты был солдат, теперь будь генерал!» Вот пир пирком и свадьба, и нынче живут благополучно.

24. ПРО МУЖИКА И СВЕШШЕНИКА

Вот как был праздник, и свешшеник служил литургию, и после литургии начал проповедь. В проповеде говорёлошь так. «У кого што есть — то он дай свешшенику, в то место, бог десять даст». — И вот, как был один мужичок за обедней и была у его только одна корова, он и думает на уме: «Неужели я корову свою он дам, мне бог в то место десять даст?»

Мужик приходит домой и говорит жане: «Вот што, баба, я сѣдни был за обедней и свешшеник читал проповедь: у кого што есть, он дать свешшенику, в то место бог даст десять. И вот, как у нас одна корова, он дадим свешшенику, не даст ли бог в то место десять?» — Жана и думает: «Ну, так што ж, на самым то деле. Давай, мужик, отдадим!» — Поймали корову и потапишили к свешшенику.

Когда приводят корову к свешшенику, мужик и говорит: «Вот, батюшка, вы севодни читали проповедь и говорели, што у кого есть, то он да й свешшенику — в то место бог десять даст. И вот, как у меня одна корова, я привел её к вам, не даст ли бог в то место десять.» — (Свешшеник сказал: «Ага спасибо!») — и велел опустить её во двор.

Да, и вот живет у свешшеника корова, и у его было девять быков своих, и корова с этим быкám стала ходить в поле. И вот настало лето, стал жар, скот стал ходить полднём; вот эта корова, как бежала вперед быков, быки за ей. И увидала, што у старого хозяина вороты пóлы — и забегает прямо во двор и быки за ей. Мужик заглянул в окно прямо во двор и увидал: «Вот, баба, верно, нам бог дал в то место десять!» — И пошел запер ворота. Да, пастух идет, заходит во двор выгонять етого скота. Мужик ему не дал, выгнал етого пастуха вон.

Пастух шечас к свешшенику и говорит: «Вот, батька, такот мужик не ондаёт быков». — Батька смекнул ето дело, што дело не ладно будет. Собрался и пошел к мужику. Приходит и говорит: «Здрастуйте, Иван Иваныч!» — «Здрастуйте, батюшка!» — «Вот, Иван Иваныч, вы ондайте быков — быки то ведь мои». — Мужик говорит: «Нет, батюшка, я ничего не знаю. Вы же сами проповедь читали, што, кто свешшенику ондаст, в то место бог десять даст. Ну, я и ондал вам последнюю корову, в то место нам бог десять и дал. А я етому не причинен. Мне бог дал. Как хотитё,

а корову не ондам и быков вам не ондам!» Свешшеник подумал, что с мужиком не жделашь ничего. И подал мировому о захвате быков.

Когда мировой их вызвал на суд, то мужик рассказал мировому: што вот свешшеник после литургии читал проповедь и в проповедё было говорено: «У кого што есть, то ондай свешшенику, в то место бох десять даст. У меня была одна корова, и я ондал последнюю свешшенику, а я же етому не причинен, што бог мне в то место десять дал». Мировой как на мужике все-таки присуждает: «Ондай свешшенику быков!» — Мужик остался недоволен, обжаловал мировой суд и подал в окрўжный. Окрўжный суд тоже присуждает: отдать свешшенику быков. Мужик опеть же недоволен, и подал пресвешшённому в духовную консисторию.

Да, как вот, архирей получил то заявление и назначил имя суд и выслал повестки свешшенику и мужику. Мужик и думат: «Что ж, свешшеник поедет в город, у него есть капй-тал, поедет на почтовых и там у него всё знакомб. А мне придется итти пешком. И там не знаю, где найти кватеру, придется ночевать уже у архирея».

Да, так и порешил. Собрался и пошел. Явилша в город, заходит пресвешшённому и подаёт ему повестку. Пресвешшённй ему и говорит: «Являйся, говорит, завтра и тогда я вас буду судить». — Когда он поворотился от архирея, пошел и завернулся невзаметно в ету спальну. Когда зашел в спальну, и влез под койку и думат: «Вот ждешь я ночую». —

И лежит себе под койкой. А к архирею еждила одна дама и он с ей занимался. Когда приехала дама, то архирей и говорит: «Што же будем севодни сажать Иуду грешного в ад кромешный?» — Да, и она говорит: «Ну, так чтож». — На том дело и осталось до утра. Што, значит, надо, то и жделали.

Утром архирей встаёт, выходит из спальни, мужик вылажит из-под койки и идет в кувню, и вот в том времени является свешшеник етот. Архирей подзывает их тогда к себе, выслушал и думает, того и другого — и спрашивает мужика: «А где же ты ночевал севодни?» — Мужик отвечает: «Да, в вашей спальне», говорит. Архирей говорит: «Что ты баешь? Не может быть!» — Мужик опять говорит: «Нет, пресвешшенейший владыка, как вы Иуду грешного сажали в ад кромешный...» Тогда архирей и говорит: «Молчи, молчи — быки-то твои!» — С тех пор мужик стал пользоваться быкám — свешшенику-то отказал.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сказки Ф. И. Аксаментова записаны летом 1915 года М. К. Азадковским; опубликованы в журнале: «*Národopisný Vestník Československý*», Praha, 1928, I—IV, с примечаниями Ж. Поли́вка (*ibid.* 1929, I). Вступительная статья и примечания на чешском языке; тексты по-русски (№№ 1, 3, 7, 11).

21. Деревянный орел (Анд. 575). Варианты в сборниках: Худ. III, 102 (Деревянный орел. Спор охотника и золотаря, кто лучше сделает. Изложена сказка довольно путано). Чуд. 16: Деревянный орел и царевич-летатель. Прекрасный вариант, хотя видимо несколько подправленный собирателем, записанный со слов какого-то московского ремесленника. В прологе — столяр и золотых дел мастер. Сд. 62. Про царских мастеров — великолепно рассказано А. Новопольцевым. Пролог также, как и у Худ. и Чуд. Онч. 19: летающий сын — плохой вариант, без пролога и 243. Деревянный орел — три мастера работают над одним орлом и См. 10. Железный конь — в прологе спор золотаря и кузнеца.

В сборнике Афанасьева этого сюжета нет, но он встречается в старых немецких изданиях, посвященных русской сказке: Dietrich. *Russische Volksmärchen*, 1831; Jon. N. Vogl. *Die ältesten Märchen der Russen*. Wien, 1841, где перевод сделан с лубочного издания — *Das Märchen von dem berühmten Czarewitsch Malandrach Ibrahimowitsch und der schönen Czarewna Salikala*. Царевич узнает из книг, что есть люди, которые умеют летать по воздуху и т. д.

Текст Аксаментова является очень обособленным от прочих. Упоминание о трех мастерах в прологе встречается только один раз (см. Онч. 243), но в очень испорченном виде.

Вводная часть прекрасно разработана Аксаментовым, который внес ряд новых мотивов, не встречающихся ни в одном из вариантов: встреча со стариком, говорящим только по-французски, приурочение рассказа к Парижу, служба в трактире и проч. Подробный анализ этого текста сделан во вступительной статье, где подчеркнуты солдатские элементы и солдатский колорит сказки.

J. Poliwka в дополнение к нашему анализу (первоначально опубликованному в Narod. Vestn. Ceskoslov. 1928. I) указывает на «снятие планов», как черту, также связанную с военной средой. О том же свидетельствует и характер состязания: делание солдат, их обмундирование. Любопытно, что лучший из остальных вариантов — текст Новопольцева — также связан с солдатской средой: «Хозяин (мастер) разделся, подвязал крылья в накидку, надел солдатскую шинель — и пошел молодец в царский дворец».

Сюжет «Деревянного орла» имеется и в былевом эпосе: в былине о подсолнечном царстве, пропетой известным сказителем Абрамом Бутылкой (Чуковым). Рыбн. I, № 36. Начало ее таково:

При царе было Василье Михайловиче,
 Жило при царе два мастера,
 Одной работой занимался
 И между собой пораздорили.
 И призывал их Василий Михайлович.
 Сам говорит таковы слова:
 «Когда вы сделаете по штуке молодецкие,
 И друг дружке про себя не скажете,
 Тогда вас обоих пожалую»
 Один сделал орла самолетного,
 Другой утку — золоты крылья.

22. О трех царских дочерях. Один из самых распространенных сюжетов в русской сказочной традиции. По указателю Анд. он озаглавлен: № 301. Три царства: золотое, серебрянное и медное. Главнейшие варианты А ф. 71 (Три царства), 73 (Норка зверь). Там же в примечании приведен текст лубочного издания. Худ. I, 2 (Три брата), II, 42 (Усыня), 43 (Арикад-царевич), III, 81 (Иван вечерней зори), 82 (Василий-царевич); Онч. 79 (Иван Медведев), 107 (Иван Ветрович), 241 (Сам с ноготь, борода с локоть); Сок. 79 (Иван-ко-

ролевич), 105 (Иван-медвежье ушко), 153 (Иван-царевич и Митри царевич), С м. 31 (Жар-птица), Э р л. 4 (Светозар); В я т. С б. 84 (Три царства), С и б. 14 (О Световике, Вечернике и Полуношнике).

Наиболее полно разработанными являются В я т. С б. 84, С о к. 153 и особенно С и б. 14 текст Антона Чиропника (см. о нем стр. 191—198), этот текст является одним из самых длинных, если не самым длинным среди всех русских сказок. Во всех этих вариантах герои, как уже глго и из заглавий, или царского или чудесного происхождения (Ветрович, Медвежье ушко, дети золотой рыбки (С и б. 14) и др. Только в нескольких редакциях героем является так же, как и у Аксаментова — солдат: А з. I, 7; К р. I, 33; любопытно, что все эти тексты записаны в Сибири, так же, как и текст Аксаментова, но ни в одном из них не подчеркнут так резко и решительно социальный момент, как у последнего.

Сибирского же происхождения и С м. 340 (к сожалению, плохо записанный), где героем является простой пьяница. Анализ основных особенностей редакции Аксаментова дан во вступительной статье.

23. У м а м н о г о д а д е н е г н е т (А н р. 855). По замечанию Д. К. Зеленина «одна из любимых и широко распространенных солдатских сказок». Варианты: О н ч. 244; В я т. С б. 104 — очень интересный вариант (записанный от хорошего сказителя, П. Власова) с целой сценой похождения солдата: солдат Орлов, стоя па часах слышит разговор генерала с поручиком о замечательной красоте английской царевны. Генерал пытается посмотреть ее, истратил 75 миллионов, но даже не был допущен в ее кабинет. Орлов заявил генералу: «Головы у вас пустые». Генерал жалуется государю на грубость солдата, тот похваляется взять за себя английскую царевну замуж, получает от государя лист о его полной неприкосновенности и оплаты расходов казной. Далее следует рассказ о ряде пождений солдата Орлова с генералами, кончающимися каждый раз крупной денежной контрибуцией со стороны последних. Дальше дело разворачивается, как и у Аксаментова. Он обманом (подкупом часовщика) переводит часы у царевны на час вперед и проникает в ее комнату ранее прихода прусского принца.

Остроумный диалог об языке — находит точное соответствие в сборнике С о к. (49). «Барышня, кавалер

и солдат»: кавалер барышне говорит: «Как бы спросить этого солдата. Он, быть может, не знает по-немецки говорить, тогда бы мы стали с тобой иметь разговор по-немецки». Барышня и говорит: «Вот я пойду и спрошу у него, знает ли он немецкий язык?» Подходит и спрашивает солдата: «Што, служивый, знаете ли вы немецкий язык?» — «Как же, я его очень знаю: долгой, красной». Но в тексте Аксаментова любопытна «лингвистическая» точность: солдат разъясняет разницу слов: «язык» и «разговор». Такой детали не встречается ни в одном варианте. Разговор на иностранных языках играет роль у Аксаментова также и в сказке о деревянном орле; там же упоминается и Париж.

24. «Про мужика и свешеника». Редкий в русской традиции текст. Вариант его имеется в «Русских заветных сказках». № XLIX (Суд о коровах): спорящие идут к архиерею. Мужик дарит его холстом, а поп деньгами. Архиерей не знает, кому присудить. Тогда он велит им: «кто из вас придет завтра утром раньше ко мне, тому и коровы достанутся». Мужик забирается под кровать и слышит любовный диалог архиерея с игуменьей. Потом уходит домой и приходит позже попа. На уверения, что он пришел позже, заявляет: «Нет, владыка, поп пришел после. Нешто ты позабыл, что я еще пришел в то самое время, как ты ходил по Сионским горам, да грешника сажал в ад» (намек на подслушанный диалог). В этом тексте эпизод ночевки мужика под кроватью архиерея является более мотивированным, чем в рассказе Аксаментова.

В имеющихся легальных сборниках этот текст не встречается, но о бытовании его в крестьянской среде все же известно. Б. и Ю. Соколовы сделали запись этой «былички» в одном из селений Белозерского уезда, но она затерялась и приведена ими только в пересказе — по памяти (Сок. XLII). Кроме того, вариант этого сюжета приведен в статье П. Брянцева «Северные сказочники» («Красная газета», веч. вып., 12 окт. 1927 г. № 276). Но обе приведенные редакции являются по сравнению с текстом Аксаментова неполными и недоразвитыми. В частности, отсутствует момент суда и пикантное положение архиерея. Эротическая формула об Иуде грешно напоминает известную формулу «Декамерона» (10 новелла 3-го дня).

СКАЗКИ В. В. БОГДАНОВА

В. В. БОГДАНОВ

БОГДАНОВ Василий Васильевич занимает несколько особое место среди русских сказочников. Он относится, по характеристике Б. М. Солодова, к разряду сказочников-сатириков, у которых «веселый, смешной тон вовсе не носит характера беззаботной и веселой шутки; в их сказках много яда и социальной сатиры». Тот же

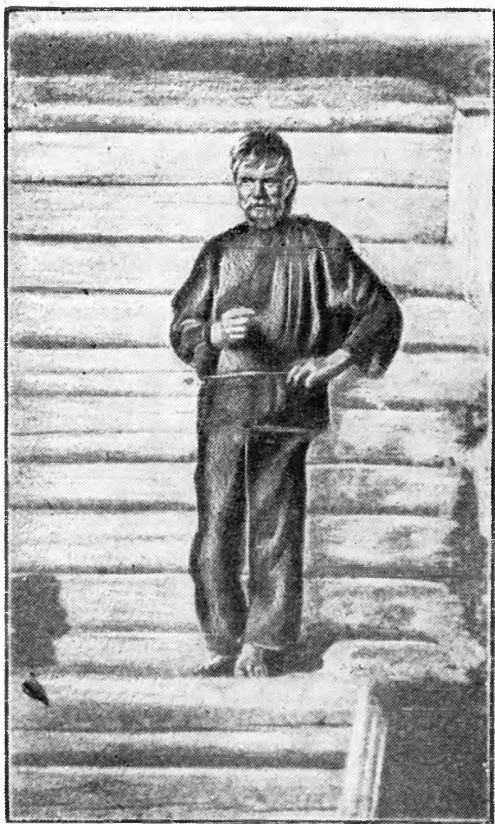
автор дает обстоятельную и удачную характеристику сказочника, которую и приводим здесь почти целиком:

«Маленький, рыжеватый мужчина, лет на 30, на вид несколько дурковатый, но под этой личиной скрывающий большую находчивость и хитрость. Он вечно подмигивает, подтрунивает. Особенно много достается его сослуживцу — старику сторожу (В. В. Богданов служит церковным сторожем), Созонту Петрушечеву (также сказочнику). В своих насмешках он не оставляет без внимания и более высоких членов причта, конечно, заочно. В жизни своей В. В. много видел, переменял ряд профессий, был и в Питере. Все это так или иначе отразилось и в его сказках. Последние он умеет оживить, при дать им реальную жизненную окраску».

«По своему содержанию все сообщенные им четыре сказки принадлежат к типу юмористического фавль. Но в его передаче эти фавль получили ярко-сатирический, порой даже необычайно резкий, далеко отошед-

ший от добродушного, юмористического тона характер. Один рассказ («Капсирко») направил свои сатирические стрелы против бар, а три остальные касаются близко знакомого Богданову сельского духовенства («Поп, дьякон и дьячек», «Старичек Осип и три попа», «Девица попа пристыдила»). Жадность, скупость, требование «принющения», использование «свитыни» в целях наживы, порой даже кощунство, сластолюбие, зависть и мелкое недоброжелательство, склонность к вышивке, хвастовство, — вот те черты духовных героев, нашедших себе место в рассказах В. В. Богданова. Если некоторые из этих черт относятся на долю самого сказочного мотива и свойственны всем русским сказкам о попах, то с другой стороны многие детали рассказа, отдельные яркие черточки в характеристике действующих лиц являются личными привнесениями самого В. В. Богданова. Это особенно становится ясным после сличения сказок Богданова с другими русскими их вариантами». «В. В. Богданов умеет увлечь слушателя своей сказкой, умеет ввести в ее содержание. Много здесь помогают его постоянные намеки, подмигивания или просто указания на известных слушателям местных лиц».

Автор приводит далее колоритную картину рассказывания Богдановым своих сказок: «Мы записывали в просторной избе. В. В. был в ударе, в особенно веселом настроении. Вокруг нас, по обычаю, собралось много народу. Приходили сюда и местные члены причта, сказка касалась духовенства. Каждую подробность В. В. сопровождал жестикуляцией и подмигиванием, намекавшим на знакомые слушателям отношения и лица. При этом он не упускал случая затронуть даже здесь присутствующих лиц, чем вызывал особенную веселость у слушателей. Но лишь только священник подходил к столу и начинал прислушиваться, тон В. В. изменялся, физиономия его принимала невинное выражение и он даже умалчивал некоторые подробности. Но стоило только указанному лицу отойти от рассказчика, глаза В. В. вновь приобретали плутовское выражение, и снова начинались прежние «экивоки» и юмористическая сказка переходила в сатирический памфлет. Для живости сказки В. В. всех героев (например, в сказке «Поп, дьякон и дьячек») наделил собственными именами: мужика, насмеявшегося над попами, зовут Аркадий Прокопыч; дьякона — Семен

В. В. Богданов.

Ильич, и дьячка — Иван Иванович. Не прочь он ввести и самого себя в содержание сказки: про услужливого человека, помогшего старичку Осипу похоронить трех попов, он говорит, что этого человека «в роде как звали Василием», с явным намеком на самого себя; не забыл он в сказке и своей современной профессии — церковного сторожа». ¹

«Рассказ В. В. Богданов ведет необычайно живо, несколько не затрудняясь в подборе слов, пересыпает сказку любимыми словечками, из которых особенно часто употребляет «значит», «действительно», «ну, ладно, хорошо», «вот действительно», «в то время акурат». В передаче чужих речей очень часто чувствуется ирония, рельефно выделяемая интонацией или особенными вставными выражениями. Вообще же, диалог в сказках Богданова очень жизнен и боек. Иногда его сказки начинают приобретать ритмическое и даже рифмованное изложение, чем еще больше и ярче подчеркиваются насмешка и шутка». ²

Вместе с тем, сказки В. Богданова являются ярким памятником специфически-крестьянской сказки. В. В. Богданов оригинально трансформирует традиционные сюжеты. «Искусный вор» (Капсирко) появляется у него, как бедняк-крестьянин, делающийся вором, в сущности, поневоле, после того, как барин накрыл его за порубкой дров. Рассказу о хитрых проделках старичка Осипа предшествует подробное повествование об его крестьянской жизни: как он просил приговора у сельского собрания «переехать на пустошку», как он перевез туда сначала избушку, потом перевез овинчик, онбарчик, по-крестьянски... стали они земельку разделявать да «сенокос чистить» и т. д. Таким крестьянски-бытовым колоритом пронизаны все его сказки, — и о них мало сказать, что они являются сатирами на бар и духовенство; они, кроме того, еще сатиры, вышедшие из сфер крестьянской бедноты.

¹ Б. М. Соколов. Русский фольклор, вып. II, стр. 31—34.

² Там же.

25. КАПСИРКО

ОДНОЙ деревне был мужичок не очень богат. Детей у него было семеро или восьмеро. И так он очень бился хлебом и скудался, так што два-три дня голодом сидел. В некое время легли спать со своей женой. — «Ну што теперь мы станем делать, раз хлеба нет?» — «А вот што, баба: у барина дача есть. Я лучше поеду в ночное время бревно или два срублю». А баба ему на ответ и говорит: «Как, мужик, действительно, у нас лошадь худая, ты поедёшь? Неравно тебя в лисе там застанут. На сторожа попадешь, а нет — на барина». — «Да ведь што будет, што бог подаст. Делать нечего; поеду, раз надумал».

Таким образом, напехал кошель сена, запряг лошадку и поехал. Приезжает он в эту дачу, к самому этому помещику, и сворачивает с дороги. Оммял место и прибрал две ёлочки. Дал лошади сена, а сам пошел рубить эти ёлки. Срубил эти ёлки и обделал, как следует, честь

честью. Срубил, надо наваливать было на лошадь. Навалил на дровни, завязал, как следует, и мы зггнул на её. Она — лошадь худая, не повезла. Он разгорел на её, поругал и распряг. Потом дерево свалил, оглобли связал и потом давай дерево вывозить.

Недалеко от дороги, как видать стало большую дорогу — и слышит кто-то едет. Вот он остановился и смотрит. Едет этой дачи барин и говорит своему кучеру: «Кучер, кто-то у нас в даче рубит». Посылает своего кучера: «В эту повёртку сходи, узнай!» Тот кучер туда сбежал. Видит — мужик стоит на дороге, отдыхает с возом. Вот ему мужик и говорит: «Мужичок, иди, тебя барин требует».

Как мужичок испугался — делать нечего, и пошел на дорогу. Вошел на дорогу, шапку снял и кланяется. И просит у барина прощенье. — «Виноват, барин, ребят много, нужда заставила идти в лес». Вот барин и говорит: «Ну што мужичок: дрова срубил, што с ними делать будешь?» — «Свезу в город и продám. И куплю хлеба пуд или два, тогда будут у меня ребята есть». Барин ему и говорит: «Мужичок, я тебя сошлю». А мужик и говорит: «Ваша воля! Куда хотите, туда и девайте». — «Вот, значит, это тебе, мужичок, не добыча! А вот я тебе дело дам, такую задачу дам, — если ты сделаешь, тогда награжду деньгám и хлебом». — «Ну ладно, сказывайте, какую делать причину». — «Вот у меня жеребец пятигодовалый есть. Вот вы его украдите, тогда я вас награжду, а если не украдите, тогда я сказнью голова на плаху!»

Вот мужичок подумал сам себе: «Ну да ладно,

украду». Барин говорит: «Украдешь, так я тебя буду ждать». — «Так што, барин, дозвольте деревка увести, уж коли срублены». — «Ну да ладно!»

Вот барин уехал, а мужичок навалил два дерева и привез домой. Приежжат домой, два деревка свалил под окно и лошадку выпрег, а сам в избу вошел и стал одежду скидывать с себя. Скинул как одежду эту, сигарочку свернул, закурил и говорит своей бабе: «Баба! ставь на стол ужинать». А ему баба на ответ: «А што ужинать? — Што припас, то и ужинать!» — «Ну ладно, баба, придется так ложиться спать. В лесе рубил устал — да и понсь нечего».

Легли спать. Вот он и стал жене сказывать: «Я, говорит, севодня, баба, попал на самого барина! — Съехал в лес, да и попал на самого?» — «Вот попал на барина, што тебе за это будет?!» — «Да не знаю!» — «Попал, на барина, не помилуют».

Он и говорит своей жене: «Задал мне задачу барин. Решу, так помилует, а нет — голова на плаху! Делать нечего, барин раз мне сказал, я ему ответил, што сделаю, украду жеребца вашего». Посоветовались с женой. — «Как, баба, нам ловчае украсть жеребца-то. Придется вина четверть купить и меду на двугривенной». — «Ну, да как, мужик, вина-то? Да денег нету». — «А вот у тебя сарафан есть, снеси продай: может быть, кто купит, рублишка три дадут за его».

Делать нечего, баба взяла сарафан в деревню и продала. Приходит домой, отдает мужику деньги три рубля. Мужик деньги получил, зашел в кабак, купил четверть вина и пошел в лавку.

Зашел, купил на 20 коп. меду полфунта. Пришел домой и говорит своей жене: «Вот што, баба, делать нечего! Одна у нас корова, да надо как-нибудь сметаны разживаться — на сними бурак». Вот баба взяла сметаны с кринок на-снимала, бурак этот и принёсла мужику.

Та ночь приходит—итти этого жеребца красть. Мужичок и отправился сам себе преспокойно. Близко ли, далеко, не дошел вёрст пяти. Ну, барин — сказано, в котору ночь придёт вор — запер жеребца конюшни под замки и приставил трех сторожей и трех собак. И наказал этим сторожам: «Если вы прокараулите этого жеребца — и голова на плаху!» Они ему в ответи говорят: «Ладно, барин, будем свою голову беречь!»

Никаких делов, никаких беспокойств, зашли в скотную, взяли лампу и сидят преспокойно. Этот мужичок приходит к конюшне. Его звали Капсирко. Подошел к конюшне, — как собаки на его заурчали. Сам себе и думает: «Как это мне половчае сделать, штобы собаки не заметили». Вот он помаленьку пробрался к воротам: было подворотечко, у подворотечки окошечко было небольшое. Взял бурачок, сметану вылил на землю. Собаки этот дух услышали и давай сметану лизать, и урчать отстали. Этот мужичок стал потихоньку под подвал рыться.

Вот он, как вырыл эту ямку, и зашел преспокойно, тихим образом в конюшню, вычерпнул спичку и осмотрел, где конь стоит, этот Сивко. Осмотрел с коня Сивко уздечку (уздечко висело на стопочке) и поставил четвертную вина, где конь ел в еслях сено, а сам забрался под эти если и забился в назём.

Через несколько времени очередь сторожу нести сено коню. Приходит. Сено взял и стал класти сено в если, а сеном забряк о стекло. «Вдруг што такое брякает?!» Взял фонарь в руки, посмотрел: четверть водки! Сичас эту четвертную взял и закрычал: «Ну, ребята! бог послал четвертную вина, пьем!» говорит. Приносит в скотную. «Ну, ребята, давайте тепер по чашечке выпьем!» А один старик и говорит: «А как, если мы выпьем по чашечке, может, по другой захочем?» А этот кто принес: «По одной выпьем и больше не станем». И третий сторож говорит: «А если выпьем, да прокараулим — и голова на плаху!» — «Ничего, выпьем по чашечке, а больше и не будем». Раскупорили четвертную и налили по чашечке, и выпили.

Выпили и поманили. Один говорит: «Давай, товарищ, наливай по другой!» По другой налили и выпили. Как по две чашечки выпили, у них и зашумело в голове. Они заговорили и песенки запили. Один говорит: «Да што: по две выпили, давайте и по третей!» Вот они по третей налили и выпили. И сделались гораздо пьяны и писни запили, и остаточки все допили. Напились и спать полегли: даром што жеребец. Вот спать легли. Это Капсирушко услышал, што спать полегли, — тихо все, не слышать, взял уздечко. Вывел коня на улицу, подвел к камню, сел и уехал.

Вдруг просыпаются утром сторожа. Один сторож и говорит: «Пойти посмотреть коня. Стоит ли? А не то, может быть, украли». Сторож сошел: коня и нет. В скотную и своим товарищам и говорит: «Всё, ребята! У нас коня нету!» — «Ну, што, говорят, у нас голова на плаху теперь

Скаска оворе іобурой коровѣ
Вофранціи злоумышлены воръ былъ
во многи градахъ для кражи ходилъ
уже шелмованъ былъ неоднократно
и то ему было невѣдомо многіе вору
всѣа ево знали нічого у него непоку
пали случилось тому ворѣ мимо де
ревни ити ікрѣсьяніну начева зайди
и приметилъ что естъ у него буря
корова исталъ промышлять воровать

Сказка о воре и о бурой корове.

к нам». Другой говорит: «Делать нечего, раз провинились и быть нам!» В утре, как часов в девять стает барин и проверяет сторожей. Пришел — в конюшне коня нет. И приходит в скотную и говорит своим сторожам: «Где же у вас конь?» Ну, как они виноваты, стали у барина прощенья просить. Барин рассердился и приказал их голова на плаху снять всем им.

«Ну делать нечего! Капсирко украл, нужно наградить его». Барин взял две тысячи рублей и два воза хлеба, приказал работникам свести к Капсирко на дом. Деньги отдал работникам. Вozy наклали и поехали туда к Капсирку. К Капсирку привезли. «Вот, барин прислал тебе два воза хлеба и 2000 руб. денег!» Мужичок и говорит: «Ну, баба, славу богу, зажили теперь мы, стали богаты!»

Мужик живет себе спокойно неделю и другую, денег много и хлеба того боле. Все две недели прожил, потом его барин опять и приказывает этого Капсирко к себе опять на дом. Посылает ему письмо, и по письму является этот Капсирко к ему в дом, к барину. И говорит: «Што, барин, нужно, чего требуете?» — «А вот што, Капсирко: у меня есть до тебя просьба — укради барыню. Украдешь, так деньгам награжу. Не украдешь голова на плаху!» Подумал сам себе и говорит: «Коня украл, а барыню не хитро украсть». Сам себе шапочку снял и домой преспокойно отправился.

Приходит и говорит своей жене: «Барин опять дал мне приказ: украсть мне барыню. Если не украдешь — голова на плаху, а укра-

дешь — деньгам наградит». Вот ладно, хорошо, на б а с и л с я в ту ночь, как надо барыню украсти, запряг Сивко краденого в санишки, в не р а́ ж и е, а сам на б а с и л с я, как к ў д е с а, и перемарался весь во саже. Сел на этого коня и поехал к барину к дому.

Подъезжает к баринovu дому и едет мимо паратного крыльца и насвистывает. Бароня и говорит барину: «Я выйду, пойду посмотрю, што это за чудо едет?» Барин и говорит ей: «Смотри, не выходи!» — «Нет, барин, не терпится, выйду посмотрю». Барин не мог унять. Как она вышла на крыльцо и спустилась на нижние ступеньки, а этот Капсирко не зевал долго. Эту барыню цап-царап, и в сани, и увез.

Идет близко ли, далеко, доехал до озера и видит што какой-то человек там сидит и говорит: «Кого везешь?» А Капсирко на ответ: «Барыню везу». (Он не человек, а чорт из озера). — «Продай мне эту барыню!» — «А сколько — говорит возьмешь?» — «А шляпу денег навалишь!» — «Ну ладно, делать нечего, отдавай барыню, а шляпу денег навалю».

Вот чорт взял барыню за руку и повел в жилище к себе. А своим чертятам приказал носить денег в шляпу. А этот Капсирко не будь глуп, взял провертел дыру в шляпе. Вот, черти носили, носили денег, покуда саней не наносили, и шляпы не могли наносить. Как сани стали nanoшены полны денег, и шляпа стала полна денег. Капсирко денежки обрал и поехал домой с деньгам. Приехал домой и живет сам себе баринoм: денег много, всего славу богу. Живет преспокойно.

Проходит неделя и другая, и стало барину без барыни скучно жить одному. Делать нечего, говорит: «Не выкупить мне у Капсирко барыни обратно своей». Приказывает этого Капсирко к себе в дом. Капсирушко, как услышал, што барин приказывает, отправляется к барину в дом. Приходит к барину и говорит: «Што, барин, нужно? За чем требовали?» Этот барин и говорит: «Што, Капсирушко, обратно мне барони не возвратишь?» — «Ну же, отчего, барин, можно! А сколько ты за труды мне положишь?» — «А вот што: только возврати обратно, тогда половину дачи подпишу и десять тысяч денег». — «Ну ладно, коли я возвращу барыню, но только с тем уговором, штобы два ведра вина и не сколько рогоз».

Вот ладно. Преспокойно Капсирушко отправился к озеру, где он барыню продал, пришел на то место, сделал как бы шалашечку и стал преспокойно сидеть у озера. Сидит да веревки вьет. Вот выходит из озера чертенок и говорит: «Чего, Капсирушко, делаёшь?» А Капсирушко ему на ответ: «Стану веревки вить, да озеро сушить, да чертят душить!» Вот чертёнок испугался и опять в воду убежал туды.

Вот чертенок и говорит старшему черту, на́большему. На́большой посылает опять чертенка побольше. Вот другой чертенок выходит из воды и спрашивает у Капсирко: «Што делаешь?» — «Да вот нонче годы такие — вот буду веревки вить, озеро сушить, да чертят давить всех». Как чертенок этот испугался, опять в воду убежал. Делать нечего, приходится приходиться старшему чорту, самому главному.

Вышел и спрашивает: «Што будешь делать?» — «Да вот веревки вить, да озеро сушить, да чертят душить». — «А почему же ты станешь?» — «А отдай мне барыню назад». А чорт и говорит ему: «А как я тебе барыню отдам?» — «Вот сделаем три штуки; если который которого перебором, того и бароня. А вот што, Капсирко, давай свистнем. Кто шибче свистнет, тот в воду упадет, тому барони не видать». Вот ладно. Чорт и говорит: «Ставай, Капсирко, на бережок на самой. Я буду теперь свистать».

Капсирушко стал на берег, чорт свистнул своей ногой и Капсирко чуть в воду не упал. Капсирко и говорит: «Ну чорт, теперь ты ставай — я буду свистать». А чорт и говорит: «Ладно! Я глаза завяжу». — «Да завяжи покрепче, чтобы глаза не вылетели». Вот чорт стал к самому краю воды на берег, а Капсирко взял дубинку и ему по уху как раз даст — чорт в воду и улетел.

Выходит из воды и чорт говорит: «А вот, Капсирко, есть еще предметы: кто друг дружку обежит, того и бароня». Этот Капсирко и говорит: «Эй ты, чорт, чего ты схватываешься со мной? Есть у меня внучок семи лет — и тот тебя обежит».

У Капсирко был пойман зайчик: они стали рядом оба и побежали. А Капсирко взял своего зайчика полонул, ударил, оба и побежали. Где за зайцем гониться чорту? Чорт порвал всё по кустам, не мог в нучета догонить. Как чорт бежит обратно, а Капсирко ему и говорит: «Чего тихо бежишь? У меня внучет прпбежал». А у него был другой пойман зайчик. — Ну делать нечего.

«Ну, дам ешшо третью штуку: кто кого победит, того и бароня». А этот Капсирко и говорит ему: «Ой ты, чорт, меня обещать не мог, где тебе меня обделать! У меня есть дед семидесяти лет — и тот тебя обделат». Этот чорт и говорит: «Где есть-от?» — «А вот, поди, он тут и лежит». Чорт приходит в это место, где лежит этот дед и говорит: «Ей, где ты дед семидесяти лет, выходи, будем барахтаться!» А этот дед, действительно, был медвидь — славной. Чорт и говорит: «А как его звать?» — «А этого дедушка зовут Михайлом».

Но порáто хотелось выходить медвидю из берлоги, да делать нечего, надо выходить барахтаться. Вышел медвидь и стали барахтаться с чертом. Так барахтались, медвидь так чорта уломал, што боже упаси нас. Вот чорт и зарыкал: «Капсирко закличь деда своего семидесяти лет, и барони не надо. Бери её!»

Через несколёко времени чорт приказал вывести бароню из своего жилица. Бароню вывели к Капсирке. Он взял её, и преспокойно отправились от озера. Привел эту бароню к барину и отправился, как получил деньги и подписали половину усадьбы, к себе домой. Пошел мимо бариново саду, где ходила свинья, Золотые Щетинки, с поросятами. А барин, действительно, — эту свинку пасли три пастуха — и наказал он этим пастухам: «Если вы эту свинку, Золотые Щетинки, прокараулите, то голова на плаху».

А Капсирко видит: день красной был. Тихонько в сад зашел, свинку взял, напутал, объявил ее и за плечо, а поросят в карман оклад и отправился. Потом этих поросятков пастухи

хватились. «Поросенок нет!» Барин узнал, — поросенок нету, и голова на плаху — готово. Послал за свиньей погоню. Лошадей запрягли и поехали.

Вот вор слышит, што догоняет, недалеко. Как сделать? Сторону свернул, свинку оставил и за конавочку вышел: вывитриться ему надо. Взял присел и накатал да и шапочкой закрыл, да сам стоит у этой шапочки. Вот кучер увидал его и стал спрашивать: «Не видал ли ты вора со свиньей, не прохаживал ли здесь?» Человек ему и говорит: «Нет, батюшка, не видал». — «А што я могу догонить етого вора?» — «Нет, тебе не догонить, потому што ты не умеешь на кбнех ешшо ездить». — «А што дорога одна?» — «Нет, сюда дорога, и туда дорога, и эдак дорога. А я бы догонил». — «Так што, брат, догони!» — «Нет, товарищ, нельзя мне догонеть. Так вот што — я рад бы догонеть, да поймал сокола и посадил под шапку. Так вот нельзя от него уйти».

А этот кучер и говорит: «Да што, я постою, постерегу. Догони, пожалуйста!» Кучера оставил беречь сокола, а сам того! Сел на коня и поехал.

Кучер остался один, стоял долго времени. Ждет, ждет — человека нет и кбней нету: угнали. Сам себе и думает: «Што за сокол! Надо поглядить!» Взял тихонечко, маленечко туда руку пихнул под шапочку, потом руку вынул и всю руку в навозе перемарал. Потом и заругался. «Што теперь мне будет?! Свиньи не догнал и кбней потерял!!» Делать нечего, отправился домой.

[Здесь опускается один эпизод (обман барина) в виду неудобства воспроизведения его в печати].

И сам остался не при чом торговать кирпичом. И я там был, пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сказки В. В. Богданова напечатаны в сборнике: Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. Изд. Академии Наук., Л. 1915 (Сказка «Капсирко» № 86).

25. Капсирко—сочетание ряда сюжетов: основные: «ловкий вор» (кража лошади, барыни с постели и пр.)—Анд. 1525-а и «сокол под шляпой» — Анд. 1528. Варианты первого сюжета—очень многочисленные: А ф. 219 и вар., Э р л. 7; С а д. 31; О н ч. 92, 197, 245; П е р м. С б. 47; В я т. С б. 110; С о к. 25; С м. 80, 100, 117, 366. «Сокол под шляпой» — А ф. 220; С а д. 27; П е р м. С б. 31; В я т. С б. 126; С о к. 44; К р а с н. С б. 1, 61; С м. 59, 245, 352. Такое сочетание, какое дано В. В. Богдановым, более нигде не встречается.

Кроме того в сказках В. В. Богданова присутствует мотив, также не встречающийся в этих сказах и занесенный туда из цикла сказка о батраках (А ф. 39; Х уд. I, 27; II (71; III, 95; Э р л. 29), использованный Пушкиным в сказке о Балде. В записях Пушкина сохранился и текст аналогичной сказки, записанной самим поэтом.

По мнению Афанасьева «сказки об искусных ворах, художниках своего ремесла, об этих ночных портных, у которых, по народной поговорке, игла дубовая, а нитка вязовая», были занесены в разные серые издания, читаемые грамотным простонародьем. Так, в «Собрании старинных русских сказок» есть одна о воре Климке, а в сборнике Чулкова — два рассказа о плуте Фомке да о воре Тимошке» (А ф а н а с ь е в... IV, 1873; стр. 497--98).

СКАЗКИ А. Т. КРАЕВА

А. Т. КРАЕВ

КРАЕВ Афанасий Тимофеевич житель с. Починка Пльбского (Запываловы то ж), Ключевской волости, Котельничского уезда. Д. К. Зеленин предпослал его текстам небольшую, но очень содержательную заметку, которая достаточно четко характеризует его самого и его сказки. Приводим ее почти целиком:

«Дряхлеющий старик, 75-ти лет, Краев, повидимому впадает уже в детство (писано в 1908 году). При разговоре с ним, он производит впечатление очень бестолкового человека; отвечает невпопад, никак не может понять самых простых вопросов. По этой простой причине я, между прочим, не мог ничего узнать от него относительно того, где и при каких обстоятельствах он выслушал свои сказки, когда и как их рассказывает и т. п. И внешние обстоятельства жизни Краева остались мне также почти совсем неизвестными. Знаю только, что он неграмотный, пьяница и лентяй, не имеет никакого ремесла и пропитывается в последние годы почти исключительно нищенством.

Вследствие старческого ослабления памяти, Краев сильно путает свои сказки: делает пропуски, перескакивает с одной сказки на другую и т. п. Прервать его во время рассказа ничуть нельзя: спутается, все забудет, и придется начинать сказку опять «с конца» (т. е. с начала).

Записывая, можно сказать, с мучениями сказки от Краева, я все время жалел, что не встретился с ним лет на десять ранее. Краев — один из немногих специалистов в сказочников, которые мне встретились в Вятской губернии. Рассказывание сказок составляет, можно сказать, его профессию. Большой любитель выпить. Краев является на каждую свадьбу в околотке: и там, где его, полуншего, совсем не угостили бы вином, там часто ему льется щедрое угощение за веселые его сказки. Не даром же, те немногие сказки, которые он теперь лучше других помнит и которые мне удалось от него записать — почти все вертятся около свадебного пира, как около центральной фабулы; описания свадьбы богато сопровождаются у него бытовыми подробностями, а прочувствованное и детальнейшее описание славного «пигуха» на свадьбе ясно рассчитано на то, чтобы рассказчику поднесли лишнюю рюмку водки.

Бесспорно, что Краев был носителем прекрасной и богатой сказочной традиции. Чудесные сказки «По щучьему веленью», и чисто бытовая сказка «Попов работник и дьякон» — весьма хороши и в настоящем их виде. В последней, бытовой сказке, проявилось довольно ярко в бытовых подробностях молотбы и других деревенских работ личное творчество нашего сказочника.¹

¹ Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губернии. П. 1915, стр. 82—83.

26. ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ

Был Омеля Лелёкоськой. А он все на печё спал, каковы клал — такие копы навалл, как сennyё, большйё — только в середочках спать, только и местечка.

Снохи посылают его на Дунай, на реку за водой. «А в чом пойду? Ни лаптей, ни онучь, ни чажелка, ничего, ни топора». Онна взяла сноха клюшку, другая ожок, да давай через чело тыкать. Нашол он онучёшка, нашол отопчёшка, обул; обулся, тяжолчошко обол, подпоясал онучёшко, наложил колпачёшко, заткнул [за пояс] тупичёшко. Берет он с залавочка ведерца, а с белых грядочек — коромысличѣ.

Пришол к Дунай-реке, розмахнул широко — ничего не зачерпнул. Это ведерко поставил, другое розмахнул, шшучку и зачерпнул. «Ох, вот тебе топѣре, шшученька, съем!» — «Нет, Омельянушко, не ешь!» — «А штѣ?» — «Тебе добро

будят, не ешь!» — «А сказывай, какó?» — «А вѣдёрча сами подут и на залавочек придут...»

Вѣдёрча идут, а он идет сзади, бежит, говном и коромыслом подшибает. Бежит он, хохочет. Вѣдёрча сами пришли на залавочек; он с порожка, да опять на печкю.

На другой день посылают его в лес по дрова. А он не бывал, не видал, как рубят эти дрова. «Дак я на чем поеду? Кобылы нет, хомута нет, на перебегу (зѣѣму) ничего нет?» — «Тебе сказано: кобыла в конюшне, хомут под звоном на спиче, сани под звоном-жо — всё готово тебе!» — Пришел в конюшню — кобылы в конюшне нет, хомута на спиче нет, ничего нет.

Прибежал, ворóта рóсхрабáснул, сбегал, стал под звоз: «По батюшкину благословенью, по матушкину благословенью, по шшучинкиному повеленью — счѣбы готово было всё (с перебегом и с оглоблями) со всей упряжьей!»

Стал на запяточки и поехал. «По батюшкиному благословенью, по матушкинóу благословенью, по шшучинкиному повеленью, бегите сами!» Едет и песеньки запел. А в селе какой-ѣт праздничек (базаречь) был. Сколь с плы примял (примял кмá силы) — ехал: всем охота поглядети.

Вот он заехал в такой лес ограмной, — нашол сущину, охвата в два будѣт, и стал тупичѣй-то рубить; не смог и щечочки отвалить. Тупичей чо тут нарубишь? — «По батюшкину благословенью, по матушкину благословенью, по шшучинкиному повеленью, рубитѣсь дрова сами, сами кладитѣсь, сами и вяжитѣсь!»

А шшуча такой воз намолола, што и рукой

не может достать; так туго подтянула, што некуда перстика подпехать. Завязала шшука воз, затянула.

Едет шшука вперед, колбдник разбираёт (розваливает). А он стал на запяточки, едет, песни поет — вершины трясутся, так напевает. Народ выбегает на дорогу опять — примял всех восталых.

Чярь и услышал слых. Послал от красного от крыльча полбк солдатов. Приходят ко белому ко крыльчу: «Дома ли Омелянушко?» — «Дома!.. На печке лежу, кóмы гложу́, некуда не хожу!» Солдатов полбк заскакал: кто пушкам палит, кто тесаком — а чего? — его нисколько не берет, все в кóмы лепит. «По батюшкину благословенью, по матушкину благословенью, по шшучинкиному повеленью!»... Как руку занес, так полбк весь и повалил тут.

Два полка послал чярь солдатов. Опеть заскакали в избу. — «Дома ли Омелянушко?» — «Дома! На печке лежу, колпака не валяю! Не этаких видал, да редко мигал! Некого не боюсь!» Второй полк и в избу не зашел, воротились.

На третей день послал два мильона солдатов. «Идешь ли?» — «Совсем собрался!» (По бревну избушку-то расташшат, розвалят.) «По батюшкиному благословенью, по шшучинкиному повеленью, поди печка со мной!»

Шшука сейчас стену выворотила — печка и пошла. К чярю-батюшку подъезжает ко крыльчу. «Какая ты невежа! Сколько у меня солдатов погубил! (ниского в солдаты брать: я замерзну без них). — «Ох, чарское величество. Я куды бывал, кого видал?» — «А убирайся, поганая

сила, штоб тебя духу не пахло!» Чьяря с души сбило.

А в верхнем балхоне, Марья Чернявка: там её поят и кормят солдаты. Вот он поехал. Ростворила окбшка те ростворчаты. Он поглядел. «А будь моя обрўшница!» У ней серчо и заболело, не стала ни исть ни пить: подносят ёй солдаты.

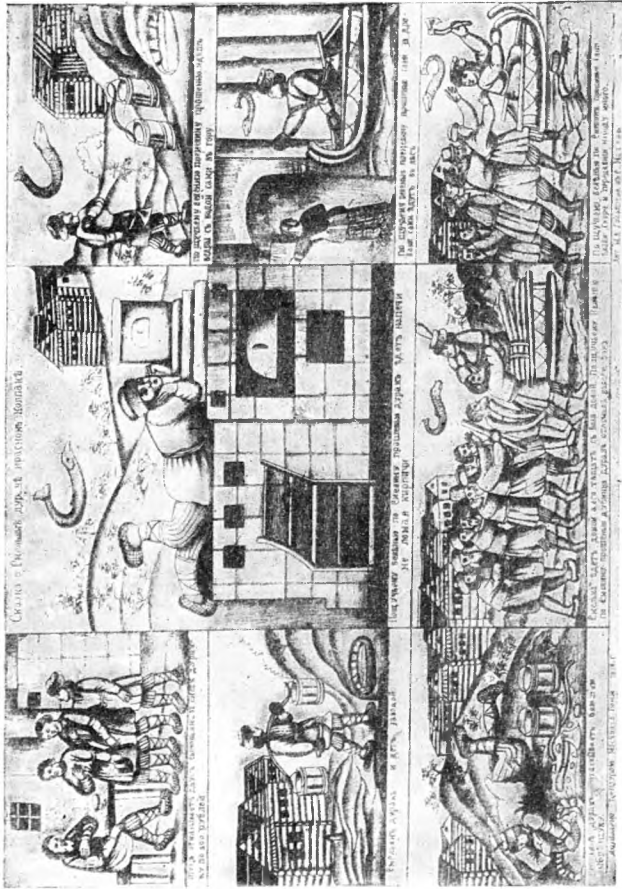
Пришли. «Што-то — бает — батькё, она не стала ни исть ни пить, толькё плачет, кисейны рукава затираёт, свои глаза доводит». «А бежи-ко-тё, спроситё (чё-ко не сказал ли он)». — «Чё он тебе не сказал лё?» — «А сказал: будь моя обрўшничя!» У меня серцо и задавило: не пить не исть!» — «Бежите два солдата, ташшите его оставлейте!»

— «Ну, што, Омельянушко, готов ли?» — «Готов!» — «Ну айда!» — «Зачем?» — «А Марья Чернавка об тебе горюёт — не пьет не ест — батюшко чьярь пбслал».

«По батюшкину благословенью, по шшучинкину повеленью, будь печка со мной!.. Ну, ребята, давай, садитесь на печь: теплее ехать!» Кто табак курит, кто греется, кто дрова валит (в печь).

Стал к воротам подъезжать, она л и с ь в е н и ч к ё м - в е н и ч к ё м махнула — к о к о в ы - т е все и спажнула: как пол, все чистёхонько и стало. (Подъехал ко крыльчю.) «Солдаты, неситё его в избу на руках, пойтё, кормитё, а я сам пойду в кузничю обрўчёе ковать!»

Сходил царь в кузничю, шесть обрўчёев сковал, в сороковичю — бочку (их — Омелю и Марью Чернявку) — запехал, да эти обрўчёе-те и набил; на Дунай-реку и отпустил.

Сказка о Ермиле-дураке, Красном Колпаке. Лубочный лист.

Кто знат, сколь там долго оне ездят-плавают... «Што жо, Омельянушко, скушно и горькё стало: на белой свет бы охота поглядеть (не можно и терпеть!)» — «Молись богу, утро вечера мудренее будет!» — «Ровно мы съехали на крутинькёй бережок, на жолтинькёй песочек». — «Гляди, дура, на нас о с наехали — на лес, так бочечка-та некуды и нейдёт». (Скушно и горькё стало)... — «Молись богу: утро вечера мудренее будет!»

«А по батюшкину благословенью, по матушкину благословенью, по шшучинкиному повеленью, будь ста бочечка на крутенькём бережку, на жолтинькём песочкю!» Шшучка выбросила обеих — и бочку и всё.

«Чё-то, Омельянушко, скушно и горькё, и тошно, и охота на белой свет поглядеть». — А он на дне-то чем-то провертел дырку. *[Далее неудобный для печати эпизод, как Омелья с помощью волка развалил бочку]*. Розвалилась бочка-та, выпустил их из бочки-то.

«Марья Чернявка!» — «Штё?» — «А ты этта оставайсь! Я пойду, вон, ту гору смотреть, какá такá гора?» — «А ты, ведь — бат — долго?» — Он ушел, да полтора месяца на ету гору-ту бился, лез... бился, бился, не мог. — «По батюшкину благословенью, по матушкину благословенью, по шшучинкиному повеленью!..» Шшучка сечас сташшила его. Пришел на ету гору: «Очутися ет та город лучше тестева. А хлеба до клюк штобы!» Исправил и пошел за ёй.

Пришли до горы. Она на камешок, на другой слезет, тот выпадет, — оиять под гору; чуть платье всё на себе не изорвала. Побилась по-

билась — не мог ничего поделать. «По батюшкину благословенью, по матушкину благословенью, по шшучинкиному повеленью (будь бочечка на горе)!» Опять шшука обеих сташшила.

— «А штё же — бает — Омелянушко, город хорош, да без е ч ч и пропадем!» — «Молись богу, сыта будешь, пьяна и сыта!» Пришли в первый онбар, тут и перекрестилась она: «Видно — бает — не пропадем с голоду!» В другой онбар пришла, тут на коленки и пала, давай богу молиться. В третей привел: господи батюшка! больше и того хлеба в омбаре!

Пришли. Привел ее в избу то. «Печку топ да завтрак вари!» Всё у ней поспело. Одинова только в рот сунул — хлеба то. «Ну — бает — Марья Чернявка, пей, буди Чернявка, я пойду силы гаркать (с тестем воевать)»

По три утренны зари (да по три вечерны зари), на гаркál силы — не стало в городе упомещиваться. Силы на гаркál. «Ну тепере, Марья Чернявка, пойду по три вечерны зари опять припасу гаркать». Сел, на гаркál — господи батюшко, не стало в городе упомещиваться.

«Пойду я тепере на базар дорогих быков купить!.. А, ведь, надо их кормить!» Дваччеть пять быков дорогих самых купил. «Топере вари, а я пойду стольё ладить да скáтерки слать (надо детей кормить)». Вот говядину уварила она; он доспел все, скáтерки наслал. «Ну, дети, садитесь! Солдаты, кушайте, пейте! Как за белого чья служили, так и за меня служите! измены не делайте!»

Откормил их, как следно. «Ну айда-тё

Списки емельяне дурачке,

Бнекто торои было деревне жила мѣжикъ ичесто бы
 ло три сына аки были умные и третин дорикъ ко
 торого звали емельяномъ никакъ жила ила блещъ
 долго время то ипришаз въ глбокую стязъ
 ипризвалъ ксеке всехъ сыновъ говорилъ инъ лю
 кезныи дети а чустью что кимъ сомною нсадо
 до жить то иоставлю кимъ доиъ искотинъ
 которое вы разделите ичести рожно тавъ ие
 отыкляю кимъ денеръ наблнлаго постъ рвалси
 после того въскоре отецъ илз умеръ идечи
 похорона его честию жини благополбно пото
 му въ домни емельяноиы кретья елгъ въ
 горотъ торговитъ нате триста рублин кото
 рые илз отъказины были илз оуказиъ и
 то покорили они дорикъ емельяно послбшии
 дорикъ инъ послдия вгоротъ козлемъ сисо
 кою итвом сто рубливъ итотда ииторбимиз
 карышъ то илпимъ теке красной ковтанъ ик
 красной шапкѣ икрасные сапоги итты остинъ
 си дома стели что тека вастыкаты дасидъ
 нашы жены ико они были леннты итавои
 небески то ты дасиди дорикъ жила подчии

Сказка о Емельяне дурачке.

Как там станут палить-ту от тесьтя, вы все — пули, ядра — в лодку кладитё (к себе на колени), не палитё!» Тамотка все выпалили; у тесьтя и выпалить нечем: ничего нет, все вышло. «Ну, дети мои, возьмитё, как с овина снопы валятся, так и их там беритё». Вот принялись; весь город выпалил и детей всех (солдатов-то) у тесьтя прибил.

«Ну, тепере поедём ко мне в гости!» — тесьтю говорит. «Глаза-те зашурь!» Глаза-те зашурил, — уж он в горнице и очутился, на лавочке (попиваёт и поедает). «Я сколь етим местом бывал, горы не видал. Откуда и гора взялася? Откуда город взялся? Откуда вы взялися?» — Вышла Марья Чернявка. «Это я, багюшко — бает — а ето Омелянушко».

Его там угостили, как следно. «Уведитё в чисто поле, на ворота посадитё, ростреляйтё, и пепел розвейтё!» Так и сделали, увели его, разбстрелили и пепел розвеяли.

27. ПОПОВ РАБОТНИК И ДЬЯКОН

Был старичок, седой поп. А у него кладушка была — копёшка ржаная — четыре овиньча. А он не может молотить. «А поду — бает — за ворота, на вёрею навалюсь: какой прохожий человек идет — того и поряжу: чё запросит, то и отдам».

«Иди-ко — бает [прохожему] — сюды, п о б а л е с и м!» — «Штё, батька?» — «А вот штё: у меня копёшка есть, четыре овиньча, а овин высушон — готово всё. Сам не могу молотить».

Помоги! Штё запросишь?» — «А по рублю с овина, да по стакану вина — за ужином и за завтраком». — «Ну, это не постою... Только проворно ле молотишь?» — «Только бы снасть крепка была! Я как бóтну молотилом, так сноп наполам розлетит и молотило отлетит!» — «Мне — бат — етакого то и надо, штобы проворной был».

— «Ну, стряпки, ужинать станетё или чего?.. Собирайте скорее, да а й да молотить!» Стряпки соскакали, ужинать собрали, живо два, айда сейчас молотить. А у него овин-от сто с у с л о н о в, не малинькёй; на один посад все уходит у него: л а д о н ь то долга.

Как сечас пóслали [постлали снопы], как буздырнул, так сноп пополам розлетел и молотило отлетело. «Где шило да ременьё, только сказывай! Сейчас поспеет!»

(Прибежал ко крыльчю). А к попадьё-то дьякон ходит. — «Батюшко велел: всех овечек, куречь, гусей да уток, всех на реку надо гнать, поить!» — «А, ведь, я — бает — поила!.. Погоди маленькё!

А был в саннике телёнок зарезан трех годов — кишки те выброшены, а не ободрап. А он [работник] там ворота и все отворил настезь: гуси и утки все на реку убежали пить. А она [попадья] дьякона-то в опоек-от и запехала, да тут и зашила.

Прибежал [работник], санник ростворил, двери отворил. «Куричи все улетели, гуси, утки; а ты — бает — падына, што не бежишь?» — бух его по ребрам; на реку-то сташил с боку на бок. Гуси да утки все напились; он тошнее того опять его гонит на перемётку. «Иди, про-

падина, не упирайся. Што упираешься?» — Затолкал его в санник, опять запер. (Сам айда скорее молотить). Они все стоят, его дожидают, не молотят.

Прибежал. Измолотили, солому сносили, вычистили; вóрох вычистили, столкали, овин насадили; айда домой завтрекать.

Позавтрекали. А ему [работнику] ничего — только измолотил да и на полати. А попу овин сушій. До того сухо сушит, што чéхледью так и несет, синенькой огонек над снопами-то.

Овин высушил, идет из овина. «Што, работник, спишь или так лежишь?..» — «А я, батюшко, пятнадцатую трубочку докуриваю». — «Да как у тебя глаза-те не опалит?» — «А у меня, батюшко, по привычке!» — «Разе к ма у тебя табачку то?» — «А мне батюшко кулёк послал, табаку-ту, так на год будет».

«Ну што, стряпки, надо итти молотить, пока снопа-те горячи!» Выслали [снопы]. Как буздырнул, так сноп пополам и розлетел и молотило отлетело. «Ох ты, подлец! тепере опять за нó жи шь нас?!» — «Теперь, батюшко, знаю, где шило, где и ременьё, всё! сейчас!»

У него не отлетает, а опомурьчивает — молотило то цело.

А опять он, дьякон, пришел к ней. «Топере, мамонька, убежали! Нет, к тебе не приду, коли екого работника порядили — не можешь и успрятать от него!» — «А вот — бает — луку семьдесят мешков закоптели, как во смоле, на полатах стоят: я мешок-от вывалю (опростаю), туда запехаю, да и устьё зашью».

Работник прибежал ко крылечку. Брякнул

колечко. «Кто тут?» — «Работник!» — «Зачем?» — «А батюшко велел ложки чистить, мыть!» — «А я — бает — как вы поели, вымыла, да во шкаф!» — Он бежит, а она в шкаф, да на верхнюю полочку посадила: дьякон-от там и сидит [в мешке?]. Как он его увидал, схватил, мыл — посадил, опять запер. Опять айда молотить.

Прибежали; измолотили, солому вычистили, сносили; ворох вычистили, столкали; овин насадили.

Опять насадили овин, айда домой завтракать. Позавтракали — на полати спать. А попу — овин суши. Овин высушил, идет — он спит. «Что, работник, спишь или так лежишь?» — «А я, батюшко, двадцать пята трубочку докуриваю». — «У тебя шары выворотит». — «Мне по привычке».

— «А вон есть прутьичё. Ты бы...» Стряпку разбудил другую — мётлы делать. «Метел нету, нечем [вычистить] ворох сметать!..» — «Метелку!» — А одна взяла тупичю, а другая косарь: как к имьям подступиться, подсунуться, они, пожалуй, и голову отсекут (тяпнут). — «Ты бы сам собой доспел — тебе бы лишну копейку добавил еще!»

«Айдате молотить!» — «Исть надо! Исть то охота — весь день не едали!» — Поужинали.

Пришли выстлали снопы. Как поздёрнул; так сноп пополам разлетел и молотило отлетело. — «Сейчас поспеёт!»

Прибежал ко крылечку. Брякнуло колечко. «Кто там?» — «Батюшко велел е с л и чистить; корм понапрасну валится (из ёсель коровам)». —

«Погоди маленько, рубашечно корыто уволуку коров напоить!» А сама дьякона под ясли да и соломкой закрыла его.

А он [работник] уж четыре рычага и припас, на плечах держит. Ёсли чистил, чистил, на опрокидку опрокинул ёсли те. Соломку-то как раскрыл, да айда его [дьякона] тут чистить гбить; как сленно отгойл.

Убежал молотить опять. Хватил молотило, как бузнул, так так сноп пополам разлетелся и молотило отлетело. Сейчас поспеёт.

Прибежал к крылечку. Брякнуло колючко. «Кто там?» — «Квашонка растворена, нечем месить: хоть — баёт — с полумерку на мельничу свозить — смолоть!» — «Пять мер намолото муки — только другá квашня растворена!» — «Батюшкино слово не переспоришь!» — Она взяла, вывали мешок-от, его [дьякона] туда и засадила (лук-от вывалила в короб), а устьё зашила.

Работник всё припас — и ворота растворил. Хватил мешок, через брус прямо его и ухнул. (Бузгнул прямо через брус.) Хватил да на мельничу. Тут помольник спит, и мельник спит, и засыпка спит. «Что вы долго спитё, не мелитё? Вода через верх бежит! Што не спускаетё? Кони-те и обмётки-те объедят!» — «На — бат — ключ, отпирай да и засыпай! Мы обуёмся, так прибежим».

Отпер амбар, хватил мешок, ух в тюрйк; а сам усапал (пал да айда — усарапал).

«Кма ле у него засыпано? Надо посмотреть». Один выдумался. Посмотрели: чёрный мешок-от. «Чорт брошен?!» — Развязали мешок, а тут

дьякон. «Зачем, ты — бает — долговолосой, тут сунулся, забился в мешок-от? Подлечина!» — Всю голову испробили, да за очаг (за помольной) и бросили его.

Измолотили [у попа], все управили, как следно. Отправился совсем работник: надо денежки получать. «Давай батушко, разделку!» Получил.

Приехал поп на мельничу. «Ну что? за помол к ма ле с меня?» — «А что, разе нуне дьяконом челым возят на помол? Тупай — бает — вон вся и голова то у него испробита; за помольной лежит!» Пришел так и есть.

ПРИМЕЧАНИЯ

Записаны в 1908 году Д. К. Зелениным и напечатаны в сборнике «Великорусские сказки Вятской губернии». Сборник Д. К. Зеленина. (№№ 23 и 26).

26. По щучьему веленью. Анд. 675. Варианты: Аф. 100-а и б; Перм. Сб. 63; См. 113, 336 (оба последние — в плохих записях). В примечаниях Афанасьев обратил внимание на связь щуки с золотой рыбкой. По его предположению, обе сказки возникли из одного источника.

Текст А. Т. Краева отличается от остальных редакций большей распространенностью и ярким образом самого героя, изображенного в окружении своего собственного навоза, благодаря чему получаются необычайно искусные и неожиданные эффекты. Так, в центральной части: царь посылает за Емелей полк солдат, Емеля, защищенный своим навозом, отказывается идти, а полк уничтожается по приказу щуки. В последний раз присылает два миллиона солдат; Емеля выезжает на своей печке. Но как только он появляется, царю сделалось дурно от запаха («с души сбило»), и он прогнал его; однако ни физическое неприглядство, ни дурной запах не мешают Емеле покорить сердце царской дочери. Он успевает сказать ей: «будь моя обручница», — и у царевны «сердце задавило»: не стала «ни есть, ни пить, только плачет, кисейные рукава затирает»... и т. д.

27. Попов работник и дьякон. Анд. 1725. Из серии рассказов о неверных поповских женах, которые обычно разоблачаются работником. Аналогичный вариант — Онч. 81 (Попадья, дьячок и работник)

Заглавия в обеих сказках даны собирателем.

СКАЗКИ Н. М. ДЕМЕНТЬЕВОЙ

Н. М. ДЕМЕНТЬЕВА

ЕМЕНТЬЕВА Наталья Михайловна, сказательница из с. Вирмы (на берегу Онежского залива). По характеристике записавшего ее сказки Н. Е. Ончукова «едва ли не лучшая из его сказочниц». Собирателъ не использовал в полной мере ее репертуара и записал всего одиннадцать сказок, из которых опубликовано только шесть.

«Остальные пять совершенно невозможны для печати: они очень интересны и остроумны, но чересчур порнографичны до цинизма»; рассказывает же она такие сказки «с особенным удовольствием, нисколько не стесняясь их содержанием, без обиняков своими именами называя все вещи».

По свидетельству Н. Е. Ончукова эти сказки и составляют ее жанр.

Ее биография и основные черты ее характера нам также мало известны. Собирателъ намекает на неудавшуюся личную жизнь и так зарисовывает ее внутренний облик: «Жажда жизни и неудовлетворенность ею, а в результате — тоска. Чтобы от этой тоски избавиться, при столкновениях с людьми — беззаветная веселость и дурчливость, шуточные плясовые песни, веселые, раздражающие и манящие сказки».¹

¹ Н. Е. Ончуков. Северные сказки, стр. 160.

28. ЖЕНА НАД МУЖЕМ

Ил был муж с жоной, жоны не правилось, што муж варáй дат над ей (ворцит), она и говорит:

«А на лешой всё вы, да вы над на́мы, когда же мы-то станём над ва́мы?»

Старик и надумался:

«Жона, от царя указ пришел: жонам над мужовьям власть нести».

— Ну, дак поди, топи байну! — Он и пошел, затопил байну. Байна стопéлась, старик зовет воды нести.

— А наносишь и сам!

Он и пошел носить.

— Поди, мойся!

— Да снесешь и ты меня!

Пришла в байну.

— Самы́ла, я веник забыла!

— Дак я схожу. —

— А не знашь ты, снеси меня!

Он и понес. Пришли опять в байну.

— «Самыла, я сороцьку забыла».

— Да где у тебя, я схожу.

— Не знашь ты, неси меня.

И снес. Потом говорит ей:

— Дак мойся.

— А вымоёшь и ты меня.

Он и стал ю мыть, а сам в сени и пошел, там и скрычал (бытто кто ли пришел):

— Самыла, што делаешь?

— Да жону мою. —

— Ой ты шальнёй, указ-то не росслушал: указ-то ведь по старому — мужевьям над жонамы.

Услышала, и говорит:

— А на лешой царя! опять по старому.

Муж ей и скаже:

— Ну, вот, не долго прошло твое велись во.

Муж затем дубёць взял, и давай жону хлыстать, потом знай вперед.

29. БОЛЕЗНЬ

У крестьянина было три невёски, две в сторону имели: любили дружков. Трежья скаже:

— Хоть бы мне полюбить.

А старша скаже:

— Полюби, коли бабьи увёртки знашь.

Третья и полюбила парня молодого. Он к ней пришел, а муж в то время с сеном еде, а приятель в комнаты ей.

Невёска к ей и бежит:

— Марья, муж то приехал! Што скажешь?

— А не цё не знаю.

Муж пришел в избу, невёска дала ему тўес:

— Бежи за водой, жона не мёжо порáто!

Муж и побежал. Докуль ходил, тóй поры и приятель убежал. Невёска жону вывела, да на порог нагой и поставила; мужу и говорит:

— Обдавай да приговаривай: «Господи благослови! Сам застал, сам пó воду хожу, сам окачиваю!»

Смирной мужикъ и драчливая жена
 итничоуа некии жияхъ своек женоу въ великомъ снѣдоу
 ти она была такъ смирна какъ тежкаа аи на его такъ
 заа какъ жма лѣта она мѣла своего влѣда ругала бра
 тина и вѣла и все то засанѣ бездѣлнѣ такое время
 да жма ево выпросила у соседа илюдинѣ хлѣвъ рти и послѣ
 ла мѣла своего что въ пошела она к мѣлннѣу смолотъ ру
 жь мѣво желище мѣлннѣ победности ево пѣстнѣ на
 свою мѣлннѣ и даа ему рѣж смолотъ мужикѣ смолоснн
 рѣжъ пошела до жон вѣдрѣвъ зделанѣ тѣмюи снѣнон вѣста
 что из чапки висторон она жѣзъ мѣлѣ вѣю зделѣ во одну
 минѣтѣ сѣвъ прншела до жон и казала отволѣ жене своеи
 ажна у слыша то начла ево вранннѣ и бнрѣ немилосердно
 мѣла и побнвнн до тѣхъ порѣ покуда успѣла спала посылѣ
 ево и вѣтнѣу кѣтсрон у него мѣлѣ рѣжѣлаа чѣсѣвъ вѣзѣть сѣ
 вѣтра зѣлнѣу денгн бнн споднже мѣлннѣу сколько умѣрѣ вѣн
 мѣла было мужикѣ прѣстерѣвъ бжнны своеи полнннѣа побосн
 пѣвѣнѣ зѣлннѣвшн нѣл своего дома и шѣлѣ не знаѣа нѣда
 жмаа вѣзшѣтѣ онѣ въ дремѣучи мѣстѣ и ходнѣтѣ од
 ннѣа потпомѣ дремѣчѣнѣ асѣу

Из глубочного издания. «Смирной мужик и драчливая жена».

ПРИМЕЧАНИЯ

Сказки Н. Д. Дементьевой записаны Н. Е. Ончуковым и опубликованы в его сборнике «Северные сказки» под №№ 62, 64.

28. **Жена над мужем** — один из вариантов рассказов о злых женах. В указателе Андреева он помечен № 1375 и описан так: «жена хочет взять верх над мужем; ей вначале дают власть, а затем бьют». Сходные варианты: А ф. 239 («Головиха» — бабу, по ее требованию выбирают в головы) и С м. 118. Вариант Дементьевой отличается от остальных редакций прекрасно разработанным диалогом.

29. **Болезнь** (А н д. 1406 В) — вариант из цикла многочисленных рассказов о бабьих увертках. Сходного варианта в опубликованных русских записях не известно. Но мотив обкачивания встречается, как эпизод, в лубочных сказках о молодой жене и старом муже. Оттуда же заимствован и приводимый здесь рисунок.

Из дубочного издания: «Сказка о купцовой жене и о приказчике»
(Подлинник раскрашен).

**СКАЗКИ А. К. БАРЫШНИКОВОЙ
(КУПРИЯНИХИ)**

А. К. БАРЫШНИКОВА (КУПРИЯНИХА)

АРЫШНИКОВА, Анна Куприянова, более известна под прозвищем Куприяниха или тетка Анютка, принадлежит к тому же стилю, ярким представителем и мастером которого был А. Новопольцев. Сказки ее записаны в 1926 году, в селе б. Верейка, б. Землянского уезда (ныне Воронежский округ), современной собирательницей Н. П. Гринковой и пока еще не напечатаны; опубликован только подробный перечень записанных текстов, с характеристикой стиля и личности сказительницы.

Куприяниха — бедная, неграмотная крестьянка (в момент записи ей было 50 лет), рано овдовевшая и с большим трудом выростившая большую семью. В своем громадном селе — она слывет лучшей рассказчицей и лучшим знатоком песен.¹ Репертуар ее — чрезвычайно обширен. От нее записано 56 текстов, и таким образом,

¹ «При двухнедельном общении с Куприянихой, — рассказывает собирательница, — стала понятной ее любовь к сказке и к песне. Во всех случаях жизни проявляется ее художественная натура, смотрящая не безучастными глазами на все красивое...

Весной старуха ходила бешком в Воронеж (45 в.) к какой-то городской знакомой, чтоб раздобыть семена махрового мака, который ей так нравится, и у нее одной засени

по количеству она должна бы занять одно из первых мест в мире русских сказочников, но ее тексты, как и вообще южно-русские сказки, являются текстами нераспространенного типа, т. е. недлиными, короткими рассказами (в противоположность «сильно распространенным» и многоразвитым северным редакциям). Поэтому с количественной стороны Куприяниха значительно уступает ряду сказителей, чей репертуар хотя менее богат отдельными сюжетами, но значительно превосходит общими размерами текстов (напр., Ломтев, Винокурова, Аксаментов и нек. другие).

По составу репертуар ее очень разнообразен: в него входят сказки волшебные, сказки о животных, бытовые — особенно она любит рассказы про попов — знает и переделки литературных произведений: рассказанные ею сказки «про купца Аксенова» и «Семен—пьяница» — не что иное, как известные рассказы Л. Н. Толстого («Бог правду видит, да не скоро скажет» и «Чем люди живы»). Возможно, что и еще некоторые из записанных у ней сказок вошли в репертуар из школьных книжек и рассказов детей, учившихся в школе. Такого происхождения, несомненно, «Золотая рыбка», чрезвычайно близкая в ее передаче к пушкинскому тексту.

Основной фонд ее сказок — бытовые, хотя сама она, как свидетельствует собирательница, больше всего ценит и любит сказки волшебные, отмечая всегда при рассказе, «что данная сказка особенно хороша и интересна». Главной и основной особенностью ее сказок, так же как у Абрама Новопольцева, является рифмовка. Последняя иногда захватывает всю сказку, иногда встречается только частично. Рифмовка же — как обычно в сказках такого типа (пример — тот же Новопольцев) — заставляет вводить новые слова и создавать новые поло-

им густой цветник под окнами избы. Старуха страшно любит цветы и заботится, чтоб их не помяли соседские ребята. На межах она любит, чтобы оставались нескошенными высокие кусты полыни и удивляется, что другие стремятся оголеть совершенно полосы и придать им унылый вид, а «ведь, с травой-то лучше, живей, красивей...» И в пень песен, и в рассказывании сказки проскальзывает ее любование красотами слова и напева...» («Художественный фольклор»... I, стр. 82—83).

жения. Так, в сказке про козу с козлятами: «ухватил за хвост, сел маленький кузнечиска на нос»; в сказке «Два брата» (см. в наст. сборнике № 30) дети бедного брата получают определенные имена: Тишка и Танька. Имена эти вызваны к жизни и обусловлены, конечно, только игрой рифм. «Ох, жена, поди-ка ты в лавку, купи ты Тишке книжки... купи Таньке — раздуванку»... Этим же вызвано и прозвище мерина: «упала осина и убила мерина Максима».

Сказочная обрядность у ней представлена очень богато и ярко. Некоторые из ее зачинов представляют собою совершенно самостоятельные присказки. Например, в сказке о «Трусливом Ване»: «Зародился хлеб не хорош, по подлабочью валяли, на печё в углу сажали, в коробок загребали, не в городок. Никто хлеба не купить, никто даром не берёт. Подошла свинья Устинья, всю рылу обмарала. Три недели прохворала, на четвертую неделю свинья скорчилась, а на пятую неделю совсем кончилась». Часто в присказку входят пословицы, несущие, таким образом, как бы функцию идейных формул сказки. Иногда пословица вводится и в основной текст, но также в заключительную часть (см. № 30).

В достаточном количестве у нее сохранены и общесказочные типические формулы, в роде: «народ бежит, земля дрожит», «утро вечера мудренее»; описание бега богатырского коня, красота героинь, сохранение закона трехчленности и т. д. «На ряду с этими традиционными аксессуарами, в стиле и словаре сказок Куприянихи — отмечает собирательница — можно отметить и кое-что, появившееся за последние годы: револьвер, полиция и даже милиция, публичные места, фабричные машины и т. д.»

Сказки Куприянихи усвоены ею, главным образом, от отца. Отец ее, Куприян Леонтьевич Колотнев, был «хороший знаток сказок и большой любитель рассказывать». Кроме крестьянствования, он занимался еще развозом муки по пекарням. За сказки ему часто накладывали по возу кренделей. По мнению собирательницы, от отца она усвоила не только основной репертуар, но и тот балагурный стиль, которым она передает свои сказки. «Невольно представляешь себе ее отца, балагура, забавляющего своим красноречием толпу собравшихся слушателей. В его исполнении так уместно это стремление вставить «красное слово», рассмешить слушателей метко

вставленным созвучием, мерной, почти стихотворной речью. Чувствуешь, что рассказчик большое внимание обращает на форму, на самое внешнее словесное оформление своего рассказа».

В устах же Куприянихи это представляется собирательнице как-то мало уместным и она считает, что все это «взято от учителя в готовом виде».

Едва ли можно всецело согласиться с таким утверждением. Правда, можно считать несомненным, что основной фонд сказок и основная манера рассказывания унаследованы сказочницей от отца, но несомненно и то, что отцовское наследие ею углублено и развито дальше. Куприяниха принадлежит не к пассивным передатчикам, а к мастерам, имеющим свой стиль и свою индивидуальность. Она явилась продолжателем художественной манеры своего отца, потому что последняя была органически ею усвоена. Сбирательница обращает внимание на то, что это «балагурство» отсутствует в текстах, являющихся переработкой рассказов Толстого. Но, в данном случае, рассказчица была сдавлена определенным характером материала, и отсутствие в этих рассказах обычных приемов балагурного стиля и балагурной рифмовки свидетельствует о большой ее артистической чуткости.

Совершенно ошибочной представляется и та характеристика, которую дает Б. М. Соколов. Он характеризует ее стиль «как примиренный эстетизм и любовь к некоторой обрядной форме», в чем он видит «выражение мелко буржуазной природы середняцких групп крестьянства, которые тянутся больше к зажиточно-кулацкому слою, чем к бедняцкому».

«Примиренным эстетизмом» стиль Куприянихи назвать никак нельзя. Куприяниха, как уже сказано в начале, — одна из последних представительниц того стиля в русской сказке, который, в нашем представлении, теснее всего связан со средой скоморохов и специалистов потешников-бахарей. Этот стиль позже культивировался, главным образом в кругах крестьянской богемы (срв. сказки Новопольцева), тесно связанной, само собой, с крестьянской беднотой. С ней был связан, видимо, и отец Куприянихи, вынужденный искать дополнительных не крестьянских заработков, с этою же средой и ее социальным сознанием тесно связана и сама Куприяниха.

Правда, социальные ноты звучат у ней довольно

слабо, — она разрабатывает и задерживается только на мотивах бедности, — но быть может и в этом нужно видеть следы и влияние определенной сказительской школы. Унаследованный ею стиль и художественный метод тесно связан с профессионализмом. Отсюда (также как и у Новопольцева) — богатство и разнообразие репертуара, и повышенный интерес к формальной стороне, что всегда ослабляет и психологическую углубленность и социальную направленность.

30. ДВА БРАТА

ОТ жили два брата: один богатый, другой — бедный. Вот у бедного брата детей много, а богатый жил один. Вот они отделённые. Как они сядут обедать, богатый брат, все ему невесело. А ты подойдут — тем все весело.

Намочать мочёнки в воду — тюрю — по праздникам, а ребята все грохочуть.

Однажды пришол брат под дверь, и дюже захотел посмотреть, как они сладко едят. Пришол, покушал, и всю чашку оплёл с ними тюрю. «Ну, брат, пойдем с нами, поедим». Вот так они с недельку пожили вместе. Жена опять заритавала: «Нет, нехорошо!» — и согнали они их.

«Как, брат, у тебе, ведь дети стоять?» — А бедный говорит: «Как твоя жена затяжелеет, возьми меня кумом». — «Ну дак штож, я возьму!» — «От меня дети, ведь, стоять, я буду счастлив».

Вот он — ждатель-пождатель. Жена-то родила.

1
 В некоторых полстывала ала
 брата живалше садизь богатыя -
 и други убоги, прииде убоги бра-
 та и богатыму лошади простыа
 мячелше бы ему влася подрова
 к владеть, богатыи же даде ему
 лошади убогиаже нава иному
 та прошалъ, богатыи же возне-
 га дова и вбратъ не даде хому
 та.

2
 Убоги же братъ умисли себе что
 аровно приехать лошади забав-
 сть, и поехал влася подрова
 и наскъ воля величь еяко шло
 иже къ лошади восте, и прила-
 подвору своему и вбортъ во-
 рота а подворотню забыла
 бхствакъ, лошади же бросид
 чреде подворотню и оторвала -
 себя хвоста.

3
 братъ же овогъ вбрату прибе-
 де лошади влася богатыи же
 влад лошади беж воста исприна
 много лошади и пойде науборва
 бити челома и шемане судье -
 убоги беда а что пришла беда
 ово, будеть понево послыла убо-
 нова дадемо слы ченъ что ложи
 нова даде быдуть нечева пой-
 де влася брата своего.

4
 приидоша оба брата а богатыму
 му акимъ на насме, в мужи же
 иже а богатый и братомъ пити
 вастки и вбланта убогов а приче-
 ритъ и скота ку себе убоги и вна-
 на поати полад да влад на иже
 вназату и внакъ спометей и даде
 внакъ вбратъ а внакъ до смерти
 и мужи же поиде и внакъ и му-
 же науборва бити челома.

Сказка о Шемякином суде.

А он тут позабыл, што брату обрѣкся. Собрал на пир тут богатых кумовьев и кума. Жена (бедного брата) и смеется: «Как ты богу молил, тебя брат не убоготворил». — Тот от скуки: «Пойду посмотрю на беседу!» — «И, дурак, как туда незванный пойдешь? Зачем затеять иттить?»

Прихѣдя, у них пир горой, там пьяные. Кушанья на столе. Он от совести подошел к столу. «Брат, дай лошадь!» — «На што тебе?» — «Да потить дуб срубить — привезти». — Она ему лошадь и не нужна. Он думал, што он ему стаканчик назовется — он за столик двинется. Так и думал: выпью я — попаду в пир. На стороны то скажутъ, и я кумом был».

Ну, сѣт-ки выпить не попало ився его мольба пропала. Ну, хотя взял лошадь и пошел в лес. Привязал он к дубу, тѣкал, тѣкал, а этью лошадъ звали Максимка, мерин Максимка. Упала осѣна и убила мерина Максима. Тот с горя пришел к брату и говорит: «Ну, брат, несчастье случилось?» — «Какая же несчастья?» — «Да вот, рубил осѣнку и убил Максимку».

Тут брат на него в суд подавать. Вышли повестки — ехать на суд. Жена и говорить: «Эх, нѣзачем было ходить, вот тепере, дурак, путайся!» — «Ну што, жена, над кем греху не бываетъ, бѣда. Ну, поедем, посудимся — сразу в острог не посѣдуютъ».

А ехать-то было далеко, как у нас, вишь, едут отколе на суд. Пришлось ехать на ѳдной лошади с братом. Заехали к попу ночевать. Ну да, ведь, богатых везде почитаютъ и везде за стол сажаютъ. У попа же жена только родила. Положили его на печку, дитя. А он, как ехал, так

и влез обогреться. А ехал дорогой голодный. Они за столом сидят, да друг друга угощают. Он через дитя все глядь да глядь на стол, хватились, он уже дитя готов — задавил.

Што делать мужику-бедняку? Еде поп на суд на него, судиться. Ехали, ехали—подходи [т] лог крутой, могучий. Там детишки коров стерегут. «Ох, дай, я прыгну в этот лог, расшибусь!» — Вдруг гора-то и здвинулась и подавила этих детишек. Собрались тут отцы, брать тово мужика в тятцы. А поп говорить — как он духовный — бить не велить, надо ехать, просить. Тут с испугу мужик набрал пазуху камней.

Вошли они к судьям судить, он первым делом говорит: «Судить-то суди, а глядите сюды!» — показывае на грудь. А, ведь, в старину судьи были дураки. «Гляди, у него денег много, всех подбрит нас!» Вот они стали судить брата за лошадь. Спросили, как он богу молил, как за лошадью ходил. Те братья по совести рассказали. Присудили судьи дитё брату отдать последнее. Он говорит: «Я всего двора не возьму за дитё!» — етот богач. Спрашивают у бедняка: «А чем согласишься?» — «Да деньгами!» — Те обложили ему сто рублей.

Тут попа судить стали. Рассказал по совести, как он голодный был, как задавил. Присудили попу отдать попадю, он приживет им дитя. Поп и говорит: «Э, я не оддам, ни за какие миллионы!» — «Аль как согласишься?» — «Да деньгами!» Присудили бедняку двести рублей — попу отдать бедняку вместо попады.

Семь человек мужиков теперь этих судить. «Ну, вы как?» — Рассказали по совести. «Вы

5
 СЛУШАЙТЕ МЯ ПОГРЯДУ ЮДИНО ВО-
 РАТЫ БРАТЪ ТОКОМУЖИНА УБОГИ
 НЕ ЗАНИМИ ДАШЕ ПРИЛУЧСА
 ТЫ ВЫСОКИМЪ МОСТОМЪ УБОГИ
 МА ДА СНИМИ ПРАСУМЕ ЧТО НЕ
 ЦЫТЪ СМУ ЖИВОМУ ОБУДЬ ШЕ-
 ЗА А КИ ПРОВАЛА СМОТУ ХОТЕЛА-
 УЩИ БИТЬ ДА СМЕРТЯ ЖНО ПОДМО-
 ТО ЧТО БИ ВЕЖЕ ПУРОГО ВЛАНЫ ЮНЪ
 ПОСЛА КИМУ ВОШЕ ПИДА ДА ДА ГЛО ВОСМЕР

6
 ПОГЯТЫ БРАТЪ ПРИМА МНЕ МА НЕ-
 СУДЪЕ ВИТ ЧЕЛОМЪ НА ВРАТА НАНО УЛО
 ША ДИХОВЪ БЫ ДИМУХЪ УБОГИ МЯ-
 ПОДНА НА МЕНЕ ПЗА ДА ЗА ПЛАТЪ
 ПНАЖЕ ПЗА ДИ БРАТА ИТО ПОМЫШИ
 ДА ЕЩЕ АЩЕ СО ДА ГИ ПОМЫШЕ ОТАМЕ
 СУ ДИ ПА ЕВОУШЕ КОИ ДО СМЕРТИ СО-
 ДДАМЕ ЧА ДА СТО ПУОЛ ПДА ДА ОДА-
 ДА ПИРКАЗА БОГАТОМУ ПДА УБОГАМУ
 ВОШЕ ПОКАУ НЕК ХОВЪ БЫРОС ПОВА

7
 ПОТОМЪ ПИДА МУЖИНА ПОКА А ЧЕ
 ЛАБИМУ БУДИВЕТА МДА А ПИНА
 МА ВИТ ЧЕЛО, У БОГЪ НЕ ВНА ВЪТО
 УЖЕ НА ПИНА ПОНА ДА СУА В ПОДА ДИ
 МУЖИНА ПУА А ПЕ ЧА А ВЪ ПЕ СТО
 ВЪ ПОВА ДА БРАТА ДА ДА ПИНА
 ДА ДА ПИНА ПОВА У БОГОМУЖИ
 ПОСЛА КИМУ ПОВА У НЕИ РОКЕ ПИ
 ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА
 ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА

8
 ПРИМА СКА ОБОТЪЕ ПАТЪ ЧЕЛО
 ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА
 РТИ ПОВА ДА ЧЕЛО ПИТИ ПДА
 ВОГОСА УБОГИ МЯ ВИНУ ДА ТОТЪ
 ДА НА ПИНА ПИНА ДА СУА ДА
 СУА ДА ЧА ДА СТО ПУОЛ ДА ДА
 ПОВА ПИКАЗА СТУ ПСТА
 ПИКАЗА ДА УБОГИ СТУ ПИКА
 ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА

Сказка о Шемякином суде.

видали эту гору?» — «Видали» — «Вы пойдите, с ней прыгнете, тогда будем судить». — «Э, нет там свою жисть полбжишь!» — Спрашивают бедняка: «Чем согласен с семи взять?» — «Деньгами!» Присудили каждому по семьсот отдать ему. «Вы от своей смерти откупаетесь, а он хотел задаром свою душу положить».

Осудили их, он собрал денежки. Каменья пометал, а деньги за пазуху положил. И поехал с суда, сыграл — никому ни копейки не дал. А жена то его ждёт — по-коровьи ревьёт. «Э, теперя Степу мово посадили!» Приходит сосед, уговорил ее. «Што ревьёшь, — не удавится — явится». — «Ох тебе-то хитро, как бы ты не ходил титором [?], тоже бедней меня был». — «Што ж он тебе приеде, обует што ли, оденет?» — «Да нет, с горем одеваемся, обуваемся».

Вдруг и муж заявляется. Сял на коник, улыбается. «Што тебе дико и чудно?» — «Я тебя ждала, все глаза проплакала». — «Ох, я табе привез радость». — «Какую же радость, кроме горя?» — «Ох, жана, поди-ка ты в лавку купи ты Тишке книжки!» — «И, дурак, чево вздумал?!» — «Ну, поди в лавку, купи Таньке р а з д у в а н к у!» — «Што ты сидишь мелешь, аль на суд съездил, с ума сшол?» — «Я с ума не сшол, а много денег нашол». И с детьми говорить: «Ну и право. Он, ведь, обезумел». — «Да я тебе денег много покажу и про свою страданье расскажу».

Он в руки деньги те взял и всю свою прохождение ей рассказал. «Ах ты старичок, как ты жив остался?!» — «Я плохого никому не делал, так и мне бог дал». Вся сказка.

31. СТАРУХА

Вот жил старик со старухою. Ничего они не знали, и так они обедняли. Старуха сидит и говорить: «Старик, што я подумала! Люди умувають, ходять, повивають, а я ничему не сродна́». — «Да што, старуха, с тобою сделалось?» — «Я надумала, не знаю, тебе понравится или нет». — «Ну, понравится — не понравится — все равно буду слухать». — «Вот придет праздник — воскресенье, давай пирогов напекем, барана зарежем, водки возьмем, да ребят кликнем — напоим, накормим их».

Вот так и сделали. Напекли пирогов, водки взяли и ребят зазвали. Пьют, едят ребята, не знают из-за чего. Попили, поели и заиграли. «Ребята, садитесь в кружок, я вам расскажу. Вы играть-то играйте, а ходить приглядывайте: где у кого што плохо лежить. Один-то играйте, забавляй себя, а другие берите и прячьте. Тоды придите и мне скажите, а я буду угадывать. А я буду с них деньги-то брать, да опять будем пьянствовать». Тым ребятам на руки. Попили, пообедали хорошо, да хочется ешшó. «А што», старуха говорить: «вреды то нет, ведь несовсем возьмут».

Вот там они идут по селу, песни играют, а эти мешки прибирають. Приходють. «Ну, бабушка, мы украли семь мешков да два хомута!» — «Да, где ж положили?» — «Да, там вон в логу». Вот на утри и бабы вскричались, мужики взорчались: «Што такое, кража сделалась — мешки накрали!» Ребяты идут. «Што такое?» — «Да вот, ребятунки, обокрал кто-то!» — «Вы знаете, што есть бабка Салманея, украдкой угадывае,

9
 Приде убоги брата к болятому
 Исудейскому приказу, пошла
 просити божь доуть, а покая ной
 двоборети а дость погаты же
 м. Божь же шшам а дти а д д
 сму а д рь пать ру блев а д
 три четв е рти х ле ба а до ко зу
 щелую по мирис а с ним д
 в ч ч но .

10
 Приде убоги брата к мужину и на
 поужасному приказу мено проца
 ти глот а ш е г л м е а р о б е н н а т а ч о в н
 ик д а с а д а т ь м о ж н о к а к е н а ч а с о ж о г и
 м е м и р т и с а . а д а д у б о г о м у
 п а т ь а с а м т ь р у б л е в а а д н о р о д у
 с т а л ь н к и м е а д о б о в ы л у ж е р е
 б е н к о м а а д ч е т ь р е ч е т в е р т и
 х л е б а i п о м и р и с а с н и м д в ч ч н о

11
 Приде боги князь а а о ц о в о
 с е б а с т а о н а с а с м у г о в о р и т ь ч т о
 п р о с а с н о к о д у п р и к а з у т с е б е с т а
 н о м о с т у а м н е н о д о м о с т о м ь i т ы
 м е н е п р о с а й д ь n м e n a i z a d a v i
 м e n a a d c m e p t i c a s e j e n a c h a p o m i n i
 s a t i s e b e n a c h o c y c m o t ь s e o n e n a
 a c k i n ь a c a m ь i n i b o c a d c m e p t i c a
 n a d e f e g i i m p r i c a a d a e s e u m e n e z o o
 p e c h e r ь a d o m o m a d a p e t ь c h e r ь i n x e o

12
 С о б ь а т ь ш е м а ч а в ы с л а с л у т ь
 н у б о г о м и p p r o c h a d e n s t z t r i c k i
 e b e l e v ь u b o g i j e p o k a z a n a m e n ь
 и р е ч е а ш ч e b ь c o b ь a n e p o l n e c b
 a n e i a x o t e l ь s e o y u i n b i c a o c
 i m e p t i c a y a m e p p r i c a e n e y a b e i a
 n a z a p p r o u b o g o v a a c h e b ь t ы n e
 y o i n e c y d ь i o n ь x o t e l ь t e b e t e
 m ь k a m e n ь y ш i b ь t ь d o m e p t i c a y d a
 i n ь n a s t p p r i c a s l o v o e b ь i t o x
 n e n e c e c e a z a z

Сказка о Шемякинном суде.

потихонечку ворожа». — «Да неужели правда?» — «Да правда. Я ходил — об невесте ворожил, как все равно обрезала».

Тот вскакивае мужик в избу. «Баб, сходи к Салмонее, говорят, хорошо ворожа!» Та подхватила ребенка — да бежать. «Баб, баб, у нас то с бляхами хомуты сцапали да семь мешков!» — «И, дитёнок, не охота ворожить». — «Да, бабушка, заплачу за охоту!» — «Ну, три рубли да пуд хлеба — я тебе скажу, не солгу». — «Э, кабы найти, не пожалею ничего!»

Налила блюда воды и сама похаживае, на нее поглядывае и говорить: «Вот, ваши мешки и хомуты в этом логу лежать». Та баба побяжала домой: «Бабушка, бабушка Салмонее говорить, мешки наши в целости там-то лежать». — Побег тот мужик туды, все в целости, не увезли их. Прибегае за лошадью. «Правда, угадала! Ну, баба, молчи, никому не рассказывай!» Привез мешки и понес ей пуд муки и три рубли.

Те ребята опять заходят в другую воскресенье, пьянствуют, то же обед собрали. Сами играют, пляшут, а дела не затевают. Один растрёпа у сенец лошадь привязал, те ссадили да в лес увели. Потом, этот и взмыкался туды-суды, лошадь пропала. Жалко тому, как у самого пропажа была — побег и рассказал: «Иван, Иван, я там угадал. Э, как бабушка Салмонида хорошо угадывае!»

Тот мужик к этой бабушке Салмониде бежать. Прибегае. «Бабушка Салмонида, ты не знаешь всю горе?» — Знаю, знаю, я слыхала». — «Помоги». — «Да, могу помочь». — Што возьмешь с меня?» — «Да барана». — «Э, кабы лошадь

нашел, не пожалею барана — на водку дам!» — Она наливаєть в блюдо воду, вокруг похаживаеь да на блюду поглядываеь. — «Вот, говорить, за твою лошадь берутся, да мужики дерутся — ты их сейчас захватишь».

Он туды бежать, а там стерегли пастуха, те за овцами побежали, он подумал, што к лошади. Прибежал, его лошадь стоить привязанная. Отвязал он лошадь, приехал. «Эх, баба, вот так угадка, как же мы про нее не знали?» — «Да я чуточку слыхивала, што украдкой ворожа». — «Да, баба, нельзя всем правду говорить — ведь ее убьют так-то».

Оказалась старуха такая ворожейка, прославилась по всем губерниям. Вот у царя сделалась пропажа. Там и говорят: «Да, ведь, эта старуха угадывае». — Сечас царь запрягае лошадь, посылает кучера за ней. А у него деньги унесли горничная да лакей и повар. И взяли в конюшню спрятали. «Ну што делать, когда кучер едет за ней, тут им надо сказывать четвертому. Ну как она: угадае, кода поставить кашолку яиц в тарантасе».

Подъехали к ее двору. Кучер: «Вот, государь прислал за тобой: беда приключилась!» Загоревала бабка. Как там солгать? Прямо, ведь, голова долой. Ну што делать — как так занялася, ведь отказаться ей нельзя. Ну, эта бабка говорить: «Теперь, должно, отворожилась я!» Убьирается сабе, как к смерти. Влезла она на тарантас, подбираеь она свою юбчонку и себе на уме приговариваеь: «Ну, бабка, садись на яйца!» — Кучер так торопко вскричал: «Получай, бабка, это тебе государь прислал в подар-

ридоша оба брата к богатому
жику на наследкз мужикже нача
пратымз братомз пити и яс
к ивеселитца убогова препи
ть нехотяху ксебе убогиме
е напоити поглядывая на них
незапу упалз сполител
из равенка влюльке до
ужикже поиде ксемаке
убогова бити челомз

Сказка о Шемякинном суде

ки!» Вытаскивает из тарантаса яйца лукошко и подаёт [старик]. — «На тебе, скушай, а я еще там буду сыта!»

Приезжает к государю. «А што, бабка, с ручательством берешься?» — «А што книги скажут, я, ведь, по книгам читаю». — «А когда ж это будет?» — «Да, вот, в ночь буду вычитывать». — Бабке некуда бежать, надо как-нибудь лгать. Выскочили лакей и повариха. «Как там?» спрашивают у кучера. — «Да как, только стала на тарантас садиться, угадала!» — Што делать, те приуныли и затосковали: «Иде такого чорта достали?!» Повариха говорить: «Э, да погоди, што-бог дасть. Нельзя ли нам вперед с ей обойтиться?» Ну лакей говорить: «Погоди оказываться, поглядим над ей утром».

Вот она книгу раскрыла и богу молиться. «Помолюсь хоть при последках к смерти!» А там один из них стоит, слухает, што будет говорить. Вдруг кочет закричал. Она и говорит: «Один есть!» Тот прибежал к своим: «Узнала, што я стою!» Перменяется другой туда слушать. Стояла она, стояла — другой кочет закричал. «Слава тебе, господи, и другой есть!» Тот поднимается бежать. «Ну, как там?» — «Узнала!»

Любопытно третьему пойтить послушать, — и трети кочетá закричали. «Ну, слава тебе, господи, третий есть — теперь мне пора на покой!» — Она их не видит, а до третьих кочетов богу молилась, а они подумали: она узнала.

«Ну што теперь делать?» думают себе. «Ну, пойдём к ней туда». — «Нет — лакей говорить — не надо ходить, мы себе плохо надумаем. Дал государь им утку, лакей поймал ворону. — «Дай,

я ей ожарю, узнае аль нет?» Вот он утку сжарил и ворону. Потом подаеъ ей ворону.—«Иди, бабка, кушань, государь-батюшка тебе обед состряпал».

Она зашла в царский дом, да по стенам-то глядеть, какие тут убратые стены хорошие. А лакей подал, а сам под дверь ста́л. Она стоит и говорить: «Эх, ворона, ворона, залетела в какие хоромы?» Лакей торопко вскочил: «Подожди, бабка, я ошибся, не то кушанье подал!» Мчится оттуда с вороною. Те стоять: «Што такое?» — «Угадала!»

Прибегает лакей — бух ей в ноги: Та бабка вытаращила глаза: «что такое?» — «Бабка, нельзя ли от беды отвести?» — «Да, можно». Та бабушка повеселела, стала улыбаться, да утятинкой весело наминаться. Утятинки кусочек съела и водочки захотела. Тот лакей рад стараться, с бутылкой несетя. «Пей, бабушка, сколько угодно, только от беды отведи!» — «Отведу, отведу, дитёнок, не будете вы виноваты. А где они есть та?» — «Да в конюшне». — «Ну, я вроде как пойду прогулятья, а ты вперед зайди, да ту мне месту покажи, штоб нам придумать, как сказать и вас оправдать».

Вот лакей отправился, бабку ждёт, поглядывае, штой-то долго она не идет. Пословица говоритья: «на вору шапка горить!» Он думает, што она вперед государю скажетя. Кучер говорить: «А што ж ты: пришол один, ты бы уж бабку ту вел!» Вдруг бабка являетья. Повеселел лакей — он ей рассказал, свою похоро́нку показал.

Вот после обеда она, как поевши, лежит

и отдыхает. Ну царю-то не терпится, не ждѣть, когда в дом к нему вернется. Приходя к ней туда. «Ну как, бабка, узнала?» — «Да узнала!» — «А кто их смыл?» — «Да их сонный сам взял, да и забыл, над тобой што-то случилось, ты их взял, да в конюшню пошел, да в навоз закопал!» — «Да, бабка, надо мной случается: какой-то лунатик находя. Сплю, так и сонный пойду». — «Да, да!»

Бабка веселей стала, как он сказал дорогу ту. «Вот ты положил и забыл!» — «Ах батюшки, сколько я людей оклеветал, сколько они плакали!» А лакей стоит, слушает. Бежить, своим остальным говорить: «Ведь, бабка нас оправдала!» — Ну, прислуги-то не надеются, а все смерти ожидаютъ: ведь, не у мужика живутъ, а ведь у царя. Вот царица и ругается на царя. Жалко прислуг, и она их туда позвала. Вот повар говорить: «Теперь нам аминь!» Нет, лакей подслушал, говорить: «Оправдала!» Приходятъ они в дом, и она стоит при нем. Царица говорить: «Давайте царя бить!» — Слуги вскричали: «Што, за што?!» — «Вот, над нашим государем лунатик наработал. Вот, ведь, мы ему правду говорили, што у нас никто не возьметъ; мыслено ли то, што у царя из-под голов взять, да отнести? Тут уж ясно видно, что сам отнес». Кучер и говорить: «И государыня в два раза сказала».

Потом эта бабка отправляется домой, он ей всего наклам туды за работу. А старик уж ее не жидает живую. Стречает, обрадовался. «Как, старуха, там?» — «Всех оправдала!» — «Всех и сама осталась жива?» — «И сама осталась жива. Да дело-то, ведь, плохое. Как бы нам удумать —

бросить эту рядую?» Старик говорить: «Там бы только оправдалась, а я тут придумал». — «А чево теперь нам надо, мы так стали богати». — «Да давай, старуха, свою гнилушку сожгем и всю на нее вину положим». Как ворожить-то ей надоело, сказать: «Мол, книжка ворожейная сгорела». Старуха говорить: «Я не могу теперь ворожить, я могу теперь богатством этим прожить». И так они ото всего отказались. Теперь живут, поживают. Я у них была, и мед пила, на грудь текло, в рот не попало. А старик такой простой! Веселые люди. Басенке теперь конец!

32. ПОП-СКУКА

Вот молодая женщина сбоку жила. Поп дворочка через четыре от ней. Как пойдет за водой, поп все сидит на крыльце. Хи-хи, хи-хи! Она приходит домой. — «Иван, што поп-скука, как ни пойду за водой, все хи-хи да хи-хи». — «Э, дура, эт ты ему пондравилась, он перед тобой конюе». (Человек храбрится перед барышней.) «А ты ему знаешь, что скажи: будет тебе коневать, приходи-ка ночевать. Возьмика-сь вина и закуски».

Поп этым случаем рад стараться, захватил с собой окрак [окорок] ветчины, четверть вина. Пришел к ней ночевать — она его давай разувать, раздевать. И разутого, раздетого — за стол. За столом-то она стала его целовать, а муж-то раньше приказал, смолянью бочку в сенцы привязал. — «Вот, жана, как я стукну об оконцо, сажай его туда».

Вдруг муж застучал, сторонилася жена, да посадила батюшку в бочку туда. Как этот муж такой был бойкий, подвел и браниться на нее стал. — «Я тебе давно сказал, што выкатывать бочку, выжигать ее в поле!» — Тут попа взяло в бочке горе. Куды ж ему деться — залез в бочку поп греться.

Берут в руки бочку — кот, да кот, а он по бочке шлёп да шлёп. Весь измазался, как чорт. Вот так время провел до утра спрашивают прочие: «Бочку везешь куда?» Отвечает мужик: «Новых чертей наловил, царю везу на показ». Тут люди подходят: «Што за черти — поглядеть их хоть раз». Он откутает да закутает — не дает разглядеть дже-то. Некогда тут глядеть надо к сараю везть.

Вывез в поле. Едет барин. «Куда едешь, мужичок?» — «Везу нового чорта к царю напоказ». — Он на кучера говорить: «Поглядим-ка во все веки да хоть раз. Э, мужичок, што стóи(т) посмотреть?» — «Сто рублей». Вот не дал им дже посмотреть. «Кто будет смотреть, то выскакивай скорей — приказал он попу — все равно я тебя убую!»

Только он открыл и закрышку уронил, — он вылез. Он шумит: «Лови, лови чорта!» Барин хват, хват, а он скричал и тот убег. Мужик за повод ухватил бариновых лошадей... «С чем я к царю поеду напоказ, поедемте со мной». «Ах, — думает барин — царь голову снесет. Мужичок, што возьмешь?» — «Да пару лошадей, а мою клячу тебе на придачу».

Тот барин сел на клячу и на бочку, поехал домой. А этот — пару, сел на пару, и домой

себе жарю. Приехал домой к жене молодой.
«Вот, жана, как их обучают дураков!» — Да хо-
рошо до конца, съел ветчинки, выпил винца.
Полюбила ты отца и выпила винца. Полу-то
горе — жана смеется всегда вдвое.

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикуются впервые по записям, любезно представленным для настоящего издания И. П. Грипковой.

30. Д в а б р а т а. Вариант известного сюжета «Шемьякии суд» (Анд. 1660). Старинная повесть под таким заглавием сохранилась в нескольких списках конца XVII и начала XVIII века. Напечатано в «Памятниках старинной русской литературы», изд. Куселева-Безбородко, т. II, стр. 405—406. У Афанасьева 184-а перепечатано лубочное издание этого текста. В основе повести бродячие сюжеты о мудром судье, получившие на русской почве сатирическую заостренность. В устных редакциях элемент богатыря обычно утрачивается и заменяется посрамлением сатирогатого брата и своеобразным апофеозом бедности. Напр., Калпн. 31 (вариант, записанный от прекрасного сказочника Ермолая Серегина) — в нем совершенно утрачена острота сюжета, так как судьи судят справедливо, разобрав, что жалобщики не правы. Другие устные вар. — А ф. 184-b и С м. 187.

В сказке Куприяники непонятен и плохо мотивирован приговор по делу с братом (отдача ребенка вместо коня). Очевидно, это нужно понимать, как компенсацию за отказ в кумовстве, результатом чего явилась поездка в лес и потеря коня. Срв. оба варианта Афанасьева.

Конец сказки — идиллический разговор мужа с женой — является несомненно изобретением самой сказочницы, и очень характерен для ее настроений.

31. С т а р у х а. Широко распространенный сюжет в мировой литературе, как устной, так и письменной. Русские варианты — очень многочисленны. По большей части отгадчиком является мужичок как и в немецких сказках (Doktor Allwissend). Такой тип сказки дает: А ф. 217. Он ч. 165; В я т. С б. 33, 50, 70; П е р м. С б. 50; С о к. 106, 156. Отгадчица-старуха: А ф. 216 а, b; Х у д. II, 67; С д. 40; Он ч. 94, 222; К р. I, 65. По указателю Анд № 1641.

В «мужских» вариантах различны и социальное положение и профессия героя; несколько текстов связывают это со сказками о попах Вят. Сб. 50, Сок. 156; Онч. 165; Перм. Сб. 50.

Сюжет «Знахаря» в основе построен на словесной игре. Прозвище или фамилия героя — «Жучек» (Аф. 217, Сок. 156, Перм. Сб. 50 и др.) и его обращение к себе («Попался Жучек») принимается за разгадку царского или барского вопроса. На игре созвучиями часто основано и обнаружение воров. У Аф. 216 вору — лакей Брюхо и кучер Ребро. Старуха в тревоге за свою участь, вслух произносит думая о себе: «ну, достанется теперь брюху и ребру». Подслушивающие лакей и кучер относят это к себе и т. д. Так же Онч. 94, 165, 222; в последнем вору носят фамилию: Попков, Брюшков, Жопкин, но рассказчик утратил значение этих фамилий в сюжете. В одном сибирском варианте (Кр. I, 64) украли Спиро и Петро. Старуха говорит «что будет завтра спине, то и хребту, вора же слышится: «Спире и Петру».

Эта игра именами в тексте Куприянихи совершенно отсутствует, — взамен этого сказочница широко пользуется рифмовкой. Имя героини: Соломонья сюжетно не оправдано и взято, очевидно, также ради рифмы: Соломонья — ворожея. Неожиданным и необычным является мотив лунатизма царя.

32. Пои-Скука. Из серии народных рассказов о влюбленном попе. В указателе Андреева нет точного соответствия этому сюжету. Собирательница относит его к типу: Анд. 1730; см. примечания к № 33. Заглавия последних двух сказок даны самой сказочницей.

СКАЗКИ С. И. СКОБЕЛИНА

С. И. СКОБЕЛИН

КОБЕЛИН Симон Исаевич — один из сказочников, недавно открытых собирателями. Тексты его записаны только в 1926 году молодым собирателем, В. Д. Кудрявцевым, и потому представляют двойной интерес: с одной стороны, как тексты выдающегося сказателя, с другой — как тексты, записанные в наши дни, по которым можно судить и о тех изменениях, которые претерпевает сказка под наплывом новейших форм жизни.

Репертуар С. И. Скобелина полностью не исчерпан собирателем. Но поскольку можно судить по имеющимся данным, которые приводит собиратель, он очень обширен. На месте о С. И. рассказывают, что как-то ему пришлось прожить в тайге 32 дня и он каждый вечер рассказывал по две сказки «и все новые». Конечно, этот рассказ нельзя принимать буквально, в нем несомненно преувеличение, но он характеризует и популярность сказочника и богатство его репертуара. Собиратель пытался установить заглавия его сказок и сумел насчитать свыше двадцати. Из этого перечня заглавий видно, что в репертуаре Скобелина имеются и фантастические, и новеллистические, и сказки-анекдоты, и сказки явно книжного происхождения («Португей-прапорщик», «Персидский красавец») и др. Сам он делит свой репертуар на

две категории: серьезные и смешные. Последние, по его мнению, необходимы для поднятия настроения аудитории: «надо же развеселить их» — говорит он. Сам он — коренной сибиряк, уроженец и житель селения Малый Хабык, Минусинского округа. Занимается крестьянством, но живет довольно бедно и часто бывает вынужден уходить на побочные заработки; в качестве бондаря и плотника, был в Минусинске, Красноярске, работал на постройке железной дороги; по часту уходил надолго в тайгу «промышлять» (охотничать), и во время своих скитаний сумел перенять свой обширный репертуар.

Как всякий подлинный художник-мастер, сразу же, без всяких ломаний и отнекиваний, согласился рассказывать.

«Рассказывает он, — пишет собиратель, — с чувством, как художник, и любит, чтоб его слушали». Когда он рассказывал сказки для записей, то всегда присутствовало несколько человек. «Слушали внимательно и разве только вырвется восклицание удовольствия или досады по поводу приключения того или иного героя. Человек по тридцать ране собирались — и слушали всю ночь», говорила жена сказителя: «отколе он и брал только».

При рассказе он тщательно воспроизводил детали, дорожил словом и сказочными деталями. Рассказывает, не торопясь, явно желая, чтоб собиратель сумел записать, как можно точнее.

Из обширного репертуара С. И. Скобелкина опубликовано пока только три больших сказки: «Смех и горе» (известный сюжет «мороки», очень интересный вариант по своему сибирскому колориту), «Старик охотник и заветная птичка» (вариант «Утки с золотыми яйцами») и «Любовь жены». (Все заглавия даны самим сказителем). Последний текст, который мы и воспроизводим в настоящем сборнике, особенно замечателен. Это блестящее соединение сюжетов о верной и о хитрой жене.

Обычно, эти два сюжета имеют самостоятельное бытие, но существует и такое сочетание, какое дает Скобелин¹ т. о. оно не изобретено им, но также существовало в сказочной традиции и дошло до нашего сказателя

¹ Вариант известной бабушки М. Д. Кривополоновой — в записи О. Э. Озаровской (см. Приложение).

в готовом виде; но унаследованная традиционная схема получила у него совершенно новый вид и новый смысл, и в отличие от других рассказчиков, он сумел придать этому новеллистическому сюжету необычайно резкую социальную остроту, делающую эту сказку Скобелкина одной из самых примечательнейших во всем русском сказочном репертуаре, можно даже сказать: сказкой-уникой.

Два разрозненных сюжета он объединил в одно стройное, композиционное целое, в рассказ о том, как купеческая жена, дочь бедняка-лесника (сибирский колорит!), сумела «поймать» трех студентов и весь священнической приход». Первый сюжет («верная жена») оказался как бы втянутым во второй («хитрая жена, увлекающая в ловушку священника») и таким образом создало стройное единство и единый замысел.

На этом тексте особенно удачно можно проследить роль и значение индивидуального художественного мастерства и индивидуальной трактовки в обработке традиционного сюжета. Прежде всего, Скобелкин перевел действие в современность. Традиционная фигура, обольстителя (преимущественно дворянина) заменяется фигурой новой формации — студентом. При чем, выведенные Скобелиным фигуры неудачных обольстителей лишены обычного сказочного схематизма. Сюжет развивается канонично — по закону трехчленности. Последний всегда связан с нарастанием действия, но обычно эта градация дается чисто механически; она развивается, главным образом, количественно: если первый противник — змей о трех головах, второй будет иметь шесть голов, третий — девять; если герой в первый раз доскачил до третьего этажа, то второй раз — до шестого и т. д. У Скобелкина же эта градация получает иное направление и иной характер.

Каждый из вновь появляющихся студентов является более опасным, в силу свойств своего характера; каждый из них нахальнее, самоувереннее предыдущего — и вместе с тем сказочник сумел не только отойти от схематической фигуры обольстителя, но каждый из трех у него получил свой особый облик и яркие индивидуалистические черты. Особенно, рельефно зарисован последний студент, он же и граф. Таким образом, механическая внешняя градация стала у него градацией внутренней, психологической. Прием традиционной сказочной поэтики

не только не связал его, но, наоборот, помог ему разрешить сложную художественную задачу.

Тот же художественный метод применил он и к разработке эпизода о завлеченных попах. Каждая фигура этого нового триумvirата опять-таки индивидуалистична и характерна по особому, резко отличаясь от своего соседа. Робкий священник, не решающийся на большой блуд, более уверенный и требовательный архиерей и, наконец, совершенно самодовольный, в сознании своего огромного значения и власти — патриарх. При чем, эти фигуры, как и весь этот эпизод, получили у Скобеллина резко подчеркнутую социальную остроту, — и вся сказка тем самым оказалась насыщенной огромным социальным содержанием.

Часто к этому сюжету сказочники подходят только, как к веселому и пикантному, Скобелин сделал из него социальную инвективу. Сказка получила и совершенно иной смысл и иную установку, делающей ее единственной в общерусском репертуаре. Особенно замечательна по яркости, силе и глубокому социальному сознанию сцена с патриархом, одаривающим женщину заграничным вином и деньгами за счет «крестьянской шеи».

В приложении мы даем ряд редакций этого сюжета в изложении лучших сказителей. Каждый из них по иному подошел к этому сюжету, выделив и осветив определенные моменты. Наиболее ярко передал он Скобелиным и Винокуровой. В отличие от первого, сказительница на первый план выдвинула моменты психологические, создав чарующий женский образ скромной целомудренной девушки, выросшей в верную и мужественную женщину-жену. Винокурову можно назвать Шекспиром этого сюжета, тогда как Скобелин является его Боккачио.

33. ЛЮБОВЬ ЖЕНЫ

ДНАЖДЫ ездил купец и подыскивал для своего сына невесту. Приезжает к леснику, видел девушку. Девушка роскошна, но в низшем положении. Пондравилась всем мысли ему. Приезжает домой, объясняет сыну: «Нашол я, сын, для тебя невесту; очень великолепна!»

На следушшой раз едет сын. Приезжает, объясняет леснику: «Где ваша дочь?» — «Дочь вышла сейчас по грибы». Ожидат купеческой сын с нетерпением. Приходит эта дочь. Когда посмотрел купеческой сын, очень ему пондравилась. — «Позвольте, почтеннейший, предложить несколько слов?» — «Пожалусто, говоритэ. Што же ваше предложение скажите, пожалуйста!» — «Желал бы я на вашей дочери посвататься». — «Довольно смеяться, как мы бедного положения, а вы капиталист». — «Говорю я очень серьёзно; как она мне пондравилась. Я не щитаюсь с етим, что вы низкого положения; у нас капитала хва-

тит!» Тогда они дают верное слово. Согласно невеста. Дает он ей сто рублей на чай. «Приезжайте в такой-то город, на такой-то улице, такой-то номер магазина».

Когда приезжает невеста в город, по номеру нашла магазин. Дождается ее жених с нетерпением. Когда увидал, очень обрадовался, отпускает ей товара, какого ей нужно. Прошло несколько времени, сыграли они и свадьбу.

Когда прожили немного, отец и мать этого жениха оба померли. Остаются молодые хозяева. Проживают несколько времени. Жана ему и говорит: «Протекает у нас время, кажется, давно надо выехать с торговлей». Он отговаривает, шшитает свои недосуги. Она его сметила, в чом его дело. — «Скажите, пожалуйста, из-за чего вы не едете?» Он говорит ей то и другое. Она и говорит: «Нет этого недостаточно. Скажите, пожалуйста, какое у вас сумнение?» — «Скажу я вам сейчас душевно: я бы выехал две недели назад тому... из-за того я не еду, што вы без меня сблудуете». Она и говорит ему: «Дак вы из-за этого и не едете? Охраняете вы меня! Если я захочу сблудовать, то вы меня не укараулите. А вот я вам дам рубашку. Если на рубашке будет черно пятно, тогда я сблудую, а если не сблудую, то черного пятна не будет».

Етому он согласился. — «Ну еду. Верю вашему честному слову». — «Я еду в той же столицу, откуплю я гостинницу, буду проживать в ей с прислужгой. Ну кто из нас боле приобретет, вы или я, потом увидим».

Муж едет на судне и смотрит на свою рубашку, нет ли черного пятна. Сметили его ма-

тросы, стали ему говорить: «Што вы ето ошшипываетеесь и одёргиваетеесь; разве вас блохи кусают?» — «Да так, ничего»... Словом осмотрел себя кругом. В одно прекрасное время кочегар допытался, што дала жана ему точной завет белой рубашки, што нет ли черного пятна.

Стает он на гавань. Берет разрешение торговли, торгует несколько дней. А свою натуру не бросает, — нет-ли черного пятна. Рассказал кочегар одному из студентов: «Вы спросите пожалуйста, што ето он озирается и ошшипывается». — «Скажите, торгующий, какое ето у вас есть замечание?» — «Да, словом, так... ничего особенного не имею»... — «Нет я замечаю, што-то у вас есть: или вас блохи кусают, или што; вы всё смотрите на свою рубашку». Сколько не мялся, не медлил времени, принуждён был сказать, отчего он оглядывается на рубашку. — «Дак, вот што, любезной, я вам объясню, почему я озираюсь и осматриваю свою рубашку — нет-ли на ней черного пятна. Дала мне жана верный завет: «если я сблудую, то будет черно пятно на рубашке, а если не сблудую, то черного пятна не будет, будьте настолько уверены».

Студенту стало ето очень интересно, што, если жана сблудует, то будет черно пятно, а если не сблудует, то не будет черного пятна. — «Скажите, пожалусто, где находится ваша жана?» — «Моя жана находится в таком-то городе, по такой-то улице, дом номер такой-то гостиницы». Говорит ему студент: «Ну вот што, торгующий, извините — не знаю как звать»... «Меня звать Михаил Иванович!» — «Ну, вот што, давайте ударимся в заклад по 500 рублей. Уверен

я, што будет на вашей рубашке черно пятно». Торгующий долго не думал, ударился по 500 рублей в заклад. Деньги заложили за руки, сделали точной договор.

Едет в этот город студент. Захватил с собой очень великолепных разных заморских вин, гля угощения жаны етого торговца. Находит в таком-то городе, по такой-то улице, такой-то номер дома-ресторана. Ударил в звонок. Выходит служанка и говорит: «Што вам нужно?» — «Такая-то мадам здесь находится?» — «Да, здесь!» — «Дак скажите, пожалуйста, пусть выйдет суды сама». — «Сейчас доложусь. Вас, барыня, требует какой-то господин и предлагал вам выйти с оры м успехом!»

Выходит его жана: — «Што вам нужно, почтеннейший?» — «Извините, пожалуйста, што я вас обеспокоил». . . — «Ничего, ничего. Я таким людям очень довольна!» — «Вот переслал ваш муж, предложил побыть у вас на квартере». — «Пожалусто, с полным удовольствием! Я таким людям очень довольна». Принимает жана гостя. Вытаскивает его багаж и чемодан. Теперь начипат угошшать. — «Скажите, пожалуйста, дорогая, как вы, молодой человек, как вы ето можете, дескать, проживать без мужа столько времени?» — «Вы знаете нашо купеческое дело, што мы проживаем вместе мало, а больше врозь. Если мы будем друг на друга смотреть, то у нас доходов не будет».

У студента разыгрались глаза, и взволновался сердце о своем предложении, как предложить етой женьшине нашшот любви. Подумал сам себе, каким предметом, каким словом, как но-

ступить с этой женьшиной. — «Скажите, пожалуйста, молодая мадам, могу ли я вам пондравиться? Желал бы я вас спросить, не во гнев вашей милости, скажите пожалуйста!» — «Говорите штоугодно за всяко просто» (Она). — «Желал бы я спросить вас, не согласились бы вы со мной поиметь любовь, — я бы вас наградил дорогим подарком». — «Ну дак што жо, так и быть... Я проживаю одна и давно ишу такого человека. С рабочим неудобно, а с господином и знать никто не будет». — «Ну ясно дело! (Он). Еслиф мы зделаем, и концы в воду, никто знать не будет!»

Прошло времени до девяти часов. Говорит господин: «Очень я устал, как ехал я в дороге. Как бы скорее отдохнуть». Говорит ему она: «Раздевайтесь! Чем волновать один другого, скорее дело сделать!» Рассмехнулся господин, подумал своим мечтам: «Надейся, торгующший, на свою жану, сейчас черно пятно будет!» Она и говорит ему: «Вы меня совсем не стесняйтесь, раздевайтесь, оставайтесь в рубашке, в кальсонах и я сейчас разденусь».

А господин довольно етому рад, снимает с себя одёжу, как можно скорее. Она прибирает его одёжу. Раздеётся сама. Вдруг появился звонок. Он спросил: «Што такое ето звонок у вас?» — «Это государыня идёт ко мне на совет». — «А я куда?» — «Дак вы идите в спальню, ложитесь на кровать; она туда не пойдёт. Она не более пробудет пятнадцать минут». Заходит он в спальню и ложится на кровать. Когда он лег па кровать, она дагнула ногой пружинку, одёрнулаcь кровать под стенку и чубура́хнулся господин под

пол. Вот так!.. Неожиданной случай случился...

Утром стаёт эта женщина, берет прялку, привязывает куделку шерсти и берет веретёшко, подает ему. «Если хорошо будете вы работать, хорошо буду угощать». На первой случай дала ему пишки: фунт черного хлеба и полбутылки воды. — «Вот будете вы етим и сыты!» Подумал он сам себе. «Ето мне не по вкусу» — да делать нечего.

У етого торговца смотрят товариши етого господина из студентов и говорят между собой: «Што жо ето нет черного пятна на рубашке?! Он, молодой человек, наверно, поступил с ней сурьёзными словами, могла она его выгнать. Совестно ему вернуться к нам». Говорит другой из студентов: «Ну вот што, торгующий, оставим мы тот залог и ударимся по 1000 рублей. Давай я поеду!» — «Так и быть, давай» — говорит купец.

Собирается и другой господин. Приезжает в тот город. Как довольно ему известен адрес, — тогда нашол он етот ресторан — квартиру его жаны. Ударил в звонок. Выходит служанка: «Што вам нужно?» — «Нужно бы мне видеть барыню». — «Сейчас я доложу». Выходит его жана: «Что нужно вам?» — «Ах, извините, дорогая! Я вас побеспокоил, не поставьте во гнев ваш труд. Вот передал ваш муж, письмо послал вам, получите пожалуйста». — «Благодарю вас за дорогой привет». — «Скажите, пожалуйста, нельзя ли у вас поквартировать ето время? Как я с вашим мужем довольно знакомый, часто мы посешшаем друг друга». — «Когда вы знакомы

моему мужу, заезжайте, поквартеруйте, с полным удовольствием!» Рассмехнулся господин: «Вот тут-то у нас што-нибудь да будет!» — подумал сам себе.

Сметила его женьшина: «В чем же вы его рассмехнулись?» — «Извините, пожалуйста, дорогая, у меня такая есть натура как я веселый человек». — «Довольно я рада веселым людям».

Заходит в квартиру, достаёт разных заморских вин, начинает угощать. Так посмотрел на ее взоры, очень взволновалось его сердце. С нетерпением проводит своё время. — «Эх, какая красавица женьчина, вот и поймай ей счастье! Ах, как я ехал с дороги, очень устал». Подумал сам себе: «какие она скажет на мои вопросы ответы». Начинает с ей вести ласковые разговоры, вроде в шутку ударил ее по плечу. «Вот чортовска натура! Извините, пожалуйста, может, это вам не пондравится?»

Сметила женьчина, в чем это дело: «Не извиняйтесь, пожалуйста, чего в шутках не бывает, хотя поймашь и за титьку и то ничего!» Рассмехнулся господин и подумал: «Ага вот того мне и надо!.. Как же вы это, молодой человек, молодая женьшина, полнокровная, проживаете вы без мужа? Вот это очень странно; даже можно получить болесь». — «Што же делать, если мы будем друг на друга смотреть, то мы будем голодом». — «Скажите, пожалуйста, хотел я сказать вам несколько слов, пондравится вам или нет?» — «Говорите што угодно. Мы только двое, здесь никого нет». — «Да, вот предложил бы я вам; могу ли я вам пондравиться и своим

обхождением относительно любви? Очень бы я желал поиметь с вами любовь». — Она и говорит: «Ну дак што жо... так и быть». Думает господин: «Надейся на свою жену, купец, сейчас черно пятно будет на рубашке!» — «Ну, а как не особенно заняты, время полчаса десятого, не пора ли уж отдохнуть?» — «Ну дак што, же раздевайтесь!»

Посмотрел господин на женьшину. Начинает она головной убор снимать с себя. Ну он раздеваться зачал поскорее. — «Раздевайтесь, останьтесь только в рубашке и в кальсонах. Никого у нас нет». Прибирает она одёжу господина. Господин разделся. Вдруг получился звонок. «Ето што такое?» — «Ето государыня идёт на совет». — «Ах, да вы советница государыни?!» — «Да, да!» — «Ну а я куда?» — «Идите вы в спальну; она туда не пойдёт. Не более пробудет десять-пятнадцать минут».

Когда он заходит в спальну, ложится на кровать, она двинула ногой пружинку, кровать в стену удёрнулась. Чубурахнул под пол. Кричит ему первой товариш: «Полегче; поосторожнее, нето прялку поломаешь, тогда из-за тебя и я буду голодом!» — «А здрастуйте, господин! Вы здесь? Оттого вы долго не являетесь? Дақ вот по етому случāju и я попал суда!»

Настает следующее утро. Берёт она другое веретёшко, прялку и кудельку шерсти: «Ну вот работайте! Как будете работать, так и буду кормить». Спрашивает он товаришша: «Чем она угошшает?» — «А вот черного хлеба, да воды и всё». — «Черный хлеб не принимает у меня желудок». Она подает первому господину пиппи:

белого хлеба и кусок мяса и сотку водки, а второму один фунт черного хлеба и вода.

Смотрят там на торговца, на её мужа, што нет черного пятна на рубашке. «Эх, болваны, уехали они за каким делом! Стало быть не нашли квартиру её». Жалко и м я заложенные деньги. Надо бы их вернуть обратно. Один граф, лет тридцати, и говорит: «Ну вот што, давай ударимся ишшо по полторы тысячи. Заложим залог, што я с твоей жаной поимею любовь. Будут ли справедливы слова твоей жаны?»

Отправляется граф. Довольно он знает квартиру его жаны. Нашол он номер гостинницы, ударил в звонок. Выходит служанка: «Што вам угодно?» — «Пошлите хозяйку суда!» — «Сию минутку!» Выходит его жана. — «Здраствуйте молодая мадам! Вот я передать вам письмо от вашего мужа!» — «Очень благодарю за дорогой привет моего мужа». — «Да вот ишшо што, нельзя ли у вас поквартеровать, как мы довольно знакомы с ём?» — «С полным удовольствием!» Тогда приносят, затаскивают багаж.

Когда они заходят в квартиру, достает он дорогого своего угощения. — «Извините, пожалуйста, может, его вам не пондравится?» — «Почему не так... А, может быть, вы желаете и моего угощения, желаю я вас угостить». — «Не стоит вас беспокоить, как ваше женское дело»... Время десять часов. «Скажите, пожалуйста, как жо вы, молодой человек, и можете вы прожить без мужа столько времени?» — «Куда же девашься, все таки надо работать. Если мы будем друг на друга смотреть, то мы будем и голодом». Говорит граф жепьшине: «Дак вот, предложил бы

я вам свои предложения, пондравится вам или нет?» — «Говорите, што угодно; я ведь не девушка». — «Не во гнев вашей милости предложить вам пару слов. Желал бы я с вами познакомиться нащёт всё житейского положенія; желал бы я вас спросить верногò слова относительно любви: могу ли я вам пондравиться, полюбить меня?» — «Ну дак што жо, можно!»

Рассмехнулся граф, думат своим умом: «Эх, болваны вы, зачем вы поехали, не исполнили вы своего удовольствия?!. Но уж я-то не вы, конечное дело! Я обойдусь с такой женьшиной. Вот и думай хозяин о своей рубашке, вот теперь уж и черно пятно!» — «Ну дак што же время тянуть, пора отдохнуть» (это он говорит). — «Ну дак што жо, раздевайтесь, пожалуйте!» Раздевается граф, а сам посматриват. Начинает она сымать головной убор. Снимат верхнее платье, а граф разделся, остался в кальсонах и рубахе. Вдруг получился звонок. — «А это што такое?» — «А это государыня идёт». — «Ах, как она мне довольно знакома, куда же я деваюсь?» — «Идите в спальну и ложитесь на кровать; она туда не пойдёт».

Заходит граф в спальну и тихо ходит босыми ногами по комнате, раскручивает свои усы и думает сам собою: «Ну, уж я не оне, я по крайней мере... Вот уж и выйграл полторы тысячи». Походил несколько по комнате, и упал смаху на кровать. Давнула она ногой пружинку, одёрнулась кровать под стену, чибурахнул граф под пол. Там кричат ему товариши: «Тише, невежа, прялки поломашь! То здесь без работы

с голоду пропадёшь!» Узнал граф своих товарищей. «Дак вы здесь?» — «А ты зачем попал сюда? Дак вот не прядал от роду, теперь попрядешь!»

Поутру встает женьшина, берет третью прялку, кудельку и веретёшко, подает ему. «Дак вот хорошо если будешь работать, хорошо буду и кормить». Взялся граф за работу. Веретёшко не крутится, шерсть клочками вылазит. Первой товариш и говорит: «Эх, плоха твоя работа! Вот я угадаю твою и порцию сейчас». — «А какая моя будет порция?» — «Наверно, будет фунт черного хлеба и полбутылки воды».

Первому спускает она порцию за его усердную работу: белого хлеба, полбутылки водки, полфунта колбасы и кусок ветчины и миску супа и стакан молока. Второму — фунт белого хлеба, сотку водки, а графу дает фунт черного хлеба и полбутылки воды. Граф и говорит: «Уделите, пожалусто, от своей порции мне!» — «Ах нет, друг, здесь приятства нет; как работаешь так и поешь!»

Ну, теперь идет она к попу. «Здрастуй, батюшка!» — «Здрастуйте, здрастуйте!» — «Ну вот што, батюшка, стыд сказать, грех утаить. Ну вот што, как я молодая женьшина, как у меня большое полиокровие, не могу я терпеть без мужа. С кем-то нибудь поиметь удовольствие. Есть или нет грех, вот я пришла спросить вас?» — «Ох, свет, грех! Вот если со мной согласишься, то я замолю. Знаете, я часто служу молебны, причешшаюсь и тебя заведу в поминовение, во здравие, тебя бог простит, как ты пришла с покаянием ко мне». — «Ну дак вот

што, батюшко, придите в восемь часов, не ране и не после; я в ето время буду одна и свободна». — «Хорошо, подойду, исполню ваше приказание».

Оградил поп крестом женьшину, женьшина пошла. Вместо квартиры да пошла к архирею. «Здрастуйте, просвешщенный владыка. Вот я пришла к вашему благословению. Пришла вас спросить, как я, молодой человек, полнокровие, проживаю без мужа целых два месяца и вот боюсь я, не ударил бы меня паралич. Поимела бы я любовь с кем-то нибудь, мне бы было много лутчше легче. Дак вот пришла я вас спросить, есть грех или нет? Была я у батюшки, дак батюшка послал к вам». — «Ну, конечно дело, што батюшка не может. Ну вот што, если вы поимеете со мной тогда бог простит. По крайней мере, я служу каждой день обедни, каждой день причашшаюсь. За меня служат много попов. И вот если б со мной согласишься я тебя в поминание, за ето бог простит. В концы концов пройдет несколько время, дойдет твоя горячая молитва до бога, дак ишшо можот ты будешь и святая». — «Благодарю вас, просвешщенной владыка, за ваше наставление! До свидания!» Ограждает архирей женьшину крестом и спросил: «А в которое время приехать?» — «Придите в девять часов».

Вместо квартиры пошла к патриарху. «Здрастуйте, просвешщенной владыка! Пришла я до вашей милости спросить вас, как я, молодой человек, не могу я жить без мужа, как проживаю время три месяца, как у меня большое пол-

нокровие. Боюсь, как бы не получить болезни. Пришла вас спросить: есть грех или нет наот любви, как я есь мужная жана, боюсь я греха. Есть грех или нет, скажите, пожалуйста?» — «Ой грех, великой грех мужной женьшине из-за мужа поиметь любовь! Вот если со мной согласишься, бог простит». — «А для меня все равно, абы был мужчина только, да было бы действие». — «Вот я тебя заведу в поминание, тебя бог простит, как ты пришла с покаянием». — «Да вот, просвешенной владыка, придите в десять часов». Поворачивается женьшина итти, поблагодарила патриарха за хорошее наставление. Оградил он ее крестом. — «Иди свет, с богом, а в десять часов дожидайся!» — «Хорошо!»

Уходит женьшина в свою квартиру. Время восемь часов, ударяется звонок. Служанка выходит: «Батюшко, пожалуйста, приходите!» Проводит его. Приносит он две бутылки водки и закуски. Поздоровался с женьшиной. «Ну дак вот што, дорогая, мне ведь долго-то некогда. Я ведь сказал матушке, што я иду сейчас с требой». Она подготовила угощение. Сели закусить да и выпить. Смотрит она на часы, што время немного уж. — «Ну дак раздевайтесь, батюшко, поскорее». Снимает батюшко свой крест и кафтан, весит на стенке. Остаётся лишь в рубахе и кальсонах. Только успел раздеться, получилса звонок. «Это што такое?» — «Да государыня идёт!» — «А я куда?» Женьчина, вроде как оробела, посовалась туда суда: «Ах, батюшко, лезьте скорё в чемодан!» Попу разговаривать долго некогда, залазит в чемодан. Задер-

нула она его цепочкой, замкнула замком. «Лежи, свет, спасён, можот, будешь!»

А в ето время заходит архирей, вместо государыни. «Извините, пожалусто, не рано ли пришол?» — «А каки часы ваши верны! Смотрите-ка: минута в минуту!» — «А я их заводил по Благовешшенской каланче». — «И я тоже. Дак вот время-то одно и то же». Приносит закуски и водочки. Выпили и закусили. Несколько время поговорили. Говорит архирей женьшине: «Дак уж кажется время поздно»...

Женьшина подтягивает к своему времю. Время подходит. «Батюшко, раздевайтесь!» Архирей раздеется. Снимает с себя весь убор свой, весит его на стенку. Только успел раздеться, там получил звонок. «Это што такое?» — «Это государыня идёт». — «Ах, куда жо я?» Посмотрела она в тот, другой угол. «Право, я не знаю куда... Да вот лезьте в чемодан; она посмотрит: чемодан, чемодан... да и уйдёт». Залазит архирей в чемодан, задёргивает она его цепочкой, замыкат замком. «Сиди тут прозвешшенной владыко! Авось может быть и в святые попадешь! Вот и будут святые чемоданные мощи!!»

В ето время уже в десять часов идёт патриарх. Приносит закуски и заграничной водочки. «Ну вот што, моя дорогая, можот вы не кушали такой водочки, дак вот я вас и угошшу. Вот я от архирея получил доходности — подати церквей. Хрестьянска шея толста́. Пойдут с божьей матерью, много наберут денег, хлеба и холста. Дак вот тебе за твой дорогой привет сто рублей». — «Ох, много, просвешшенный владыко, напрасно вы беспокоитесь». — «Ну, што жалеть

хресьян; у их ведь всего много. Собирается копеечками, пяточками, а у меня составляются сотни. На следующий раз приду, дак я сотни две принесу». — «Я, просвешенной владыка, хотела сотворить раз»... — «А если ты согрешил раз, то можно и десять раз».

Прошло у них несколько времени. Время полных десять часов. Получился звонок. «Это што такое?» — «Ах, да ето с опозданием государыня. Никогда я не ожидала в ето время». — «Што вы советница государыни? — говорит патриарх — куда жо я деваюсь теперь?» — «Дак лезьте в чемодан!» Полез патриарх в чемодан. Задёрнула она его цепочкой, замкнула замком, положила в угол. «Лежите, три святых!» Ето есть у нас осённый праздник «три святителя», дак они в углу, в чемодане.

Утром встаёт, посылает прислугу по извошника. Приезжат извошник. «Вот, пожалусто, положьте, увезите мои чемоданы!» Заходит извошник, берет чемодан, со второго этажа, только постукивает. Спросил извошник: «А што, хозяйка, в етих чемоданах ничего не ломается?» — «Нет, тут такого, особенного ничего нету; хотя и смаху брósите, не разобьётся ничего. Вы за ето не отвечаете». Стаскивает все три чемодана. Попросил прислугу: «Пособите положить, пожалусто!»

Положили чемоданы, садится на чемоданы и едет на пристань к мужу. Когда подъезжат к мужу, здороватся с мужем, долует мужа с большим извинением. «Ах как я об вас соскучилась! Ожидала я вас к себе и вы што-то ко мне не приехали». — «Знаете што, как у меня

большая торговля, мне выехать некогда было. Как я понадеялся на твою рубашку, што нет на рубашке черного пятна». — «Ну вот што, вы когда поехали, дак вот вы оставили товары. Я спомнила и привезла вам товары». Достает из кармана ключ, подаёт прикашшику: «Вот отомкните этот чемодан, достаньте товару!»

Открыл прикашшик чемодан и уж ахнул с я: чуть со страха не упал. — «Ах, батюшки! Это што такое!» Выскакивает поп из чемодана и ходу как поскорё. Она кричит: «Ай, батюшки! Это што такое? Я везла дорогой товар, а его образовался чорт!» Достает второй ключ. С нетерпением говорит: «Откройте, пожалусто, поскорее етот чемодан!» Когда открыли чемодан, получилось чудовишше: выскакивает архирей и ходу! «Ну ка откройте и третий чемодан. Што такое, то был товар, а тут черти? Откройте-ко!» Когда открыли третий чемодан, выскочил патриарх и опеть бежать. Она и кричит: «Караул, батюшки! Это што такое? Это прямо разоренье; везла я товары, а его оказалось черти! Ну вот што, муж, вы прикройте торговлю на несколько время. Поедете в мою квартиру. Да, вот што ишшо, я ведь совсем растерялась, забыла спросить и про вашу рубашку. Как есть черно пятно на рубашке или нет?» — «Никак нет черного пятна, хотя и припачкалось, но вровне вся рубашка!»

Приезжают они на квартиру. «Ну вот што, вы писали первый пакет?» — «Да, давал я адрес твоей квартиры». — «А сколько адресов давали: один или два?» — «Нет, даже три». Посмотрел он письма: «Да его справедливо». Говорит она

прислуге: «Принесите большую лестницу». Когда приносят большую лестницу, спускают ее под пол и вызывает их оттуда, трех студентов. Она и говорит ему: «Вот у меня есть три зверька, но хотя не так ценны, но пышны!» Когда они выходят — «Ну как ваше дело?» — Ваша жана хитрее лисицы!»

Тогда он поверил жане, што есть жана справедлива. Сумела трех поймать студентов и весь священнический прихбд: как попа, архирея и патриарха.

ПРИМЕЧАНИЯ

Тексты С. И. Скобелина записаны в 1926 году В. Д. Кудрявцевым, и опубликованы в сборнике «Сказки из разных мест Сибири», под ред. М. К. Азодовского. Ирк. 1928. (№ 3).

Любовь жены — соединение сюжетов «спор о верности жены» (А н д. 882 А) и «завлечение женщиной в ловушку домогающихся ее любви» (А н д. 1730. II, частично 882 В). Первый сюжет обычно развивается в двух направлениях: первая версия — муж, проигравший пари (вследствие представления обманно добытых знаков мнимой измены), присуждается к смерти или тюремному заключению: жена, переодетая в мужское платье, выручает его и изобличает обманщика. В такой редакции этот сюжет передан Н. О. Винокуровой (А з. I, 19) и белозерской сказочницей П. Медведевой (С о к. 17). В таком типе он известен и по его отражению в мировой художественной литературе: у Шекспира («Цимбелин») и Боккачио (9-я новелла 2-го дня).

Тексты Винокуровой и Медведевой приведены в приложении. Характерной чертой обоих сказок является эпизод с отрубленным пальцем, являющийся самым архаическим моментом в истории сюжета. В недавно вышедшем сборнике Альберта Вессельского (Die Märchen des Mittelalters) опубликован небольшой рассказ, извлеченный из рукописи XIII века, под заглавием «завязанный палец»: «Некий граф, уехав надолго, поручил свою жену заботам местного фохта. Последний однако начал домогаться любви графини и получив отказ, начал притеснять ее. Графиня, опасаясь, чтобы люди не подумали, что он все это испытывает за какую-то действительную вину, заявляет фохту о согласии удовлетворить его желание. Но ночью она заме-

няет себя служанкой, у которой фохт, «после того как насытил свою страсть», отрубает палец.

Графиня отсылает служанку, сама же завязывает себе руку. При возвращении графа домой, фохт обвиняет графиню в дурном поведении, уверяя, что одним из ее слуг у ней даже палец отрублен. В присутствии многочисленного собрания графиня показывает свою невредимую руку, чем изобличает клеветника. Слова же графини, «кто завяжет свой палец здоровым, здоровым же его и развяжет» стали своей местной поговоркой.

Вторая версия этого сюжета имеет такую схему: Муж отдает, как проигрыш, все свое имущество, прогоняет из дому жену (или пытается убить ее), сам поступает на военную службу. Жена переодевается в мужское платье, также поступает на военную службу, достигает высоких чинов, начальствует над мужем. Позже происходит изобличение клеветника и узнание. Таковы вар.: Сад. 18 (текст А. Новопольцева), Сок. 121 (текст А. Ганина), Си б. 13 (текст также выдающегося сказителя, Ф. Зыгова): эти три текста перепечатаны в приложениях. Кроме того: запись М. Б. Едемского (из Вологодской губ.) — «Жив. Ст.». 1912, II—IV, стр. 238—241; С. м. 338. По большей части, вторая версия прошла через солдатскую среду и хранит в передаче многие черты казарменной среды, изобилуя циническими подробностями. Пример — текст А. Ганина.

Что же касается такого сочетания сюжетов, какое дано Скобелиным, то оно встречается в русской традиции только в тексте известной бабушки Кривополеновой («Кр. Нива», 1926, № 29) — перепечатано в приложениях, сходный вар. — в Красноярском сборнике (см. ниже).

Обычно второй сюжет («Завлечение в ловушку») передается, как самостоятельный, без соединения с сюжетом «спора о верности». Ближе всего к тексту Скобелина и Кривополеновой древне-русская повесть о Карпе Сутулове: «Повесть о некотором госте богатом и о славном о Карпе Сутулове и о премудрой жене его, како не оскверни ложа мужа своего». Напечатано в исследовании Ю. М. Солова «Повесть о Карпе Сутулове». М. 1914, где приведен ряд параллелей как русских, так и иностранных: западно-европейских и восточных.

Содержание этой повести таково: «Бе некто гость вельми богат и славен зело, именем Карп Сутулов, имей

жену у себя, именем Татьяну, прекрасну зело. И живяше он с нею великою любовью». Отправившись «на куплю» в Литовскую землю, он поручает ей, в случае нужды в деньгах, обратиться к его другу, купцу Афанасию Бердову. Но, когда Татьяна действительно обратилась к нему, он стал делать ей неприличные предложения. («Он же на ню зря очима своим и на красоту лица ея велми прилежно и разжигася к ней плотию своею и глаголаша к ней: аз дам тебе на брашна сто рублей, только ляг со мною на ночь»). Она идет за советом к священнику, потом к архиепископу, и от всех получает аналогичные предложения, с увеличением каждый раз обещанной суммы денег. Тогда она каждому назначает разные часы свидания, каждого заставляет по приходе раздеться (при чем архиерей переодевается у ней в женскую сорочку), и затем, пугая внезапным приездом мужа, заставляет прятаться в сундуки. Эти сундуки она везет на следующее утро на двор к воеводе. Воевода берет с купца пятьсот рублей, со священника — тысячу и с архиепископа полторы тысячи, разделив эти деньги пополам с женой Сутулова. Вскоре приезжает муж, которому она все и рассказывает; он же велии возрадовался о такой премудрости жены своей како она такую премудрость сотворила».

Повесть о Карпе Сутулове имеет многочисленных родственников в мировой литературе. Ближе всего к ней — тексты индийские и персидские, а также французское фавль *Constant du Hamel* (о последнем — исследование ак. С. Ф. Ольденбурга — в «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1907, V); по мнению Ю. М. Соколова, русская повесть не оригинальна; источник ее — в восточных сказаниях; на русской же почве она получила реалистически-бытовую окраску.

К редакции Скобелина и Красножениной близка также сибирская (енисейская же) запись А. А. Макаренко («Красн. Сб.» I, 29 «Красавица-солдатка и ее гардероб») — вариант, неискусно рассказанный, но интересный своим бытовым приурочением: «солдатка получает письмо от мужа. Письмо было заказное поэтому ей пришлось самой идти на почту. Помощник почтмейстера не отдаст письма, если она не проведет с ним ночь. Она идет жаловаться к почтмейстеру, потом к губернатору, наконец, к архиерею. Далее действие раз-

вертывается в обычном порядке. Она запирает всех в гардероб, который продает князю. Князь велел всех прогнать со службы, солдатку наградить, а мужа освободить от военной службы».

Оригинальная версия — в «Перм. Сб.» Д. К. Зеленина: № 65. «Восковые статуи». Архиепиеей заказал мастеру двенадцать восковых статуй — священника, дьякона, псаломщика и певчих. Оставил пятьсот рублей в задаток, но мастеру не хватило денег, и он сделал только девять статуй. Жена мастера вызывает его помочь. Она пригласает к себе приставших к ней священника, дьякона и псаломщика. Каждого гостя у ней застает муж, а она, пряча их, каждого заставляет раздеться и встать среди статуй. Затем приходит архиепиеей принимать заказ и т. д.

Более часто этот сюжет включает в себя другие. В ряде редакций он соединяется с мотивом «много чорта» (срв. в наст. сб. № 32 «Поп скука» и прим.): Сок. 56 «Иван-да-Марья» и ряд текстов из сборника «Русские заветные сказки»: № XIV и варианты; еще более часто сочетание с мотивом «выманивания денег» — термин Ю. М. Соколова; вернее было бы назвать: мотив «отместки мужа»: муж на глазах у завлеченных жертв продельвает с их женами то, что они хотели сделать с его женой, и вдобавок получает с их жен деньги Онч 101 («Плотник и его жена»), 256 («Иван Иванович»), а также «Русск. зав. сказки» № LXVI и варианты. Наконец, встречается соединение с сюжетом «похороны четырех попов» (см. наст. сб. № 20): Онч. 82 «Поповна и монахи».

Таким образом, в ряду аналогичных и близких текстов, скобелинская сказка ближе всего к литературному источнику, как он дан в «Повести о Сутулове».

**СКАЗКИ А. Г. КОШКАРОВА
(АНТОНА ЧИРОШНИКА)**

А. Г. КОШКАРОВ (АНТОН ЧИРОШНИК)

КОШКАРОВ Антон Григорьевич в просторечьи окружающих: Антон Чирошник — крестьянин с. Кимильтей, Тулуновского окр. (около 300 км. от Иркутска), принадлежит к плеяде замечательных сибирских сказителей, которые были обнаружены только самими недавними изучениями. Собиратель (Н. М. Хандзинский) в таких словах

передает общее впечатление от его внешнего облика: «Он производил странное впечатление человека, у которого естественно развитое туловище установлено на коротких, неустойчивых ногах. Он переступал, раскачиваясь и держась рукой в бок пояса. Он казался совершенно неприспособленным для ходьбы, а только для сидячей жизни. Весь он был землистого цвета: шапка лоснилась, словно была сделана из старого голенища, а не из вязанки. На нем был фартук такой же залосненный и кожистый, перезаплатанные штаны, и все же с дырой, через которую с болезненной жалостью белело голое бедро в этот холодный ноябрьский вечер».

Тогда же он сообщил собирателю и свою автобиографию. Он — уроженец-сибиряк, рано осиротел и принужден был «итти в люди». Как-то зимой в ужасный холод поехали они с хозяином по сено, а на ногах у него только «ичеги да портянки». Хозяйка пожалела ему дать валенки, — когда же приехали домой, ноги уже не раз-

гибались. Чтобы снять ичиги, пришлось их разрезать. Так он «сгубил» свои ноги. Позже служил на мельнице засыпкой.

Жена мельника была страстная любительница читать и приохотила к чтению Антона, который успел к тому времени, уже будучи взрослым парнем, выучиться чтению. На мельнице у хозяйки он прочел Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Гоголя. Почему-то он был уверен, что многие из этих книг были запретными, в их числе был, как уверял он, и какой-то роман Гоголя «Дом терпимости» (см. № 34). «Раньше были писатели, — говорил он, — вот Пушкин там, Лермонтов, Некрасов тоже, — но они не так, как Гоголь, тот лучше всех писал, и здорово это он все начистоту описывал».

Страсть к чтению сохранилась у него и до сих пор. Он «интересуется современными книжками, приключенческими повестями и романами и, вообще, всеми культурными достижениями». У него большое желание перебраться в город, «деревни он не любит, и по своему мироощущению как-то не подходит к окружающим»...

Сказок знает очень много, но «не очень долюбивает их». «Сказку — мне уж ее муторно и говорить-то». Окончив огромную, волшебную сказку про трех богатырей: Бечерника, Полуношница и Световика (Афанасьевское «Три царства», Анд. 301), он добавил после традиционной присказки: «это ерунда ребячья!» Во время рассказывания той же сказки, он сделал паузу, закурил трубку и заявил: «Ну, надо ее довать — я не люблю эту ерунду пороть». Такое отношение сказалось в некоторых случаях и на характере его изложения: одну из своих волшебных сказок он начал вместо обычного начала следующим ироническим зачином: «это было в старое время, конечно... когда-то сыр-бор горел. Жили-были два брата». Более всего он «любит исторические повести, рсманы и, кажется, больше всех, рыцарскую повесть «об английском милорде Георге».

«От сторизмов я не отошел», — заявил он собирателю. И, действительно, в его репертуаре преобладают «сторизмы». Кроме исторического романа «Дом терпимости», он рассказывал, «про дочь Меньшикова и Петра Первого», «про Зубова и Екатерину», про «Баркова и фрейлину», «про Екатерину», «про Лермонтова», «про хохла и царскую дочь» и т. д. Вместе с тем он сообщил и из-

А. Г. Кошкарлов (Антон Широшник)

любленную им рыцарскую повесть о Георге и ряд фантастических сказок. Опубликованы из них только пока три, при чем текст мастерски рассказанной им сказки о Световике является одним из самых длинных, — если только не длиннейшим — во всем русском сказочном репертуаре. Очень длинны и многие из остальных, записанных, но еще не напечатанных его сказок напр. «Иван царевич и серый волк».

Книга, которая играет такую заметную роль в его жизни, отразилась и на стиле его сказок. Его сказки являются как бы стыком двух стихий: традиционной и книжной, в результате чего образовался оригинальный и своеобразный стиль. «Однажды царь сделал вечер, собрал думщиков, сенаторщиков. Кто во што горазд. Потребовал рассказчика, такого же хромого Антона. Заходит он на бал, поклонился всей публике. «Могу, говорит, из старины рассказ рассказать». — «Очень хорошо, — говорит царь Еруслан: «мне и музыки не надо». — Об одном человеке бездомном, много перестрадавшем, а потом блага выслужившем». Начал он свой рассказ. Только успел рассказчик рассказать, выходит старик. Король взглянул на старика, и тот умильно посмотрел на него. «Император, я прожил свои года»... и т. д. (начало сказки о Световике).

Литературная образованность сказочника и тяга его к культуре нашла свое отражение и в сюжетах его сказок. Световик требует себе меч. «Сто пятьдесят пудов мне меч — вот я буду Георг с этим мечом». Выучившийся крестьянский сын (в сказке Марья-царевна) беседует с родителями «советовать им, как от дикарства отделать себя». Его герои обычно получают хорошее образование. Световика и его братьев король отдает в училище. «Грамотные можете все сообразить и больше будете иметь в голове», — говорит он им. «Три, четыре года прошло, могли на всех языках какой разговор понимать: видать хорошего образования». После этого, когда они стали уже молодцами «образованными», «приятными», их обучают уже шпажным приемам и «всему представительно». Таким образом, то, что раньше представлялось чудесным свойством богатыря, в изображении Чиросника явилось естественным результатом совершенно реальных процессов воспитания и учения, вне какой бы то ни было фантастической мотивировки.

Точно также и в сказке «о Марье-царевне», герой учится сначала в уездной школе, потом в губернской, потом в университете. «Стало ему пятнадцать лет, начал он проходить грамматическая, все эти дела делать — приехал на побывку к отцу из губернского из этого, из университета што ли. Прямо это господин. Отец говорит: «довольно, сынок, учиться. Поживи с нами дома!» — «Нет, отец, я не буду страшиться учения, ученый везде нужен и везде я буду принят и могу выкрутиться!» Почти целиком эта картина повторяется и в сказке «Дом терпимости», где герой, бывший крестьянский мальчик, также учится в школе, потом в университете, и в сказке про дочь Меньшикова и Петра Первого, где сыну Меньшиковой до того хорошо пошла грамота, что он «лучше учителя все изучил. Тот глядел-глядел: «слушай, — говорит, — я тебе не могу больше учить. Если хочешь, иди в нивирситет, вышшую науку изучать»».

Эта культурная стихия преобразовала и его фантастику. Подводный царь, представитель нечистой силы (в сюжете об обещанном сыне) появляется у него в виде ученого, который «узнал черную магию» и «как чорт жид в воде, устроил себе дворец там». И это — не случайный штрих, но в таком плане этот образ выдержан у него и в дальнейшем: «обучился он всякой чертовщине и жил в озере и то творил, что люди не творят, и был беспощадный злодей». Еще более широко и полно отразились черты культурного быта и современности в бытовой обстановке его сказок. Примеры — в большом количестве дают напечатанные здесь тексты.

Манера описания Широшника — строго реалистическая. По обилию различных бытовых аксессуаров и деталей, по тому вниманию, какое он уделяет внешней обстановке, А. Широшник является совершенно непревзойденным мастером, превосходя порой даже такую замечательную сказочницу-реалистку, как Винокурова. Срв., напр., в напечатанных здесь текстах описание жизни в монастыре, приход Воронцовой в лавку, описание монахов и их встречи с великим князем и т. д. Выше же было отмечено его изумительное портретное мастерство; таким же выдающимся мастером он является и в описании человеческих движений. Такова, например, замечательная сцена (единственная в русской сказочной тра-

диции!) любовного свидания молодого купца Овсянникова с женой великого князя.

Замечательна по своему художественно психологическому такту сцена выпрашивания купцом Овсянниковым мальчика (в той же сказке): отец начинает уж сдаваться, обращается к жене, — та же «ничего не ответила, только мальчишку в колени зажала — да в окно отвернулась». После этого категорически отказывает и отец.

Очень много места в его рассказе занимают разного рода личные отступления и вставки. В них он обращается то к себе самому (потребовал рассказчик такого же хромого Антона), то к окружающим (он спать был не легче, как Прокопий), то — чаще всего — выражает свои общественные тенденции и симпатии: «раньше, ведь, разбойники-то буржуйчиков шнупали»; «вот — как денежки тратили, пузаны такие, княжеские сынки — а с крестьян отдай»; «вишь как построили себя покрывать (по адресу царя и сенаторов), да не вышло»... Особенно четки по своей общественной окраске его «сторизмы»: «Дом терпимости» и «Про дочь Меньшикова» с их презрительным и насмешливым отношением к высокой аристократии и духовенству. Великолепно зарисованы образы монахов-«стрелков». Традиционное в сказках воспитание в монастыре, обычно передаваемое в почтительно-благочестивых тонах (напр., сказка о Марке богатом), передается им совершенно в другом плане и других тонах: «ну, ладно, живет в монастыре. Похаживает, посматривает, а монашки закидывают глазки, молитву стали забывать». В той же сказке у него весьма недвусмысленно подчеркнуто ироническое отношение к тайне исповеди.

Многие из своих заветных мыслей он вкладывает в уста своих персонажей. Мысли крестьянского сына об ученье («Марья-Царевна») это — его собственные мысли и его советы, как «отстать от дикости» — постоянные темы его бесед с крестьянами; так же, как и он, его герои тяготеют к деревне и стремятся к городу и культурной жизни. Мальчик, попав в Москву, говорит: «Я домой не поеду, — што мне там пропадать в деревне» (пример приведен в статье Н. М. Хандзинского).

Сказки Антона Чирешника — редкий пример единого целостного мирозерцания, пронизывающего и охватывающего весь мир его сказки в целом. Его сентенции и

личные замечания не стоят изолированно от мира его образов, но, наоборот, дополняют и заостряют их значение. Выведенные в его сказках цари и монахи, князья и сенаторы, их жены и дочери, все они изображены под определенным углом зрения и знаменуют собою новый этап в развитии сказки, отражая крутые сдвиги в крестьянском быту и миросозерцании и являясь четким памятником растущей социальной дифференциации крестьянства. И хотя сказки Антона Чиршника, несомненно, буржуазно-купеческой формации, но они выражают уже настроение тех кругов крестьянства, которые уже вышли из-под гнетущей «власти земли», и которые уже постепенно освобождаются от тяжелого груза традиционного миросозерцания. Антон повернут лицом к городу, к культуре и новым формам жизни, которые она несет. Это и является доминантой, организующей его репертуар, художественный метод и стиль.

34. ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН «ДОМ ТЕРПИМОСТИ» СОЧИНЕНИЕ ГОГОЛЯ

НИКОЛАИ Павлыч тогда царствовал. Константин так был человек для бедных, а Николай Павлыч был строже, царствовал на троне—император! Это было событие в Сибирской губернии; вот забыл се-ленье-то, не могу объяснить.

Жил крестьянин-бедняк. Была у его одна лошадь, коровушка, овечек две; был он солдат; хлеба маленько сеял. И был у него мальчик, фамилия Голубев. Вот также приходилось ему отлучаться из дому; поедет в город зачем: «Смотри», говорит сыну: «если будешь драться на улице, забью в доски, сукиного сына!»

Вот один раз уехал отец по делам, мальчик отправляется на улицу; одетый бедно, в одной холщёвой рубашке, а други богаты—в хорошей платье: рубашки шелковы, штаны там, сапоги, то-сё.

И вот мальчишка своей умственностью предлагал игру; другой богатый ударил его в грудь: «Знаешь ты много, оборванец! Мы без тебя знаем, как играть!» Мальчик отошел в сторонку и заплакал.

Проезжал тут, через это село, купец Овсяников; именитый он был купец, много у него было богатства, только одного не хватало — не было детей. Увидал он бедного мальчика, и так он ему пондравился, што захотел его купец усыновить. Задержал он пару коней, а сам глаз не оторвет с мальчишки. А мальчик стоит, утирает слезы.

Поднялся он, подгаркивает (подзывает, значит): «иди-ка сюда, здравствуй, мальчик, как фамилия твоя?» — «Голубев», отвечает мальчик: «а отец—Павел Ивапыч». — «А тебя как зовут?» — «Миколаем». — «А как живёте, што есть у твоего отца?» — «Лошадь одна есть», отвечает мальчик. «А еще што?» — «Коровушка есть». — «А еще што?» — «Две овечки есть; солдат у нас отец — живем плохо». — «Ах ты бедный, бедный, Коля, тебя обидели! Ну бох с им!» А сам в книжечку записку записал: как имя, фамилия. Именитый был, гремел в славе этот купец!

Отворят это он саквояж и дает мальчику горсть золота: «На вот тебе, Колинька, от меня подарок». Положил в карман книжку записную и поехал. Побежал мальчишка домой со всех ног. «Вот», говорит: «дяденька Овсяников, купец, денег дал!» А у отца карахтер был диковатый, жосткий. «Ты вытащил, может-быть, где, сейчас рассказывай! где взял?» — «Да нет! Дяденька вот на улице дал мне!» — «Не

может быть», говорит: «штоб тебе, шморкачу, столько денег дали. Отнеси», говорит: «сейчас же!» — «Да он уехал», говорит Коля: «записал што-то в книжечку и сказал, што вернется, заедет». — «Ну забью в доску, сукиного сына, ежли ты врешь!» Пересчитал деньги, отдал жене: «Храни, он обещал заехать!»

Мальчишка переплакал. Прошло время. Вдруг подьежжает карета, и купец зашел в избу и спросил: «Здесь живет Голубев?» — «Здесь Голубев!» — «Здравствуй, Павел Иванович!» Отец засуетился, поддернул табуреточку. «Смотри-ка, как твоего мальчика богатые ребята толкнули». Он так и упал навзничь, обругали его всяко оборванцем. Я даже остановил коней, так мне жалко его стало. Подозвал, расспросил, уговорил его, и так я залюбил этого мальчика, краше солнца он мне, милей свету. Отдайте мне его в дети». — «Да как я его отдам, один он у меня, мое наслажденье». — «Ну же, што ты ему сделаешь тут в деревне? Мальчика надо определить в ученье». — «Может быть, оправлюсь, посею хлеб». — «Вот десять тысяч», говорит купец: «и все тебе продовольствие по гроб жизни произведу, приезжай и живи с своей хозяйкой, только отдай мне мальчика!» Никак не соглашались отец.

Уж он бился, бился хотел уходить. «Да вот он у меня, сукин сын, девьги с улицы притащил, схватился мужик: «уж не у вас ли украл?» А хозяйка его уж подает золото. — Тот рассмеялся и говорит: «Возьми, возьми, это я мальчику дал! Вам пригодится». — Овсянников распрощался и отправился в Москву.

Немного времени прошло, не утерпелось ему, приехал. «Ну сё-таки я опять до вас, уж больно поглянулся мне ваш мальчик, не могу я без его жить; а вы сами порассудите; — я сё-таки образование ему приделю, отдам в училище, в люди его произведу, к делу поставлю; а умру, наследником сделаю, не пойдет прахом мое нажитое». — «Ну што, жена», спрашивает отец: «оно правда, што мы ему здесь, какое образование дать можем». — Ничего мать не ответила, только мальчишку в колени зажала, да в окно отвернулась. «Нет уж не надо нам ни злата ни серебра, только свое дитё дороже всего!» — «Ну как знаете», говорит купец: «только вот говорю я вам, вы это первое счастье не упускайте». А у купца богатство было несметное: двадцать пять магазинов только в Москве, да по другим городам. Именитый купец был, буржуй порядошный.

Встал он, уходить собрался, да и говорит опять: «Ну, вот што: не отдаете его мне, и не надо, а я, хоть, вот свожу его к себе, покажу его жене». — «Ну што ж, ежли вы его не утратите, то пожалуста, свозите; только» говорит: «Кабы на вас разбойники дорогой не напали» (раньше ведь разбойники буржуйчиков шупали). — «Ну я не поеду ночью», говорит.

Повез он его. Приезжают это оне в Москву, повел он его в свой пассаж, и до чего прекрасно там все убрано и како богатство, рассказать нельзя! Злата, серебра, зеркала, хрусталь, сласти везде, всякие, што такое! Походили они везде, посмотрели, наугощал его купец всяким кушаньям и потом спрашивает: «Ну што, домой

поедешь?» — «Нет», говорит Коля: «я домой не поеду. Што мне там пропадать в деревне. Пошлите, говорит, письмо отцу, што я не поеду домой, а пусть они сами суда перебираются».

Обрадовался купец. Живо был тут на оценке дом, написал он его на Голубева; наполнил его всякими товарами, поставил прикащиков, поваров и послали отцу в деревню: «Приежжай, будешь жить без нужды, здесь всего довольно, што там сидеть в деревне!»

Прекрасно. Послали. Получил отец известие, видит, што сын не думат назад ехать: значит, нравится ему там. Стал собираться с бабой. Был у его в деревне брат; он наделил его земель, передал ему все свое деревенское хозяйство и говорит: «Я уезжаю в Москву жить; Коля у меня уж там». Распрощался, сел на почтовых, — и — их, прощай деревня! Только пыль столбом!

Приежжают они в Москву. Там на вокзале спрашивают их: «Кто вы такие?» (человек был им послан). «Мы таки-то таки приехали, вот сын у нас, мальчик, тут живет у купца Овсянникова». — «Вот прекрасно», говорят: «я вас встречать выслан, пожалте!» Ведет он их к дому двухэтажному, большущий, камепный. Внизу магазины, верьх под квартиры сделан. «Вот», говорит: «это ваш дом!» Прикащики все выстроились, поклонились, доверенный тут: «Вот, говорит: «ваша домашность, мы ваша прислуга. Ваше дело — распорядиться, наше — исполнить хозяйский приказ». — «Ба», удивляется мужичок: «уж и прислуга приставлена». Оробел даже. «А што можно распорядиться», говорит: «я человек темный». — «А што можно распорядиться,

всё будет исполнено по вашему приказу», опять ему доверенный.

Ну зажил он тут, словом, и пошла у него торговля такая, што удивление. Мальчика Колю отдали в учплишше, штобы он развил голову свою. Было ему лет пятнадцать, как он кончил городское училишше; в навирситет на студента пошел учиться: лет семнадцать уж навирситете курсы стал копчать. Тогда купец говорит: «Будет тебе, Коля, учиться, привыкай к делу!» Ну красавец был! верба, просто, молодой человек! Народ валом валит, ну отбою нет от иф магазина, и не знает купец, как нарадоваться на свое счастье. Хотели женить его родные. «Нет», говорит: «молод я ешо!»

А у Константина Павлыча жена была красавица; она охотница была влюбляться в молодых людей, и уж давно заприметила его, да не знает, как встретиться. Вот выбрала она время, когда парень один был в магазине, заходит бытто за покупками, попросила вёшши, да как умильно заглянула в глазки и по англицки стала ему говорить (он был по англицки обучон тоже), и всё подговариватся, кого он любит, и как ндравится ему её красота. А он так спокойно отвечает, што он ишша молод и не знат ничего, а люблю, говорит, всех равно. Она раз, два в магазин, три. Он все так: «Всех—говорит—равно люблю и, хотя—говорит—я не могу, я—молод». Крепко ето её за сердце взяло, потому видит, ничего не может она с им поделать, не поддается, а уж больно хочется ей парнем завладать.

Придумала ето — хлоп к кассиру Государствен-

ного Банка! Выставляют два револьвера: «Вот видишь,» говорит: «эту штуку, сейчас, положу здесь на месте!» — «Што это, ваше высочество?» — «Сознаёшься», говорит: «передо мной, али нет?» — «Сознаюсь», говорит: «ваше высочество!» — «Можешь ты», говорит: «помочь мне в моем деле?» — «Могу помочь», говорит: «ваше высочество!» — «Так вот, сделай мне подкоп, да штоб шол он отсюда прямо в спальню к сыну купца Овсянникова, да штоб ни одна душа об этом не знала; работу вести день и ночь, и штоб в три дни все было готово!» — «Будет исполнено, ваще высочество!»

Как уж там работал — неизвестно, но только на третьи сутки прокоп был сделан; землю убрали в Москву-реку, электричество поставили — хоть прогуляться от скуки и то не грех! — и прямо подвел этот прокоп под Овсянникова под кормлёныша в дом, в спальню. Вот также он приходит в свою спальню, свечку засветил, прилёг и газету взял, читал, читал — уснул. Вдруг кто-то его дёрнул. Он скинул глаза, перед ним стоит та самая женщина-красавица и держит перед им левольвер. «Видишь?» — «Вижу», говорит: «а за што же я — говорит — могу эту смерть напрасную принять?» Орбел сёж-таки парень. «А за то», говорит: «ежли не будешь подчиняться моему приказу, тут», говорит: «и дух из тя вон!» — «Зачем же», говорит: «я ишшо умирать не хочу, скажите, што вам угодно от меня?» — «Ну, так вот што», говорит: «знай, што ты мой, а я твоя!»

Выставила сейчас вина хорошего. — «Выпьём», говорит: «за наше знакомство, да давай сперва

поделуемся!» — «Да я не мачивал губ никогда, и совсем не приучался к етому», говорит. — «Не подавишься, без примочки безо всякой!» — Ну вот стукнули оне заграничного, и разобрало её, кровь то заходила. Ну она раздеётся тут совсем и ложится на его ложе. Ну тут нечего рассказывать, не маленьки. Пошло 'ето у них дело: тень-тень да и каждый день!

Вот два монаха — мало там у их доходов, дак оне начали еше тут стрелять. Докладывают куцу Овсянникову, што пришли монахи, старички-страннички, ночевать просятся. А Овсянников сильно любил рассказы всяких странников слушать. Просит послать старичков. Заявятся они; распросил их Овсянников, как, што, откуда они. Потом велел их накормить, а спать отвести в пустую комнату — рядом с Колиной спальней.

Понапёрлись старички в куфне, отвели им спальню; а дверь стеклянна в Колину комнату, и занавеска не плотно задёрнута. Лежит Коля на постели и читает газеточку. Читал, читал — вдруг, монахи слышат разговор — двое. Смотрют в крайчек: один монах узнал княгиню. Княгиня! Костентин Павлыча жена!

Ну, они там начинают любезничать, цаловаться, миловаться. Выпили вина хорошего и ложатся вместе на одну кровать. Монах етот, который узнал княгиню, говорит своему товарищу: «Это ведь уголовное дело! Ему голову снимут, да и нам попадет на веники! Надо будет ето дело донести!» — «Да што ты», говорит другой монах: «люди молодые. Што нам до их, пушай их себе тешутся. Ни етот, дак другой!» — «Нет, мне жалко Костентин Павлыча, человек

он такой добрый. Я ему это дело представлю». — «А я не советываю в эти дрызги лезть». — «Нет, она замужня жена, зачем она мужа страмит?»

Ну, поговорили монахи, уснули. Когда Коля утомился от наслажденья и тоже заснул крепко, она скрылась под койкой, и он не знал, как она приходит, как уходит: доски так полно пригнаны, што ничего не заметишь: западня на пробках поставлена — ни скрипу ни стуку. Да ему и не до того было: — придет она к сонному, обоймет его и лобзает, губы огнем жгут. Женщина она жирная, здоровая была; грудь эта у ней, задок — так ходуном и ходит. Придет она, дверь на крючке и уйдет — тоже.

На утро монахи проснулись, собрались, и айда по городу на построение храма стрелять. Идут это монахи булеаром, и видют: на встречу идет Костентин Павлыч, из золотой роты два солдата с ним. Костентин Павлыч веселый, разговорчивый. Ну, монах говорит: «Сечас представлю ему всю историю». — «Ну, брось», говорит товарищ: «пойдем в эту улицу. Так он и поверит тебе. Это не шутка. Захватют нас, голубчиков, за такие речи, и света божьего не увидишь!» — «А я хочу», говорит: «доказать фактично. Я добра человеку желаю: за добро худом не платят».

Один монах завернул уличку и пошел себе в другую сторону, а этот прямо идет на встречу. Не дошел эдак сажени две: «Здравствуйте, ваше императорское величество!» — «Здравствуй отец!» (он немножко пригнушивал). Он к нему и тихонько говорит! «Сказать вам надо, тайность есть, отойдите немного от этой службы!»

Костентин Павлыч повернулся к солдатам: «Отойдите прочь! Ну?..» — «Прошлой ночью, ваше величество, у Овсянникова такая случилась фирма». . . — «Говори, што, только не ври, а то голову долой!» — «Вот што: ночью у Овсянникова приёмыша ваша жена была — и видели мы всю эту историю со своим товарищем».

Аж из лица изменился Костентин Павлыч и верит и не верит. «А где вы», говорит: «ночевать будете с своим товарищем?» — «А там же опять там», говорит монах. — «Так как же ты можешь мне доказать ф а к т и ч н о, што моя жена у любовника свою была?» — «А пойдёмте, ваше величество, севодни с нами и все увидите. Только вы замаскируйте — возьмите из маскарада одёжу такую, штобы вы были бытто наш третий товарищ». — «Ну пойдёмте — да не ошибитесь только, а то зарублю вас, старых псов, тут же!» — Живо это солдаты достигают другого монаха. «Идем!» говорят. Струсил тот: «Ну», думат: «сказал старый пес!» Приводят его назать, спрашивает Костентин Павлыч: «Ну как, вы видели чудо какое?» — «Да видели!» «Деваться некуда». «Можете доказать?» — «Да, можем доказать, ваше величество, может быть минуете, ну, ночи две-три, а увидите».

Заходят оне в маскарад, выбрали ему монашенскую пан т и ю, обрядили его монахом, также запечатану коробку повесили, гля сбору бытто. Завернули на кувню, накормили их там, пошли в свою комнату. Пришли там, разместились, поразговаривали, стали укладываться спать на постель. Костентин Павлыч тоже ложится с мо-

нахами спать. А Коля там задёрнул это занавеску, она не задержнулась — молодое дело; лёг, читат газеточку, али там книжку. Читал читал, заснул, и книжка на пол упала, и через некоторое время появляется она, будит его: «Вставай! што спишь?»

Услыхали монахи — к занавесочке. Смотрют: княгиня пришла. Костентина Павлыча подзывают: «Так што, ваше величество, убедитьс можете. Только вы пожалуста будьте спокойны, штобы у их подозрения никакого не вышло». Ну он как взглянул, ну видит: его жена с молодым человеком — грудь эта у ней вся голая, цалует его, он её облапил через пояс. Ну видют монахи, што прямо трясёт его, как лихорадка — опять ему: «Ну, ваше величество, уж будьте покойны, штоб не заметили!» Все смотрел, все видел, пока она ушла, — ну што же при огне ваяяли на виду. Просто его колотило, а монах все ему: «Уж пожалуста, ваше высочество, потерпите!»

Так прошла эта ночь. Он видел, как она до гола разделась, как на койке его каталась, как любились, как потом заснул её любовник, как оделась опять; видел, как она под койку у лезла, только не видел, как пришла. Когда она улезла под койку, он сказал монахам: «Ну, вы оставайтесь, а я уйду». Переоделся живо, выбежал из дому, крикнул извощика. Подъезжат это он к банку, и она из банку. «А, здрасти, вы што тут делате?» — «Да вот положить драгоценности приеждала». Он ей — намекать, што мол не видел тебя ни в банке и ни с фрелинами — да што там, нашла отговорки.

Заскакивает он тогда к касиру: «Позвольте вас спросить моя жена зачем поздним вечером заходит к вам?» Тот — туда-сюда, хотел отвечать. «Она вот в такие часы у вас здесь бывала и опять вот от вас вышла?» — «Да она клала в кассу». — «А-а, в кассу!» — берет жандармов, левольвер к носу: «Открой ходы!» Ну тот туды-суды — деваться некуда; открывают западню (и никак её нельзя заметить, вот как чисто сделано) — открывают — через два квартала проход. Он опустился, прошел до самой спальни; там лесенка.

Тогда он идет в Сенат и заявляет, шtbody, арестовать строгим арестом его сына Овсянникова и посадить в кáрец, в одиночку. Стража эта мигом туда; ну а тот только встает с постели. Заходят: «Вы арестованы!» — Не знаю, как теперь называются, — дѹхи раньше. Он было: «В чем дело, да што?» — «Ну, не разговаривать!» В подштаниках, в рубашке в темную повозку и давай наворачивать.

Ну, тут прислуга вся бежать к Овсянникову, рассказали, што Колю арестовали и увезли — прямо в подштаниках из спальни. Тот заскочил к нему, выскочил, и айда по начальству! Такую горячку запорол: — «Што он мог сделать, не воровал ничо, не разбойничал!»

Тогда Костентин Павлыча жена узнала, што его посадили в тюрьму в какую, идет в маскарад, одевается генералом, берёт себе бумаги такие, што, значит деризор по тюремным делам. В такую то тюрьму едет, в такую то тюрьму, — добираться, где этот Овсянников сидит. Пошла по всем камерам: добиралась, добиралась, доходит до одиночки. «Кто это сидит?» спрашивает

д у х а. «Это Овсянников сын!» — «Вы отойдите», говорит духу. «Вы за што арестованы?» — «Так и так», говорит: «и сам не знаю за што. Утром только встал, еще не одевался, только пошел было оправляться, меня так в одних подштанниках и забрали; сам не могу определить за што». — Тогда этот самый генерал; снимат часы, перстень и говорит: «Тебе эшафот присудили, смёртная казнь будет. Вот тебе часы и перстень, надень на себя, когда поведут тебя казнить». А часы были именные Костентина Павлыча и перстень его же. Передала ему это все, и сама уходит. Уходит, садится в экипаж и уехала. Заежжат по дороге, куда ей надо, маскарад бросила и отправляется домой, как бытто не её дело.

Вдруг представляется дело в ту самую тюрьму: такой-то Овсянников, столько-то лет, осужонный на смертную казнь. На полевым суде должен быть казнен в двадцать четыре часа. Вывели туда на площадь Овсянникова и государь приехал и князья, сенаторы приехали, графы — весь город их знат. Приносят доску, готовили висилицу. Полевой суд читат приговор: осужон за заговор на государя (нельзя же было его по таким делам судить). Ну а часы на ём именные и перстень, и обращатся он тогда к судьям: «Господа судьи, я никуда не ходил, за што я должон смерть принять и зна пр а с л и н а?» Зубйлся он перед смертью.

Тогда закричал ему Костентин Павлыч: «Ты не знаешь, про то начальство знат! Ну читай ему ка фер ма ц и ю!» Тут и священник. Грехи отпущать ему подошел, а он повернулся, к чорту

его послал. Ну, тут два столба кленова да пере-
кладина соснова, скамейка, и яма тут жа вырыта;
сымают с его тюремну одѣжу, и палач надеѣт
ему холстову рубаху, смотрит — часы имеппы,
Костентина Павлыча Романова; взглянул на
праву руку — перстень его же. Он опешил.
«Ск рывай его!» кричит Костентин Павлыч.
«Не могу, ваше высочество, фамилию вашу ск рыва
ть, заслуги ваши! Так што прошу осмотреть,
не могу казнить!»

Выходит тут к ешафоту жена его и говорит
перед всеми: «Ах ты, негодяй, негодяй! не сты-
дно глазам твоим, за свою жану хотел казнить
человека неповинного». Наговорила ему всяких
приятностей, ушла в народ. Костентин Павлыч
от сраму такова провалился бы лучше: пал на
извошика и уехал. Приехал домой, жены нету.
«Уехала», говорят: «тем часом».

Сел на тройку, айда ее догонять. Гнал, гнал —
ее и след простыл. На одном постоялом дворе
узнал — жена там. Кто то ему шепнул. Стал
спрашивать, как бы ему из женского полу раз-
жить ся; приходит к ей эта женщина, — так
и так, говорит. Надела маску, и вот пошла у их
беседа. Дама такая знатная, пышная да белая,
повернула хвостом — доклад сделала. Забыл
Костентин Павлыч и жену свою — на груди на
белой заснул. Утром просыпятся, а ей уж давно
нет, и записку написала, оставила. «Хорошо»,
говорит: «тебе, сукину сыну, со своей жаной
гулять, а других за это на смерть посылать!»
Ну он, как ошеломленный: «Неужели», говорит:
«она, сволочь, могла со мной проспаться?»

Ну дальше л забыл, — не помню што уж там было.

35. ПРО ДОЧЬ МЕНЬШИКОВА И ПЕТРА ПЕРВОГО

У Меньшикова дочь красавица была. И был садовник при доме, уж пожилой человек. Меньшиков просил его посмотреть за Лидой, когда она на прогулку выходит. Этот садовник проходил Петроградом и встречается с Петром Первым—императором. «А, постой-ка приятель! Ты где служишь, каким солдатом?»—«Служу у графа Меньшикова, ваше императорско величество!»—«А, постой-ка, друг, я давно встречи ждал с тобой: расскажи, как Лида у Меньшикова, куда ходит на балы? Как бы мне свидаться с ней, поиметь знакомство?»—«Не знаю, как, ваше императорско величество: строго блюстят родители ее, и я приставлен смотреть, когда она по саду прогуливается».—«А ты мне помоги, я тебя награжду, и могу на свободу тебя отпустить, что ты вот доживешь до старости и уедешь домой».—«Не знаю, ваше императорско величество!»—«Не знаешь ты, когда Лида ходит гулять?»—«А на закате она ходит—говорит—купаться в бассейн».—«А как она там, затворяется на крючок, али так, просто?»—«А не знаю, ваше императорско величество!»—«Если завтра можно будет ее увидеть?»—«Я не могу вам объяснить, императорско величество, а только вы следите сзади сада; я калиточку не запру, а штобы мне не наделать шуму, я удалюсь; а вы там заходите и делайте, как вам надо!»—«Ладно», говорит: «я тебя награжду» (графы, первые шишки были по сеноту).

Ну, тогда 'Петр день, два караулил; Лида ку-

палась, а все у ей бассейн а была заложена на крючке; и только на третий день она очень разгорелась; гуляла по саду, забегает в бассейн и забыла запереть. Только разделась, как он — хлоп к ней! дверь на крючок. Она скрестила руки и говорит: «Што вы, император, делаете?» — «Я ничего не делаю!» — «Да разве можно такое похабство над девушкой?» — «Ну што, тут ничего такого нет»... кладет ее на площадку...

Встает уходить. «Нет, постой», говорит: «император не уходи, и ты теперь искувайся со мной!» Ну, он не противился: разделся, залез в бассейн. Она достает из кармана его именные часы и перстень: «Вот, император, если у меня родится сын, — ему часы, если дочь — то перстень». — «Што ты», говорит Петр: «да это позор будет мне и тебе, как узнают!» — «Тебе — не знаю, а мне не позор: уж я наплевала отцу в бороду!» — «Ну, што ж», говорит Петр: «пусть по твоему!» — «Так вот, император, часы и перстень для памяти». — «Ну, до свиданья, не сердись на меня, што я тебя укараулил». — «А раз ты мог такой момент словить, то што я могу сделать: я девушка беззащитная».

Уехал, получил свое удовольствие. Ну, то, бывало, Меньшикова Лида поздравляла с добрым утром, а теперь её отец будил каждый день. «Што это ты, Лида, какая-то сонная?» — «Ничего, так», говорит: «я, папа». Прошло месяца четыре с половиной, тут уж ей толчок сделали ножки. Приходится што-то придумывать.

Ну, как у женщины молодой, графини, была у ней мамка. Когда один раз эта мамка у ей в светлице, подзывает она её: «Знаешь што,

мамка, можешь ты мою тайну сохранить? Со мной такой грех случился... Ты должна помочь в моем греху». — «Да што ты, матушка, да я гля тебя во всяким рази, што только тебе будет угодно». — «Устроим так: я сделаюсь больной, месяца два полежу, ты способствуй мне перед папашей. Я такую солью штуку-пулю, а потому, вобще, — лекарство я буду в таз, а ты — в помойну яму выливать. Я себя на три года в монастырь, ты — со мной. Куда я, туда ты со мной».

Ну, вот, она давай хворать, хворать, чахнуть, чахнуть, — потом до того, — приходит отец Меньшиков — давай ее лечить, но только нет никакого ей облегчения. «Нет, никакие меня медикаменты не вылечат», говорит она отцу: «я сон видела во сне; я посвятить должна себя в монастырь, на три года. Какой-то старец являлся мне: иди, говорит, в монастырь, и ты оздоровишь!» — «Ну, так што ж, деточка», говорит отец: «помолись, поживи ты в монастыре, только бы ты была жива!» (Не было у Меньшикова больше детей.) Ну тогда понемножку стала вставать она; сделала завещание, стала поправляться, маленько стала есть, а это (*показывает обхватом на живот*) стала подтягивать корсет, — пуза штобы незаметна было, што она брюхата. Ну тогда носили кринолины, под им оно ничего не поймёшь.

Так, день — другой, осталось суток пять до отъезда в монастырь. Она ходит к отцу, говорит тогда ему: «Дорогой папаша, надо ехать мне, как завещала, в монастырь». Он — оставлять её: «Останься, мол, устроим большой вечер на про-

щанье, поживи — в монастыре там скучное дело». — «Нет, папаша, до этого дня только я завещала, больше не могу — надо ехать».

Тот, конечно, стеснять её не стал, приказал заказать лошадей, собрали што надо в дорогу; она незаметно кучеру дала денег, штобы вёз, куда прикажу. Села помяхче — и черт-те бери, только колёсы забрякали! Любаву-мамку с собой посадила и отправились в монастырь. Стали они к монастырю подъезжать, ну — она будто притомилаась.

Да, повозка была проходная (на почтовых она поехала) — надо покормить. Остановились ночевать в деревушке, и она заказала, штобы што она потребовала, все бы у них было, и горничная штобы была с хозяевами рядом, штобы всякий раз сейчас же могла притти. Ну, подъехали к одному дому, остановились — кучер стучит: «Вот, мол, проежающая барышня у вас хотит переночевать, да огдохнуть!» Ну хозяин вышел: «Пожалуйте, говорит, милости просим, вот горница вам есть отдельная». — Сейчас протопили, втащили туда вещи, и вот они поселились с Любовой.

Вот ночью начала она мучиться (растрясло её еще дорогой-то), ну значит — родить. Родился у ей мальчик — вылитый ка паны й Петр Первый, красавец, волосы из кольца в кольцо. Когда родила и говорит, штобы убрать все так, чтоб дело это ни кому не было известно. Мамка-Любава все обстряпала, грязь прибрала, што от женщины остается: «Ну што», говорит: «Лида, будем теперь делать?» — «А вот што», говорит: «вот тут в пакете пять тысяч,

возьми вот два куска материи, заверни все и отнеси его в монастырь».

Ну, Любава берет младенца, берет этот пакет, берет эту материю и отправляет его в Соловецкий монастырь. Луна была ущербная. Подходит она к монастырю, сидит привратник у ворот, монашек-старик; сидит — удит, клюет носом, потом взял, на балясы прилег и захрапел. Она тихонько подкралась, положила; тот храпит.

К утру старик заметил, да и младенец уж закричал, соску ищет, выпала соска у его. Ну старик подымается: «Господи! Иисусе Христе, сыне божий!» глядит: младенец завернутый лежит. Да чудное существо, красавец такой! Сейчас доложил игуменье, монашенька черничка пришла, посмотрела: «Што тут?» Взяла пакет, прочитала: «Денег пять тысяч, мать не известна, ухаживать за дитём как можно ловчей!» Игуменья взяла это дело на себя, окрестила, дали имя Павел, стали воспитывать. Деньги положили до возраста лет, когда он возвратиться с ученья должён (девичий монастырь!).

Ну она вырастила его, лет восьми стал мальчик, давай его учить... Вот подходит время — отдали его в училище из монастыря. Вот стало ему годов пятнадцать. Когда возмужал Меньшиков внучек, тогда стал жаловаться, што ученики дразнят его, что нет у его родителей. Ну тут рассказали ему, мальчик узнал, што он подкидыш. «А што такое», говорит: «у всех учеников мама-ша есть, а я какой подкидыш могу быть?» — «А што ж», говорят: «ведь, твоя мама неизвестна, тебя за воротами ребенком нашли». — «А, так-

так! Несчастный я человек!» — «Да тебя», говорят: «девушка родила, — вот и подкинули, штобы ты матери своей не знал».

Ну до чего пошла грамота — он лучше учителя все изучил. Тот глядел, глядел: «Слушай», говорит: «я тебя не могу больше учить; если хочешь, иди в на вер с и т е т, вышшую науку изучать!»

Ну ладно. Живет в монастыре. Похаживает, посматривает, и монашки закидывают глазки, молитву стали забывать. Наконец, приходит игуменья и говорит: «Мой милый, тебе семнадцать лет, ты уж мужчина, мы не можем тебя больше здесь держать». А учиться до чего был горазд: играть на гитаре, на арфе и выучился петь — так поет, што закачаешься. Так она ему сказала, а он как привык к им: «Как же», говорит: «мама, я не могу с вами растаться». — «Ну», говорит: «здесь нельзя; вот твои пять тысяч рублей, мать твоя неизвестная оставила, я их не утратила, получи, тебе пока хватит, на службу, где не поделишься».

Он получил пять тысяч, пошел к учителю опять. Ну, учитель говорит: «Я не могу тебя обучать; выписывать тебе книги, тоже не знаю какие; поступай», говорит: в на вер с и т е т». Он попрощался. Учитель подарил ему арфу, гитару.

Нанял он подводу, выехал в Петроград. Походил по Петрограду, остановился в гостинице. У содержателя этой гостиницы была дочь — хорошая, красивая. Откупил он себе номер, живет. Вот один раз заиграл он на арфе. Што ты! И на гитаре играет — да какой у него золотой

голос! Народ прямо не может пройти. Окошко открыто, толпа прямо всю улицу заправила — полицию вызвали.

Дочь у него была лет восемнадцати. «Папа», говорит отцу: «вы наймите этого человека, может быть, он займется со мной музыкой: Ты смотри, как он рассыпается, и я могла бы так играть». Ну, он пошел. Заходит к нему: «Вот», говорит: «молодой человек, моя молодая дочь хочет тоже научиться этой музыке: не пожелали бы вы с ней заняться?» Тот рассмеялся: «Почему ж», говорит: «можно заняться, если она хочет. Я сам до сих пор учился, да хочу вот отдохнуть, пока подыщу себе место». — «А сколько это будет стоить удовольствие?» — «Ну уж это сколько вы положите». — «Ладно! Я сделаю так: если ты будешь учить мою дочь, вот тебе двести рублей в месяц и стол готовый».

Ну, как молодой человек, и она девица молодая — играть — играть, да заиграли и совсем другую штуку. Вот один раз сидят, обнимаются, а мать его, Лидия Меньшикова, уж все сведения собрала, когда и куда он должен приехать. Она и туда и сюда, по гостиницам, по трактирам — нет и нет! — А по городу слава идет, что в такой-то гостинице молодой музыкант и певец, какого ища свет не производил.

Вот она в эту гостиницу и пыхнула. «Не проживат ли у вас восемнадцатилетний молодой человек здесь?» Хозяин подходит: «Да», говорит: «вот в пятом ли там — в шестом номере, дочь мою музыке обучает». — «Проведите, мне нужно этого человека непременно видеть». Повел он ее, подходит к двери тихо; открывают, она зале-

тат туда, он сидит на диване, а она у него на правой ноге сидит, обнял ее и целуются». — «Ну, дочка!»

Она вскочила, изменилась вся в лице.

— «Здравствуйте, здравствуйте, молодые люди! Помогай вам бог заниматься на музыкальных инструментах!» — «Спасибо!» — «Ну, давно тут занимаешься музыкой?» — «Да я другой месяц вот живу». — «Твое имя как?» (Павлом Георгиевичем его называют). «Так», говорит: Павел Георгиевич, значит тут живете? «А это», говорит: «тут кто у вас?» — «Она учится на музыке играть». — «Так вот тут нужно секрет переговорить». (Это сама Меньшикова дочь, Лидия Меньшикова). — «Может-быть я вам мешаю»: говорит: «могу обождать» (села за дверь). — «Да, што же», говорит: «вам угодно?» — «Да вот што, я — тебе мать. Мне сказали, ты уехал в Петроград. Я тут все гостиницы избегала, не могу тебя найти. Пора уж тебе делом заняться. Хочешь с самоуком торговлю я тебе сделаю?»

Напротив графа Воронцова уж ей дом был откупленный; она отторговала с им все постройки, пару лошадей, кучера, повозку, все откупила, представила Павлу Георгиевичу: «Вот тебе!» Тогда што тут делать, выходит, к труду надо приступать. Перебрался он, выходит он в этот погребок, внизу у него — магазин, вверху жительство. А у графа дочка, красавица — из подручки посмотреть. А та брошена уж осталась, с брюшком (у ей брюшко заболело — выучил он ее на инструментах играть).

Ну, выходит он в погребок, а та выходит на балкон, и глаз с него не спускает, хоть оттаскивай.

Вот так любитесь ём изо дня в день — «да што ж, говорит, глазами сыт не будешь!» Вот один раз вышла она из терасы, не утерпела, и говорит своей фрелине: «Ну какой же он милашка — я бы его прямо в ложке выпила!»

Ну, што делать, подзывает она кухарку али губернанку: «Пойди», говорит: «к нему в лавку, возьми там шеру ли мадеру; мне она не нужна, только посмотри, да расскажи мне про его». Пошла та, забежала к нему в погребок: «Позвольте мне мадеру бутылку!» Он выставяет бутылку: «Пожалте денежки!» — и сам сел и начал играть на гитаре; посмотрела она его красоту, прибегат: «Ох, ты, говорит, вот да! Такой красавец, какой редко увидишь и на патрете!» — «Ох, дай мне свою одежду, я пойду сама посмотрю!»

Вот она одёт кухаркино платье, накрыватся шалью и отправятся туда к нему. Заходит: «Вот», говорит: «подайте мне вина разного (показывает ему по полкам), вот шеру, мадеру и коньяку в три звездочки!» Она сказывает, а он выставяет. Выставил три бутылки, она выбрала. Ну ей не надо, только случай избрать. Ну берет она вино: «Скажите», говорит: «господин, как ваше имя?» — «Павел», говорит: «Георгиевич!» — «А кто вы такой?» — «А я, говорит, из наверситета учеником вышел; сейчас вот занимаюсь хозяйством; вот погребок имею. А кто вы такие будете?» «Я», говорит: «Воронцова губернанка. Я пошла... Послала меня за вином за этим», говорит: «Воронцова дочь, — к ей гости пришли».

Сперва она лицо закрывала, а тут платок сбросила, он глядит — тут кудри, пудры, румяна,

белила, духами какими-то заграничными песет, глазки ему так и эдак шурит, заговаривает. Он думат: «Вот покупательница заявилась!» Ну, поговорили, потопталась она (картинка, хоть на стенку вешай) — до свиданья», говорит: «итти надо. Спокойной ночи!»

Ну приходит она, прямо сама не своя, разобрало девку, хочется ей молодца заполучить, да не знает как. Затворилась в спальне, думала, думала, достает вино из шкафчика, наливает стакан, дербалызнала — и спать до обеда. Граф Воронцов заходит, — што такое? А она — напилась из тоски. На другой день наводила, наводила планы, што бы такое сделать.

Наконец, придумала план: пошла в кассу, взяла там семьдесят пять тысяч, взяла одну губернанку — у ей была: «Вот», говорит: «ты мне нужна. Если, говорит, ты мою тайну сохранишь, я тебя награжу, в золоте будешь ходить. Не найдешь ли человека верного, подкоп штобы под этот погребок из моей спальни и под его спальню — подкоп, словом, через улицу?» — «Есть», говорит: «хороший надежный человек. Только как работать тут, землю куда девать из этого прокопа?» — «Ну ее на носилках в помойну яму можно стаскать». — «Так можно будет разыскать!» — «Давай, скорее это дела устраивай!»

Эта губернанка охлопотала этого человека; пришел он, она вызвала дочь графа Воронцова, оне посоветовались: «Ну сколько ты возьмешь за эту работу?» — «Работа эта очень опасная, она сто тысяч будет стоить». — «Ах, у меня только семьдесят пять» (сто тысяч! — маленько!) —

«Ну — делай, только шгоб ни папа, ни мама, никто в городе про то не знал». — «Не сумлевайтесь, барышня, давайте деньги, мне надо нанять рабочих и устройство это начинать». Вот начали работу.

Трудно было сделать, но слово выполнил: это дело протянулось с месяц. Закончили подкоп, прямо к нему в спальню. Оденется она — и туда прямо на прогулку. Наташат вина, закуски: прислуга эта научилась водку пить, вся она спилась. Подкоп этот, прямо как коридор хороший; наставили там свечи, светло, как на главной улице. Как уходит назад, она угасит.

Вот она перво так побегала, а там она принудила его. Пришла к ему к сонному, мушкетан направила на него, — тот перетрусил здорово, штож, сонный человек: «Што», говорит: «вы от меня хотите?» А у самого губы дрожат. «А вот», говорит: «што угодно: если желаешь жизни, то будь тайнствен!» У того аж слезы вывернулись. Ну и сама она не выдержала, заплакала: «Я», говорит: «о вас забыть не могу». «Знаете, барышня, я сам сейчас человек безоружный, нахожусь в вашей воле, только понять мне трудно, што вы от меня хотите?» — «Ну, ты мой, а я твоя», говорит. — «Ну когда так, то я не прочь, только зачем же угрожать мне оружием?»

Ну потом она часто стала похаживать, даже нетерпения у ей: чуть видит погребок перемелжился, людей нет, ширк — там.

Вот шел один раз мимо Петр Первый и решил зайти в погребок выпить (апетит пришел у него). Смаху отворил дверь — она сидит у его на коле-

нях. Глядит он: его патрет, а тут его крестница. Оставалось минут пятнадцать закрывать погребок (тут в городе были постановления, во сколько закрывать, дальше торговать нельзя). Ну он ничего ни сказал им. «Дайте мне, говорит: по л бутыл ь н и ч е к!»

Выпил, остатки оставил и деньги выложил тут, оставил в погребке. Выпил он тут, подзадумался. «Зайду-ка я к Воронцову, к куманьку своему». А та: «Государь был, крестный мой!» Перепугались. «Ты сама беду делаешь, што приходишь в такое время на коленях сидеть!» — «Ну ни черта! Наверное не разглядел он, не разобрал». — «Да, не разглядел». — «Ах! Ну да ни чорта! Куда он пошел?»

Она живо спрыгнула под западню, прибегают, встречат крестного. Тот смотрит: «Што за история, призрак што ли это? Мимо не проходила, а уж дома встречат. Это што такое?» Поглядел на нее. — «Ну нет, што-то такое тайное тут есть». Он сейчас к графу Воронцову; разговоры, угощения; ну, посидели, поговорили, рассказал ему Петр свое приключение. Тот не верит. Ладно.

Потом, наконец, назначено было в сенате дело. Пожалуйте, говорит, дела разбирать. Пошли на завтра в сенат. Пошли они, а все сенаторы давно уж там сидят, ожидают. Ну, просидели до позднего вечера. Меньшиков и Воронцов и Петр Первый пошли вместе, и пришла ему мысль затти в погребок. Проходят мимо погребка: «Выпьем», говорит Петр Первый: «а потом по домам!»

Отворили разом дверь — она опять на коле-

нях сидит. Вошли. Молодой человек встает за стойку, а она сейчас же убежала в комнату, накрылась, марш. Ну Петр-то опять сметил это, ну а те думали, прислуга там али сестра. «Ну вы видели там, как приказчик или хозяин сам забавляется, кто у его на коленях сидел?» — «Нет не заметили». — «Ну, ладно, до второго случая, сейчас не скажу вам, што тут творится — потом все откроется».

И вот опять они идут той дорогой мимо погребка, в другой раз. «Ты знаешь, кум, тут чудо сотворилось — зайдем; есть тут два патрета снятые, только смотри, только виду не показывай; там я с тебя воли не снимаю, а здесь сдержись!» Подходят, Петр смаху дверь дернул, только дверь отворил: «Видишь два патрета?» говорит. — «Вижу!» — Ну, попросили водки, штобы виду не показать, выпили они, встают; даже настроения у его изменилось.

Ну выпили они, встают; даже заплатить забыли; Павел Георгиевич подходит: «Можно записать там», говорит: «в другой раз уплатите». — «Все равно записывай!» — и вышли на улицу. «Ну што же, узнал теперь свой патрет?» спрашивает Ворощова Петр Первый. «Да это моя падшая!» — «Ну а тот-то», говорит: «што за кот?» — «Я признаю, будто твой сын, што-ли!» — «Похож-то похож», говорит Петр: «да и чорт его», говорит: «знает откуда он взялся?» — «Да ты, кум, тоже хороший жеребец, попадетя, не сорвется; вот один здесь и объявился; делайся с им как хочешь, ну а с той сволочью я не буду нянчиться. Да это што за паскудство такое с кабатчиками, говорит, связалась, не нашла себе

похуже. Ну што же тут делать с такой подлостью? — Как его тут устранить? Отдать ее за такого ка б а ш н и к а — стыд! И на улице нельзя пройти и в сенат нельзя зайти!» — «Да што», говорит Петр: «завтра в сенат заявить, што такой-то человек имеет заговор на императора; вот представь такую бумажку, сразу его в темную повозку!»

Ладно. Собирают сенат. Заявляет он такую историю в сенате: «Так мол и так-то, такой-то человек имеет заговор против власти». Конечно. На завтра приходят жандармы, человек шесть-семь, стучат. «Што вам нужно?» — «Хозяина нужно!» Отворяет им прислуга; тогда они заходят: «Где хозяин?» — «Спит хозяин». Забегают к ему; он в спальне только пробудился. «Вы арестованы законом!» — Захватывают его прямо в аднех поштанниках, а й да! «За што — я чо нагресил?» — «Разберутся, што нагресил. Поворачивайся, не разговаривай!» — В повозку втолкнули, паш-шол, только колеса загремели.

Это мать его, Лидия, узнала; приходит. — «За што его взяли?» Прислуга плачет: «Не знаем, за што нашего хозяина арестовали, увели, посадили в повозку». Она по городу: узнавать, куда его увезли; туда-суда, не может точно узнать, куда его упекли. Ну сообразила она тогда, заходит в маскарад (в магазин такой), генералом одеваться, де визором по тюрьмам. Приезжает в одну: давай, показывай, какой где арестован! Заходит к одному, к другому, заговаривает, будто о деле спрашивают.

Ну добралась в одном месте, где он в оди-

ночке сидит, спрашивает: «А тут кто?» — «Не знаем, новичок и секретно очень арестован, ваше пресходительство!» — «Уйди!» Приказывает она этому тюремщику, и начинат заговаривать с арестованным: как с ним эта случилась, за што вас арестовали. «Про это дело грудь и подплека знают!» он ей отвечает. «Ах, ты, какой дерзкий, молодой человек, как ты отвечаешь!» — «А ты какой серьез производишь, што мои тайны можешь узнать, али моему делу помочь?» — «Да, твоему делу могу помочь, а ты знаешь, што ни севодни-завтра тебе голову на эшафот!» — «Нет, я этого не знаю!» — «Ну так вот знай, што тебе грозит смерть, если ты не откроешь мне».

Ну, тут он стал помягче разговаривать: «Не знаю, говорит, за што взяли меня, за какое дело. Я ни в чем не виноват. Утром я еще спал, пришли, арестовали меня и в темной повозке привезли сюда, и вот сижу в этой одиночке совсем безвинно». — «Это наверно», говорит: «граф Воронцов тебе дело дал». — «Может быть, и не знаю». — «Не знаком ли ты был с его дочкой?» — «Да, его дочка ко мне ходила». — «Ага!» — тут она достает часы и перстень, которые взяла у Петра Первого в купальне и подает их ему. Он дерзко оттолкнул их. «Ну, вот, говорит, как гадко ты делаешь. Надень часы и перстень, это тебе защита от смерти: как увидют на тебе эти часы и перстень, не посмеют тебя казнить!» — Ну, генерал этот уходит.

Ну и вот, проходит там несколько время — объявляют ему кафермадию: молодой человек, двадцати четырех лет там-то жил,

обвиняется в заговоре па государя, — присуждается ему смертная казнь. Ну — спасибо! Есть за што поблагодарить!

Вот утро. Явился конвой, повели его на площадь. А там эшафот открыт. Ну он все таки не так уж трусит. Там народу собралось, все сенаторы, Петр Первый (он не знал этой штуки, што его сынку привелось на эшафот) — и мать его тут в народе. Ну, привели его и опять к нему обращаются: «Сознайся ты, молодой человек, с кем ты имел заговор, с какими ты студентами там хотел государя убить?» Ну он отвечает: «Я не имел заговора». — «Ах, не хочешь ты сознаться! Пиши решение. Смертная казнь ему!»

Подписали, а там и петля висит. Хорошо. Начал священник его напутствовать: «Сознайся во грехах, чадо мое, покайся, я свидетель один перед богом» (*Антон смеется*). — «Я ничего не сознаю, ничего не знаю. Я иду помирать невинным». — Ну, сейчас, значит, к а ф е р м а ц и ю прочитали, и палачи надевают пропускную ему рубаху — да!

Хотели надеть только петлю, смотрют: на шее у его часы, — герб и орел его императорска величества: Петр Алексеевич Романов. Руку наложили, — на руке перстень, на вставке тоже; Палач закрыл их: «Не могу, говорит, ваше императорско величество, заслуги ваши подвергать казни». — «Как?» — «Да так, извольте посмотреть!» — Подходят, глядят, — действительно часы и перстень его. А она вышла, Лидия: «Видишь? Кто это тебе приходится? Да такую сволочь, Воронцову — сына своево хотел

Базарные книжники.

убить?!» — «Как так сына? Какого сына?» — «А знаешь купальню?» Прямо ему наотрез. Он схватился, — давай на извозчика и Воронцов тоже за им. А она взяла его и привезла в погребок опять.

Вот какая была хитрая. А то пропал бы человек! Вишь как подстроили себя покрывать, да не вышло: не даром она перстень и часы-то у его вырядила.

36. МАРЬЯ ЦАРЕВНА

Это было в старое время, конечно... когда - то сыр-бор горел. Жили - были два брата. Один покинул мир, выкопал в земле каютку, а другой - учоный, узнал чорну магию и, как чорт, жил в воде, устроил дворец себе там...

Вот однажды был мужичонка; дети у него умирали. Оставил он безутешную жену, а сам пошел на заработки: «Прощай, жена, хозяйничай»...

Он, когда ушел, ничего не знает, што его жена берёмённа осталась, в интересе. Ушел и прожил он девять лет на ломовой на пристани; выгружал там товар (грузил корабли) и прожил так девять лет и домой письма не писал никакого. Проработал девять лет и вздумал итти домой. Хоть не исправил одежонку, да зато тысячки три подбил деньжонок.

Ну, собрался, надел ф орбен худенький и вроде нищим образом давай подаваться домой. Путь обходом был — дальний, ну он свернул, где к дому ближе — пошел прямой дорогой. Была весна, пришлось безводной местностью итти, задолила его жажда, до того — жажда, — пересохло в роте. «Хоть бы где займочка,

воды бы разжиться»... Вдруг завидел, вроде как стоит колодец: «Доплестись бы до этого колодца, жажду отвести»...

Доходит. Колодец, стоит вода в трубе, не бежит, как хрусталь. Он — к колодцу и давай внападку пить воду. Вдруг вцепляется ему в бороду лапа из колодца и тянет его к себе. Он вырывается, — нет, держит крепко, тот другой лапой осиливает его. «Пусти, кто там держит?» кричит мужик. «А ты што-ж, не спросил хозяина, бес спросу тут распорядился? Появился такой разодетый господин!» — «Разве вода — золото, што надо спрашивать?.. Перегорела у меня внутренность, я и напал!..» — «Ну, вперед будешь знать... Вот хочешь, подпиши, што у тебя дома — не знаешь, тогда тебя отпущу», говорит этот форсный человек (в копиях).

Стал он перебирать в уме: «кобыла... корова... кобыла сделала приплод, девять жеребят... Ежли корова — тоже... бери, я не щажу». — «Нет, это мне не надо, — ты надпиши, что ты не знаешь».

«Ну, што там, — соха, борона... из посуды тебе совсем ничего не надо?»

«Нет, ты подпиши, што не знаешь дома, а там уж дело мое».

«Да на чем же подписать?»

«А вон — пергаментный лоскуток несет ветром... подними вот и на этом можно подписаться».

«Да и ручки нет!»

«Вон и ручка с пером... вон лежит налево, подними-ка. Чернил нам не надо, нам бы ножичек только... Да и ножичек вот-он, вон

черешок виднется в траве... бери-ка»... Ножичком чиркнул, кровь выступила. — «Давай, собирай пером и пиши, чего дома не знаешь»... Ну, тот расписался: чего дома не знаю, — отдаешь мне. Тот подписался... «Теперь пей сколь хоть!»

«Што за фигура такая?».. Попил он, тот брык в колодец... Форсный человек в колодец упал, а мужик пошел своим путем домой.

И вот подходит он как бы к своему селенью, видит — изба его в сторонке и думает: «чего я не знаю, што у меня дома, што я этому человеку подписал?.. Вдруг (сидела жена его на заваленке, праздничек был) завидела, конечно, его жена по походке: «Ой, батюшки, мужик идет!..» С ней — мальчишка, восемь лет уж ему: «беги, отец идет» (он и не знал, што отдал дитёнка). Тот: «Тятя, тятя!»... — «Ох, што я сделал, дитя отдал!»... Обнял мальчишку мужик, опечалился и сам заплакал: «Куда же я отдал, дьяволу какому-то?» — «Што ты плачешь, ты должен радоваться: без тебя сын вырос и стречат тебя», говорит жена.

«Да этот сын несчастный!...» — «Пошто несчастный?».. — «Не стану я рассказывать»... Приходит домой, скребет его: думат, думат, как бы его сохранить... какому-то дьяволу отдал... ничего не мог придумать. Ну пришел домой, выкладывает деньги три тысячи (это можно поправить домашность!) А у ей уж табун лошадей расплодилось. «Вот, вот, так я ничего не уронила хозяйство, у меня все хорошо, спроси у соседей, как я жила; ничего худого не скажут об моей жизни». — А он и не думал спра-

шивать; видит — у него все в порядке, — а он о своем думает.

Ну, начинается мужичонка жить, поправлять хозяйство; мальчишку отдал в ученье; а сам нет нет и заплачет.

Начал так год от году мальчик учиться; пошла ему хорошо грамота; и чем лучше сын учится, тем больше горюет отец.

Окончил мальчик в уездном, надо его в губернском, в наверситет отдавать, пятнадцать лет уж ему. Стало ему пятнадцать лет, начал он проходить грамматическая, все эти дела делать, — приехал на побывку к отцу из губернского из этого из наверситета што ли, — прямо это — господин!

Ну, отец говорит: «довольно, сынок, учиться поживи с нами дома!» — «Нет, отец, я не буду страшиться ученья, ученый везде нужен и везде я буду принят и могу выкрутиться». — «Не долго тебе жить остается, пожил бы с нами»...

Однажды вечером все втроем сидят, пьют чай; он им советовав, как от дикарства отдалять себя. Вдруг, постучали в окно, и заглядывает тот самый человек, который у колодца с него расписку взял. «Ну, мужичок, долг свой забыл?» Сразу тишина в избе, — все умолкли, замолчал крестьянин, мать тоже... ну, словом, все трое замолкли от страху.

«Ну давай, собирай своего сына в путь дороженьку, когда-то он был твой, а теперь мой!»

«Што это такое?» — говорит жена.

«Да вот што: отдал я его... вот случилось по дороге, как шол я домой... задолила меня жажда, и кругом хоть бы какое жилье... Уви-

дал я колодец, направился к нему, он полон воды и вода как хрусталь. — Когда я хотел напиться, он схватил меня, я туда-суда, вырваться; он огрѣб меня под воротки: — подпиши, говорит, што дома не знаешь; тогда отпущу тебя... Я давай мечтать, мечтать — все перемечтал, в уме перебрал, — скота, посуду, всю домашность... нет, говорит, давай то, што ты дома не знаешь... Вот, я подписал, и он отпустил меня».

А он расписку с крозь окно кажет: «Штобы завтра твой сын был готов, я приду за ним!»

Ну, собирают они соседей, устраивают прощанье. Мать плачет, отец тоже натер глаза... А сын говорит: «Не бойтесь, я не пропаду, скажи, куда мне итти надо?» — «Да я и не знаю», говорит отец: «надо до второго дня подождать; если скажет, тогда уж делать нечего». Приходит второй вечер. Оне уже сидят, ждут...

Вдруг, стучит: «Ну, ты што, мужик, еще думаешь? Весь дом раскачу по бревѣшку и сам ты не будешь живой! Высылай сына!» — «А куда я его пошлю?» — «А посылай, он сам придет, мимо меня не минет, сам ко мне зайдет!» — «Ну собирайся, сынок, делать нечего!» — отправляет его, куда глаза глядят.

Ну, пока што, пока сбирали его, утро уж забелело. Тогда он еще оставил, до утра дотянул. «Нет, еще оставим, надо как следоват собрать, хлеба ему, сухарей насушим, сколько под силу ему, кто знает, какой путь предстоит»...

Вдруг вечером сидят, ударил чем-то тяжело-весным в простенок, — вся изба задрожала:

«Што, старый пес, я сказал тебе — раскатаю всю избу по бревешку!!»

Соседи поскакали из-за стола, — отрезвились: были пьяны, стали трезвы. Ну, ночью куда пойдешь... Дождались утра, утром, чем свет, взяла котомку и пошел сын в путь дорсгу, куда глаза глядят. «Ну прощайте. Может быть, я буду герой и вернусь назад!» Вся деревня собралась; всем удивительно, што посылает отец какому-то чорту сына. Отец и мать наговаривают таким плачущим голосом, а он просто, как на своей воле идет...

Проводили, ушел; идет долго ли коротко ли в путе-дороге, близко ли, далеко ли, — шол, шол, кончился день и пристигла его ночь. Куда деваться? Завидел пенёк, давай поспевать... дошол: оказалось, висит какая-то веревочная лестница. Он попробовал, веревочка дюжая: «Што—думает — мне по этой веревочке подняться да посмотреть, што это за пень?» Давай он царповаться по этой веревочке; там пустота обхвата в два; просунул голову в нее, внутри там еще пень. Дай же я спущуся туда. Давай он спускаться; спустился, встал на ноги, — темнота, ничего не видать, тишина, ничего не слышать.

Прекрасно. Он ощупал там ощупью дверь, — уж ниже дупла под корнем дупла. Отворяет дверь, там, конечно, стоит седой старичок, как лунь, и усердно богу молится. Не стал перерывать. Этот ученый человек, он долго продолжал молиться. Прекрасно. Окончил моление старичок: «Здравствуй, молодой юноша!» — «Здравствуй, старичок! Приюти меня; я, вот, шол, шол я, застала меня ночь, вдруг может найти какая

гуча и может меня похитить или побить градом.

«Куда же твой путь лежит?»

«А я не знаю, — иду, куда глаза глядят».

«Как же так?»

«Да так! — я вынужден и сказано мне итти»...

И объяснил ему также, как был отец на заработке, и мать осталась беременной. «Вот, говорит, пошел он па заработки... так, так все рассказывал ему: и уходил он на заработки работать на пристани на морской и прожил девять лет. И вздумал обратиться домой... Шол он пустынным местом, и вот его задолила жажда, захотел он пить; и хотел так пить, што готов был отдать все за два глотка воды.

Вдруг он видит на путе-дороге стоит колодец и вот он пустился к этому колодцу и видит — труба наполнена водой и вода чистая, как хрусталь; отец припал и давай пить в нападку, какая-то фигура вцепилася ему в бороду и давай тянуть ко дну, топить в этом колодце. Отец мой уперся и вытащил чудовище вон из колодца, оказался человек весь в шерсти.

«Я с тобой разочтуть... Зачем ты без спросу пьешь мою воду из колодца?» Отец мой испугался: «Разе она золота, вода, што надо спрашивать?» — «Вода не золото, да она заветная, отвечает он: подписывай мне, што дома не знаешь, а то я с тобой разочтуть». Отец мой все перебрал дома, што есть в хозяйстве, а тот: «отдай, што не знаешь дома, пиши мне залог». Отец говорит: «Я же неграмотный, да и бумаги у нас нет». — «Ничего, говорит, вон ветром несет пергаментный кусок кожи». Отец подымает

этот пергаментный кусок кожи... А вон лежит перо — потерял кто-то ручку... потом вон подыми перочинный ножичек, вон выглядывает из травы — и попросил руку. Тот только успел показать, как тот распорол у его палец: «Расписывайся, собирай пером»... Хорошо. Расписался он этой кровью, взял он, лохматое чудовище, расписку, когда до востребования предъявит ее. «Ну пей — говорит — теперь, сколь хошь», отцу. Вот он воды напился и добрел до своего села. Там завидела его жана, и я бросился к отцу, хоть я его и не знал, без его я вырос... Прибегаю я: «Ах ты сынишка мой, сгубил я тебя!» — думаю я себе, да чем он мог меня сгубить?»

«Вот отдали меня в училище, прошол я школу уездную, а потом в губернском закончил. Шестнадцать лет приехал я на побывку к родителям и вот, вечером — голос: што, мужичок, забыл свой долг?... Тут отец и рассказал все; на другой вечер — угрозы уж, а на третий еще пуше. Ну, отец спрашивает: «Куда же ему итти?» — «Пусть туда идет, куда глаза глядят». На третий вечер так ударил в стену, што гул по избе и прогнулся простенок. Меня проводили; вот я и иду, куда глаза глядят... Шол — шол и дошел по степи до пенька и пробрался через дупло к тебе».

«Ну што ж молился спасу, завтра я тебе што-нибудь расскажу об этом».

Утром, конечно, встает, просыпается; тут у него хлебца кусочек, водичка в железном ведерке... «Вот закусывай и направлю я тебя, несчастного бедного, што ты идешь к чародею,

к нечистому духу, страдать, а я тебя направлю на путь истинный».

Вот этот самый, — оне братья были: один обучился магии черной и всякой чертовщине, и жил в озере, и то творил, что люди не творят, и был беспощадный злодей, а его брат тридцать лет молился в дупле, жил в одиночестве от людей, как бобыль.

«Ну, так ему счастливо жить несчастливому кровопийцу; он трудиться не хочет, он сидит на дьявольском троне и думат, што царь, а сам уж в когтях у сатаны. — Но я тебе дам наставленье... Теперь ты, конечно, пойдешь — держи путь на восток, и придешь к большому озеру, так што оно длиной протянулось верст на семьдесят и шириной на версту будет это озеро. У этого озера будут ракитовы кусточки стоять — увидишь; приходи в эти кустики и западай, лежи и дожидай, што будет».

«Што же я буду дожидать?» ответил в свою очередь юноша, Иван-крестьянский сын. — «А вот што я тебе скажу: когда будет самый полдень, не выходи, а лежи. — Вдруг завидишь: одиннадцать уток поплывут и станут доплывать до ракитовых кустов, ударются об пол и обернутся в одиннадцать девиц, — а ты духу не подавай, — выкупаются, вылезут, оденутся, ударятся об землю и станут опять одиннадцать уток. В это время поплывет отдельно двенадцатая утка; энти уж поплывут назад, а та еще будет только плыть. Вот и эта утка вылезет на берег и ударится об пол и станет девицей, скинет платье и сорочку. Ты не робей, бери платье и сорочку, она будет искать и плакать, ты молчи сиди, голосу не по-

давай. Тогда она будет налагать судьбу: если старый старичок — будь мне отец названный, если старая старушка, будь мне мать названная: ежели в мою пору девица, будь мне сестра названная, ежели в мою пору молодец, будь мне нареченный супруг... И ты должен тогда вскрикнуть: в вашу пору! Она будет просить отдать ей сорочку, но ты не отдавай, а проси с правой руки перстень. Когда ты получишь перстень и выдашь ей платье и сорочку, тожно ты объяснишься, откуда ты пришел и по какому случаю попал сюда. Она имеет хитрость и будет за тобой заступаться».

Ну, попросился со старичком и в путь пустился. Так, конечно, сутки трое он прошел, доходит и видит посреди на этом берегу был раkitник: подходит к этим кустам и запал в них, как было приказано, не бродить и не казаться.

Был уж полдень, солнце палящее изливало такой зной, такая тошнота, што невозможно было дышать. — Ну была тишина, ничего не было видно ниоткуда и никакого разговора неслышно.

Сам он наблюдал, как скоро ли поплывут эти утки, как сказывал старец. С нетерпением дожидает. Вот и показались, видно, стали утки выплывать, показываться ближе и ближе и ближе. Вот приблизились эти одиннадцать уток к раkitовым кустам, вылезли на берег, отряслися, ударились об пол, и стали одиннадцать девиц. И стали оне раздеваться, и все были красота в красоту, рост в рост, и все были у них одинаковы платье, как у одного отца.

Разделись все, бросились оне опретью в

воду — купались, плескались, играли. — Иван-крестьянский сын все наблюдал из ракушковых кустов. Натешились, накупались, выбегают на берег, посхватили свои платья и оделись. Только отделились и вдруг показывается двенадцатая уточка — плывет одна. Она ударились об пол и сделались одиннадцать уточек и поплыли навстречу той. Также она вылезла из воды, тряхнулась об пол и сделалась девицей. Разделась, спустилась в воду и стала купаться.

В это время Иван-заклятый сын прокрался, схватил сорочку и платья и спрятался опять в кусты. Вот она искупалась, вылезла из воды, хватилась сорочки и платья и в испуге тревожно кричала: «Если старый старичок, будь мне отцом названным, если старая старушка, будь мне мать названная, ежели моих лет девушка, будь мне сестра названная; ежели в мою пору кавалер молодой, то будь мне нареченный супруг!» Тогда Иван-заклятый крикнул: «В вашу пору!» — «А в мою пору, зачем похитил мою сорочку и платье? Отдай мне ее!»

«Отдай мне с правой руки перстень именной!» крикнул он. — «О, нет, этого не будет, я перстень не отдам». — «А перстень не отдашь, то я не отдам сорочку и платье».

Она еще поплакала несколько время и закричала: «На, лови перстень, я нагая!» Когда он надел перстень, то отдал ей сорочку и платье.

«Кто ты такой, чей ты сын, какого отца-матери и какого государства?» — спросила девица.

«Я есь Иван-заклятый! Меня проклял отец и послал меня служить тому царю, которому ты служишь».

«Ну ладно же, когда ты идешь страдать, как я страдаю, пойдем, может, мы еще вырвемся из его рук. «Ты брось с руки на руку перстень и ударься об землю», она ему сказала. Он перебросил с руки на руку перстень, ударился об землю и стал селезнем. (Она уточка, а он селезень, — вот какая жисть тут у них пошла. Она хитрость произобрала, может, как и вырвутся).

Ну и поплыли рядышком посреди озера. Заплывают оне посредине самого озера... «Ты меня называй сестрой, смотри не ошибайся. Я тебя — братом, а ты меня сестрой. Ну, ныряй!» Она нырнула, и он за ней, и очутились на почве, на сухом месте, как в воздухе (в странном), нет никакой воды уж. И вот она говорит: «Ударяйся! Я ударюсь и ты ударяйся за мной; я буду девою, а ты кавалер!»

Значит ударились она об пол и сделалась девою, а он кавалером, и пошли рука об руку, — и пошли по морскому дну, и завидел он двенадцать дворцов позолоченных и золотом покрытых, в одну форму. Она ему указала: вон видишь, говорит, двенадцать дворцов. «Вижу», — сказал он. — «Вот, первый дворец будет наш, будем мы жить с тобой в ём.» (Не дурно пожить с такой красочкой!) Когда они доходят до двенадцати дворцов: «Вот тут наш покой да смотри не радуйся, што красота, — это горе наше!» Она ему сказала.

Когда оне взошли в него, она сказала: «Молись спасу и ложися спать и будь готов на всякое дело». Легли оне, конечно: утром она будит его: «Ну, братец, вставай, не пора нам, спать, а надо подлаживаться, што-то нам будет

приказ. Смотри, царь подводный знает, што мы пришли с тобой. — Вот-вот из моих сестер будет посол к нам; когда она придет, и ты должен итти на поклон к нему. Когда тридцать шагов не дойдешь (вот какую он требует честь!), то ползи на колени и поклонись ему в прах. Когда подойдешь и поклонись ему в прах, он засмеется и обрадуется и скажет: «А, пришел мой сынок! Ну иди, три дня тебе строку, отдыхай, а потом опять будешь заявляться ко мне».

Все это было наказано, дожидают оне сестру. Вот, как раз успели кончить приказ, вдруг двери отворились, является сестра, из одиннадцати-то уток-то: «Ну-ка, где тут новичек? Его царь потребовал, должен заявиться и показать себя!» Тогда Иван-заклятый сказал: «Да, поверит, сейчас буду и я там», а сестра ее уже повернула и ушла из дворца.

Разговоров уж никаких тут — они на нее сурезны были все. (Каки, чорт, сестры: они были насбираны из всех государств, всяких родов!)

Хорошо... и он пошел, конечно. — Не дошел тридцать шагов и полз на коленях до его трону, и где сидел этот проклятый сатана. Как дополз до трону и потом в прах поклонился ниц, и дикий хохот на троне раздался подводного царя: «Ха-ха!.. молодой юнош, мой сынок пришел, будешь теперь у меня жить, как царь подземный. Да смотри, только не лукавь, а делай верно, што я прикажу. — А слукавишь, дак надейся на себя, я тебе снова докажу. А теперь ступай, трое суток отдыхай, а тогда явись ко мне».

И пошел Иван-заклятый во дворец к своей

сестре. Приходит, конечно, сестра спрашивает его: «Ну, што братец родимый?» — «Ничего, похвалил меня и просил не лукавить». — «Хорошо: Ну, завтра будет тебе службишка (не служба, а службишка, а службы все впередé). Теперь можешь пользоваться трое суток отдыхом, никого не бояться». А она (вот хитрая была какая: што он должен приказать, все знает заранее): «Слушайся только меня, может вырвемся», говорит: «отсюда».

Вот она ему и говорит: «Вот тебе какая будет первая задача, штобы ты тридцать десятин леса расчистил, строевой будешь в ярусы скачивать, а нестроевой — в костры и сжигать и все в одну ночь надо управиться: эта первая задача». Только успела сказать ему, как появляется опять сестра: «Ну, новичок, итти должен ты к царю, што ты долго путаешься?» Так же он дошел тридцать шагов до трону и ползет. «Вот молодец — говорит — мой сынок. Вот я тебе легоньку задачу дам — тридцать десятин вырубить лесу в одну ночь» (легонька задача... а лес — не то што у нас — в небо дыра только!) Да... он топнул ногой: «Кто может такую задачу выполнить? Фу, проклятая сила! Разве в сказке было сказано, штобы тридцать десятин в одну ночь лесу убрать. Фу, ты, проклятая сила!»

«Ха-ха-ха!.. захохотал он на троне: «Да, строевой в ярусы, а нестроевой сжигать. Все коренья и пни вырубай, штобы завтра только с сохой выехать... Ну ступай теперь, а утром — на работу!» Является к своей сестре Иван-заклятый. «Ну, как твоя задача?» — «Тридцать

десятин, как ты говорила, строевого леса в ярусы скатать, а нестроевой в костры сжигать».

«Ну молися спасу и ложися спать, завтра все будет готово!» Утром рано разбуджает она его: «Не надо спать, а надо вставать, надо себя оправдать». Разбудила, ему сказала: «Пойдешь, там уж в ярусы скатано, и костры уж догорают, только угли отливают, только пень один стоит, раз его ударить и брось его в костер, пусть догорает, и падай на землю и ругай его, как можно ладнее, што такую работу дал».

Как он вышел, конечно, все уж было убрано — и костры догорали. — Вот он завидел, идет... давай пластать этот пенёк. Тот уж подходит, он бросил его в костер и упал на землю: «Вот проклятая, нечистая сила, измаялся, как мертвец, ни руками, ни ногами не могу пошевелить!..»

«Ха-ха-ха! вот молодец, вот герой!.. Похвальный лист тебе за это!.. (чужими руками работаешь здорово.)

[*Аптон мнет кожу для чирков и приговаривает: «издалась свиная кожа в дубу»*]. «Ну, теперь отдыхай трое суток, а потом опять тебе работа будет!» Приходит он, сестра опять ему говорит: «Смотри, тебе теперь будет вторая задача, ты также вскочи и закричи: «Фу ты, нечистая сила!» (Это она ему наказывала, а он еще не ходил).

Ну, прекрасно, он пошел, тридцать шагов не дошел до трону и ползет до трону на коленках; дополз до трону, поклонился в прах: «С добрым утром, поздравляю, отец, тебя!» — «Хорошо, сынок, молодец, люблю тебя за ухватку», он ему сказал, царь подводный: «Ну-ка, верный мой

слуга, сделай еще один приказ от меня: сегодня на ночь чтобы спяхать и сборошить и еще раз пропахать и сделать пушистую мягкую землю под посев!» Вот вскочил он на ноги и плюнул в сторону: «Фу, нечистая сила! Нигде в сказках не сказано и в книгах не писано, чтобы тридцать десятин содрать целину и взборонить в одну ночь! Фу, нечистая сила!..» — «Ха-ха-ха! Это не идет для тебя? Ну, ступай, сделай, больше не огрызайся!»

Пошел, конечно, Иван Заклятый к своей сестре, повесил голову ниже могучих плеч: неужели, думает, это можно сделать до утра, ему уж не верится.

«Ну, как братец, твоя задача?» — «Ох, задача тяжела!» — «Знаю, знаю. Но это все еще не задача, задача впереди, молился спасу и ложися спать, не думай, к утру все будет готово», сестра сказала ему. Всю он ночь проспал, ничего не видел, што там делается.

Вот прекрасно. Утром будит она его на зорьке. «Ну, брат, вставай, не пора тебе спать, пора тебе вставать!» Когда он встал, «смотри», говорит: «там тридцать борон уж боронют — доборанивают, а там тридцать сох пашут — допахивают — иди, как только завидишь его, берись, допахивай борозду, коня понужни, он рванет и соха сломится, и сошники вывалятся — и ты с проклятием вались на землю, и он придет и захохочет».

Вот он дошел и видит, — не доехавши шагов десяток до конца, он понужнул коня, соха сломалась, сошники вывалились, сам на землю пал, рехнулся и закричал: «Да што ты, нечистая сила,

замотал он меня!..» — «Ха-ха-ха!.. Знаю, как работать, на печи лежа, да не ты хитрый, а она хитрая (он знает, што тут делается). «Чтоб тебя нечистая сила так хитрила, у меня уж и легкие и печенки болят от тяжелой работы!»

Встал и пошел ко дворцу. Рассказал, што работу сдал. «Ну сдал и хорошо. Это не служба, а служба еще впередé». Она ему наказывает. «Смотри, через трое сутки еще будет тебе задача: он тебе задаст посеять все тридцать десятин пшеницы и чтоб она в одну ночь выросла и ее жать, и убрать и вымолотить и смолоть на муку, и я должна ему пирог испечь и утром отнести!»

Тогда через трое сутки он опять идет на поклон подводному царю, дополз до трону и сказал: «С добрым утром, отец мой!» — «Молодец, сынок, герой! Вот ты теперь засея тридцать десятин, убери и смолоти и на мельницу свежи и чтобы сестра твоя испекла мне пирог, да штоб пирог был дак пирог — пышный и ноздристый, и штоб в описи не было такого пирога!» Заклятый Иван вскочил на ноги и закричал: «Тьфу, што это за нечистая сила! Нигде в книжках не писано, ни в сказках не сказано, штобы в одну ночь тридцать десятин пшеницы посеять, ее вырастить и убрать, обмолотить и смолоть и пирог испечь!» — «Ну-ну, не мурмуль, а штобы у меня было сделано!»

Приходит Иван Заклятый к сестре своей: «Ну—говорит—тяжелая задача, не знаю, сможете ли даже вы ее исполнить?» — «Ничего, не думай, молися спасу, ложись спать, к вечеру все будет готово», она ему сказала, сестра названная.

Она, конечно, тогда уложила его спать, сама вышла на парадное крыльцо, а Заключенный Иван стал за ней подозревать, что, дескать, она делает, как командоват. Она, сейчас перебрехала с руки на руку кольцо и вдруг являются двенадцать молодцев к ей. Вот, дала приказ им, чтобы была убрана пшеница в эту ночь и намолота мука, а она понесет ему утром пирог сладкий. Утром рано, чуть рассвет, будит сестра брата: «Не пора тебе уже спать, а пора вставать и с пирогом отправляться к подводному царю».

Вот, смотрит Иван Заключенный, уже пирог готовый, салфеткой прикрытый на золотом подносе: взял он поднос и пошел, конечно, к подводному царю. Не дойдя тридцать шагов, пал он и ползком до трона, поклонился он у ног его в прах, и поднос на стол поставил с пирогом.

Вскрикнул с радостью, с диким хохотом Царь Подводный: «Вот, молодец, мои дела исполнил, — можешь идти на три дня отдыхать!» Когда он отдохнул трое суток, она ему и говорит: «Смотри, сейчас должен идти с рекомендацией. Вот тебе будет приказ: он поведет тебя в сад, и в саду будет двенадцать кобылиц: и все в одну шерсть, — вставай сбоку и стреляй, пуля шерсть содерет, у всех кожу заденет и ни одной больше не заденет, ни меньше — и все шерсть в шерсть и рост в рост и ни одной шерстинки, только у меня на лбу будет шерсть немного включена; ты проходи и смотри не сразу, а на третий раз ударяй меня по лбу: — вот моя невеста! Потом убежит кобылы из сада, он скажет: молодец! В саду есть бассейна большая; подведет тебя к бассейну, в бассейне двенадцать лебедей будут

плавать; по его приказу все станут в шеренгу, и все оне будут одинаковы, только у одного будет перышко чуть-чуть скручено, никому незаметное, только тебе одному будет знатко. Смотри, не прогляди, а то обоим нам смерть будет. Тогда эти лебеди спорхнут и полетят, он скажет: молодец!»

«Прилетят опять голуби, сядут, — такое будет положено на два куста два седала; такие оне будут перышко в перышко, ты опять угадывай. Тут будет сидеть малая насекомка на лбу одной голубки, и вот насекомку эту увидишь, замечай — завечай... Три раза пройдешь, на четвертый указывай; узнаешь, значит мало еще поживем. (Это наставления ее еще, теперь он должен итти). Ступай и делай, как раньше, он требует церемоньи для себя, уважения».

Также он пришел, тридцать шагов не дошел, пал на колени, дополз до трону, поклонился в прах у ног его, поднялся и сказал: «С добрым днем, отец!» — «И тебя с веселым днем! Вот, молодец, женишок, молодец, — теперь пойдем невест выбирать». Заводит его во двор, стоят двенадцать кобылиц в одну шерсть, как бумага вылитые, ну никак нельзя угадать, где его тут невеста.

«Ну, вот мой сынок, двенадцать невест у меня, выбирай любую, кака тебе понравится». Заходит с правого фланку, начал он рассматривать: первый раз, ничего значит не нашол, зашол второй, просмотрел, не нашол; зашол третий — просмотрел, не нашол; заходит в четвертый, — курчавинку заметил на лбу, — и ударил по лбу: «Вот моя невеста!» [Антон ударил по косяку ладонью]. — «Молодец, сынок! Но не ты хитер,

она хитра!.. Ну, марш на двор!» — Все стрекнули, хвост трубой, убежали разом.

Заводит в сад его. Когда зашел он в сад, там устроена бассейн, плавают двенадцать лебедь; по команде его все встали в ряды. Тогда он сказал: «Смотри, голубчик, угадай, а то, видишь двух тывинок не хватает, — ваши головы будут на этих тынинках (триста тывинок — головы опаренные насажены и вот двух только не хватат, — сколько женихов поел!) Заходит он с правого фланку и начал он примечать лебедь: прошел он раз, ничего не нашол (он уж сразу заметил, да не хотел выдавать), прошел второй — не нашол, третий, четвертый подходит: «вот моя невеста», — в середине она была. «Молодец, герой, мой сынок! Марш на свое место!»

Лебеди улетели, прилетают двенадцать голубей, сели ряд в ряд, голова в голову, взгляд в взгляд. Как одна голубка. Тогда начинат он заходить с правого фланку, выбирать себе невесту. Раз прошел, не нашол; второй прошел, не нашол, третий прошел, не нашол; четвертый прошел и указал, где эта насекомка сидела: «Вот моя невеста». — «Ну, молодец! Хитер, ну не ты хитер, — а она хитра! Марш по местам! Ну иди теперь отдыхай на трое суток, а через трое сутки выпаритесь в бане и будете венчаться!»

Была устроена чугунная баня, и накатывали в нее почти полную дров; раскаливали ее, как все равно красное сукно, эту баню; вот в эту баню раскаленную должны их бросить, Ивана Заклятого с нареченной его невестой, ожарить и подать ему кушать.

Тогда Иван-Заклятый шол домой к невесте

своей в этот дворец, где как был раньше: и думал он себе: «Да, теперь я уж полный жених, могу и свадьбу сыграть, выбрал себе невесту без ошибки». Только он заходит, сестра встречает тут его: «Ну што, как братец, выбрал ты себе невесту?» — «Да, кажется, выбрал без ошибки». — «Ну, хорошо, проживем час лишний... через трое сутки нас поведут в баню, а баня вот как-кая, — тебе покажу, как ее затопют». Она показывает с балкона: «Вон смотри, повалил там черный дым»... Он с удивлением спросил: «Это што такое?» — «А это — баня, ее нагревать трое сутки будут, накаливать и потом мы пойдём париться».

Проходят третьи сутки, баня уж была готова, раскаленная, как красное сукно. «Ну што же, братец, нам медлить нечего, нам нужно отсель убраться, нам тут жизни нет. Вот, смотри, зайвится сестра, будет в баню посылать. Ответ первый мне нужно отдать, што собираться будем в баню сечас». А сама тотчас к сундуку, из его достала ковер-самолёт. Вот явилась сестра: «Собирайтесь в баню!» Она ответила: «Сечас мы готовимся, пойдём мы в баню». Она с своего дворца в четыре угла взяла — наплевала, и слюнам своим строго приказала, чтобы отвечали, што идем сейчас. Тогда берет она Заклятого Ивана за руку и выводит из дворца, растилает ковер и сама на ковер стала и сказала: «Ставай и ты на ковер и держися за меня!» Ковер поднялся вверх и вот на назначено место, где им вылетать нужно из воды, ковер выносит их из этого озера, а потом поднялся под облака; так долго продолжали путь оне...

«Ну-ка, братец, нам придется пасть на землю

и послушать, нет ли там погони за нами». Опускается ковер на землю, и она припала ухом к сырой земле. «Ну што же нам делать с тобою? Послана облава. Сейчас догонять будут нас!» Схватывает она из головы его три волоска и бросат на землю. «Пусть тут будет дремучий лес», сказала. Потом, этого мало, все равно дремучий лес их не задержит. «Я сделаю тебя рябиновым кустом, а сама сделаюсь ягодой». Вдруг наехали конвой; доезжают до рябиново куста, а там уж дальше нет следа. На кусте попробовали ягод, но ребина была неспелая, очень кислая...

Поворачивает дружина назад. Больше нечего дорогу продолжать. Приезжают и сказывают подводному царю: «Нету, мы никого не догнали и никого не встречали». — «А што вы там видали?» — «Мы видали дремучий лес». — «А еще што?» — «Еще рябиновый куст и на нем такая рясная была ягода». — «Болваны вы такие... вот они это и были: он кустом, а она ягодой. Брать нужно секиры было, и везти его суда—куст! Ступай живо назад и везите их суда!»

Повернула дружина назад. А они уж на ковре летели. «Эх, братец, нужно нам на землю спустаться, не гонют ли за нами погоню».

Прижалась она ухом к земле и слышит—вторая погоня. Махнула платочком, вырос дремучий лес. Потом сделала его старым стариком, а сама овечкой: сделала много трупов, будто зверем овцы растерзаны. Пастух ходит за овечкой. Доезжает погоня до старика и спрашивает его: «Не видал ли ты молодого кавалера и красавицу девицу?» — «Тридцать лет я живу, ни один человек тут не прохаживал, ни одна птица не про-

летывала, а не то, што молодых людей. Хозяин у меня приезжает в три года раз; все стадо погубил у меня зверь, чем буду отвечать»... Ну, больше следов нет, следы кончились... (ишь, летели на ковре, а следы ищут; следы есть, а тут оне спустились, и следы кончились). Поехала назад дружина.

Когда те обратились, оне опять на ковер становились передней путь продолжать, и долетают опять до этого дупла, в котором ночевал Заклятый Иван. Тогда Иван и говорит Марье-Царевне: «сестрица, надо нам остановиться тут, тут есть такая жительство и живет старичок, который направил меня к озеру, и здесь нас не найдет, наверно, подводный царь. Она была согласна, приказала ковру-самолету опуститься на землю. Подходят к веревочной лестнице, перво он ее спустил туды, потом и сам спустился.

Подводный царь, конешно, покорялся этому старику и когда ему путь был принадлежный, дак он облетал его, никогда не тревожил. Когда оне туда влезли, старец их впустил. Попросили его пока погоня пройдет. Он согласился. «А этот злодей, он до меня не коснется суда, ему нет до меня дела. Вы пока тут у меня пробудете».

Только оне успели укрыться в этой землянке, и вдруг погоня, с самим подводным царем дружина накатила. А по счастью того, как перелез Иван-Заклятый, лестницу за собой убрал. И они ничего тут не поняли, воротились назад, следы потеряли. Пробыли они сутки трое тут в тишине и спокойствии и ничего тут плохого им не было. «Ну, поезжайте, теперь злодей вас не достанет, вы отбились от его рук!»

Стали оне опять на ковер и поднялися под облака. И вот оне прилетают, конечно, домой и опустились прямо в ограду этого мужика. А родители тут горевали, несчастные. Увидали оне и удивились: што такое или призрак видимый какой, или што? Они видют и не могут его понять, што это за молодой кавалер. А он: «здравствуй, дорогой папаша! Вот мы и свидались!... Я вырвался из этого проклятого ига, от подводного царя». Ну, тут начались вопли и радость — картина неописанная.

Марья-Царевна говорит: «Ну мы теперь сделаем брак, пышную свадьбу, а потом уж будем жить по-новому да по-хорошему». Значит, тут подпили, вся деревня собралась, деревня большая, всю избу заполнили и на улице стоят, — што вот приехал Иван-Запятый, был продан дьяволу и вернулся, да еще с такой царевной-красотой, што нельзя ни в сказке рассказать, ни пером ее описать такую красоту. Побеседовали гости и потом по домам разошлись.

Это уж было, как почти глухая полночь, и оне укладывались тоже сами на покой (хозяевы укладывались тоже на покой — нужно так). Только отец и мать Ивану-крестьянскому сыну не давали покою, все его спрашивали, как он жил, как вырвался от этого дьявола.— Он, конечно, пообсказал, а потом говорит: «Отец, я теперь на спокойствии и хочу отдохнуть, а потом на свободе всё вам обскажу».

Ну те отступились и не стали его больше вынуждать. Когда все замолкло, Марья-Царевна, конечно, вышла на улицу на крыльцо и перебросила с руки на руку кольцо и приказала, штоб

нынюшнюю ночь изменился этот дом и сделался дворцом: так, чтоб он был в десять сажень и так, чтоб на потолке была вода, и там рыбы ходили, чтоб дворец был хрустальный.

Спали оне, конечно, долго утром, часов до десяти. Никто не заботился, только одна Марья-Царевна позаботилась, встала раньше всех. Наконец-то пробуждаются наперво Иван-Заклятый вскочил, спал он на койке, — на кровати, смотрит, што такая, тут была изба, а тут подходит к ему огромная рыба, разинула пасть, а он скоре опять на кровать забрался, а она под кровать прошла и ушла; а там идет другая... и в стенах тоже рыбки бегают... Што такое, удивлялся, што вот за ночь все замерзло, образовался лед и рыба ходит подо льдом.

Сделалася саматоха, узнали люди, — сбежались смотреть дворец. Им Марья-Царевна устроила угощение — приготовила разны напитки и наédки...

Наугощала она гостей и стали репетицию к свадьбе (делать). Тут появились кареты, лошади и всяки... и откуда што берется. Стали, конечно, собираться к венцу, стали свадьбу играть и посказать и пировать, гулять.

На этим-то пиру и я был, мед пиво пил, по усам текло, да в рот не попало только... Вот, язвить-те!

ПРИМЕЧАНИЯ

Сказки Аптона Кошкарлова записаны в 1927 году Н. М. Хандзинским. Две первых (№№ 34 и 35) опубликованы в сборнике: «Сказки из разных мест Сибири», под ред. проф. М. К. Азадовского; Ирк. 1928. (№№ 15 и 16); последняя (№ 36) печатается впервые по записи, дружески представленной для настоящего сборника Н. М. Хандзинским.

Сказки 34 и 35 очень близки по содержанию: — это как бы два варианта одной темы. Соответственных параллелей в существующих записях они не имеют. В указателе Андреева эти сюжеты введены (под № 873) только на основании текстов Чирошника.

В каталоге Thompson'a (английская переработка указателя Aa g r e) под этим № указан только один датский рукописный вариант (не опубликованный) из датского фольклорного архива (Danske Folkemindesamling); его основные моменты вполне совпадают с текстом Кошкарлова: связь короля с девушкой; тайное рождение сына; обнаружение королем связи сына (которого он не знает) со знатной девушкой, признание к смерти; узнание. Различны окончания: в датской сказке — король женится на матери сына.

Сходный вариант имеется в русской былевой традиции. В «Беломорских былинах» А. В. Маркова: былина (№ 56) «Купеческая дочь и царь», записанная от одной из самых замечательных сказательниц, Аграфены Матвеевны Крюковой. Эта былина также является уникальной и пока не обнаружено ни одного близкого параллельного текста. У Крюковой эта история имеет очень цельный, со строгой моральной установкой, сюжет. Знатная девушка сказочного сюжета здесь является дочерью царя, и таким образом, незаконный сын царя оказывается любовником его родной дочери. Моральная окраска былины отчетливо дана в заключительных строках:

305. Кабы ведь я то буду ему да все родной отець,
Ишше он-то мне-ка будет все родимой сын
Да родимой-то сын, все царевичь он
По грехам-то, ведь, моим да так слудилосе
По тяжким-то по грехам мне-ка отворотилосе.
310. Посьмеялсэ над его рѳдной матушкой
Отсьмеялсэ над моей да ведь он доцерью.

Последний стих:

322. Повенчали тут да брата с родной сестрой.

Любопытно отметить и подчеркнуть, как резко противостоит моральным тенденциям Крюковой социально-заостренный яркий текст сибирского сказочника.

Между прочим, свою былину А. М. Крюкова переняла у сказителя Ф. Е. Стрелкова. О нем же из указаний А. В. Маркова известно, что он имел большие связи со скандинавскими странами и, напр., как раз в год пребывания на беломорском побережье собирателя, ездил в Норвегию закупать треску. Не оттуда ли он вывез и этот сюжет, нашедший богатое воплощение у Крюковой. Но это, конечно, никак не решает вопроса о причинах встречи двух одиноких сказочных вариантов, из которых один оказывается в Дании, другой — в маленькой сибирской деревушке. Всего вернее предположить, что к Антону Широшнику этот сюжет перешел посредством какой-нибудь книжной переработки. Конец первой сказки (№ 34), видимо, спутан рассказчиком.

Особенности формы и содержания этих текстов отмечены во вступительной заметке и вводной статье.

Заглавие сказки «Исторический рѳман» и т. д. дано конечно, самим сказочником. Обращает внимание упоминание в сказке имени Константина Павловича и своеобразная его интерпретация («гля бедных»). Несомненно, что здесь отразились предания и легенды, связанные с восстанием декабристов.

В сказке о дочери Меньшикова обращают внимание реминисценции политических процессов и арестов: обвинение в участии в студенческом заговоре на жизнь государя, «темная повозка» и т. п. Это, кажется, также единственный пример среди сказочных записей.

36. М а р ь я Ц а р е в н а — оригинально разработап-

ный сюжет «чудесном бегстве» (А н д. 313 А): юноша обещан подводному царю, девушка помогает ему бежать. Варианты — А ф. 125 а, b, d, e, f, g; Худ. I, 18; III, 118; Э р л. 6; С а д. 1 (частично — безначального эпизода), О н ч. 56, 60, 128, 153; П е р м. С б. 12, 24, 55; В я т. С б. 118; С о к. 66; С м. 5, 97, 126, 236, 287. К тексту Кошкарлова наиболее близки: Афанасьевские (морской царь и Василиса Премудрая), П е р м. 2й (Чудо лесное); С о к. 66 («Мышка и воробей») и нек. другие. По большей части, завязкой в этих сказках служит сюжет Орла-царевича со спором мышки и воробья, в качестве зачинной присказки (См. в наст. сб. № 17 — текст Винокуровой). Основные эпизоды «Марьи-царевны» почти все встречаются в разных сочетаниях в текстах наст. сборника: сюжет обещанного сына — № 19 (Винокурова); кража платьев у девушек — № 10 (Чима); чудесное бегство — № 2 (Чупров) и т. д. Оригинальность Кошкарковского текста не в той или иной комбинации сюжетов, но в его бытовых и психологических аксессуарах и их искусной связи с фантастическими элементами; более подробно об этом — во вступительной заметке к текстам Широшника.

СКАЗКИ Е. И. СОРОКОВИКОВА

Е. И. СОРОКОВИКОВ

КАЗКИ Егора Ивановича Сороковикова еще более, чем сказки Антона Чиршника, носят отпечаток книжных влияний и городской культуры и также знаменуют собою один из этапов в развитии сказки. Бедный тункинский крестьянин (с. Малый Хобок — в Тункинской долине, 100 км к югу от Байкала, близ монгольской границы), с трудом справляющийся со своим хозяйством, Ег. Ив. Сороковиков представляет собою, однако, совершенно новый тип крестьянина, тесно связанного с культурой и ее достижениями. В Тунке, где было не мало в прошлом крестьян, разбогатевших на монгольской торговле, не редкость — крестьянские дома с внешне-культурным обиходом: с дорогой посудой, со скатертями и салфетками, с граммофоном и пр. Культурность же Ег. Ив. — иного типа: он страстно любит книги, много читал, и в его доме можно найти небольшую библиотечку самого разнообразного содержания. Он пользуется славой «лекаря» и действительно иногда лечит обращающихся к нему за советом, но лечит не как колдун, не травами и заговорами, но по книге («Домашний лечебник»). В его речи можно нередко услышать иностранное слово или термин, употребленный совершенно к месту и правильно. И на ряду с этим он является носителем и продолжателем сказочной традиции, унаследованной им от своего покойного отца, великолепного — по общим рассказам и воспоминаниям — знатока ска-

зок, как русских так и бурятских, и знавшего много сказок из книг.¹

В обширный репертуар Ег. Ив. входят также и бурятские сказания и разные предания из местного фольклора. Но в его сказках это влияние бурятской среды очень мало чувствуется. Наоборот, он внес в них элементы высшей, городской культуры, известной ему и из книг и из личного опыта. Эти культурные элементы — в особом складе речи, где чувствуется порой книжность, в различных аксессуарах, наконец, в новом мировоззрении, которым проникнуты все его сказки.

В его сказках встречаются: телефон, проведенный в терем к царевне, и по которому ей сообщают о чудесных подвигах ее жениха; клубы и театры, которые посещает герой сказки, жена его отправляется в заграничное путешествие; мужичек-крестьянин вынимает записную книжку и пишет в ней «крупным шрифтом»; Иван-купеческий сын решает отправиться «в одно прекрасное царство», потому что он «о нем читал»; Самойло Кузнецов не просто вызывается биться с богатырем, но «выставляет свою кандидатуру» и т. д.

Все эти внешние проявления культуры являются не случайными привнесениями, но образуют единую картину и служат как бы одним из звеньев в его определенном и целостном мировоззрении. Как всегда в таких случаях, также, как и Антона Чирошника, деревенская жизнь не удовлетворяет его, и эту неудовлетворенность своим положением переживают почти все его главные герои, в которых он воплотил также и свои черты мечтателя и поэта страстного любителя природы.² Он, между

¹ Тунка — находится в пределах Бур-Монгольской АССР, и жители ее находятся в бурятском окружении. Значительная часть местного населения — метисы, происшедшие от браков крещеных бурят с русскими (ясашные). К ним принадлежит и семья Сорокиковых. Ег. Ив., как и его братья, прекрасно говорят по-бурятски. Отец его даже рассказывал сказки на бурятском языке.

² Ег. Ив., к тому же и музыкант. О нем, как музыканте, имеется специальная заметка Г. Виноградова. Музыканты в тункинском крае. Сиб. жив. стар. III—IV. Ирк. 1925.

Е. И. Сороковиков

прочим, замечательный охотник, но в охоте его увлекает не «промысел» или «добыча», но самый процесс охоты: скитание по тайге, выслеживание зверя и т. д.

В сказке о чудесной винтовке (№ 37) купеческий сын тяготится своей обычной купеческой жизнью. «Мысль его была направлена совсем иначе». Рассорившись с матерью, обиженный ею, он решает проводить жизнь в лесу, «не где-нибудь в шумном городе». Не удовлетворяет привычная жизнь и царского сына («Буй-волк» — в настоящий сборник не вошло): тогда как старший брат стремился к царской жизни, младший — «наблюдал всю природную жизнь». Он «находился всегда в уединении, никогда он не участвовал в разных пиршествах и уклонялся от всех собраний». Близкой ему по духу оказывается и его невеста: «ничем я не занимаюсь — сказывала царевна — пользуюсь только тем, чем мир божий живет».

Эта мечтательность и некоторая даже порой сентиментальность героев Сороковикова находят полное отражение и в его словесной структуре, на которой отчетливо сказались и книжная стихия. Особенно отчетливо это проявилось в сентиментальности описания могучего богатыря, Самойлы Кузнецова (см. № 36); он горько рыдает при неудачах с изготовленным для него оружием, целует свою палицу и т. д. Встречаются иногда у него и обороты, еще не отстоявшиеся, видимо, еще органически им неувоенные: «настал роковой момент етого зверя», мышка передает добытый ею перстень «с нижайшим почтением» и пр. Но, в общем, язык Е. И. Сороковикова — яркий пример, как сильно и цепко вклинивается городской язык в речь деревни.¹

Но, в отличие от безземельного Антона Широшника, Егор Иванович не оторван от своей среды; наоборот, он

¹ Диалектологические особенности местного говора выражены у него довольно сильно. Особенно заметно проявляется у него распространенное в тункинском крае у к а н ь е, т. е. замена неударяемого о (а иногда, по аналогии, и ударяемого) через у: *думой, утец* и даже *сухури*. Влияние литературного говора и частые соприкосновения Е. И. с представителями интеллигенции заметно нивелируют диалектизмы в его речи и потому

очень тесно чувствует эту связь и подчеркивает ее и в своих сказках. Так, весь идейный смысл сказки о Самойле Кузнецове сводится к победе простого, «неотесанного» мужика над сильным и знатным богатырем («Ничего, — сказал Самойло Кузнецов, — увидите, чем мужик будет пахнуть!») Такие реминисценции, подчеркивающие тесную связь сказочника со своей средой, неоднократно встречаются и в других его сказках.

у него ни одна из местных черт говора не проведена последовательно, но чередуется с правильными формами.

Несколько необычная пунктуация в текстах Е. И. Сороковикова, напр.: «Кузнец сковал ей палку в три пуда. Которую она едва домой принесла» — отражает манеру рассказчика и синтаксическое строение его речи.

37. САМОЙЛО КУЗНЕЦОВ

Е в котором было царстве, не в котором было государстве, — именно в том, в котором мы живем, жил был крестьянин со старухою. Конечно, они, вот, люди были старые, не было у них детей, то они стали церковь строить и верха золотить. Бог услышал молитву их, даровал им сына. Назвали этому сыну имя Самойло. Ну, конечно, не величали, а по фамилии его прозвали: Самойло Кузнецов.

Этот у них сын не по дням и не по часам рос, значит, он. Как пшаничное тесто на опаре. Ходил ихний сынишко в лес, ходил он уже с товарищами, с ребятами. Частенько эти забавы приходились всем не по сердцу: куво хватит за руку, у туво рука прочь: куво хватит за ногу, у тово нуга прочь. Стали приходиться отцы и матери жаловаться на ихнего сына. Чтобы они уняли своего сына от едаких шуток. Сын ихой ни чего не понимает. Так что изо дня творит эти беды.

Потом, невзадолго отец у него скончался. Мать стала отвлекать от этих забав. «Вот што — говорит — Самойлушка, — оставь шалить с товарищами со своими. Я — говорит — лучше закажу тебе игрушку сделать у кузнеца». И она пошла к кузнецу, заставила сделать палку железную в три пуда.

Кузнец сковал ей палку в три пуда. Которую она едва домой принесла. Вот сын взял эту палку и стал потряхивать. «Вот — говорит — мама, теперя мне эта забава будет по сердцу!» Ушел он в чистое поле, один с этой палкой, и удумал он попробовать бросить эту палку. Размахал когда он эту палку, только лишь ветер загудел. Думал он палку бросить на восток или на запад. Да подумал: «Однако напрасно. Если только я брошу — подумал — только мне ее и не найти. Пропадет моя забава!» Удумал бросить ее вверх. Котора и до сия время нету. Улетела безызвестно и не воротилась сверху.

Жалко стало ему палку. Воротился он, конечно, домой и стал плакать и так он плакал, — едва ли кто когда плакал. Приходит с жалобой домой к матери. Говорит матери со слезами: «Нет, его уже, мама, не забава! Ты уж сделай мне палку такую, котора чтоб не улетела никуда». — «А какую же, сынок, нам сделать палку? Ведь нам железа-то нэгде взять». Сын ей говорит: «Уж сковать, так сковать, чтоб не было убытку, чтоб не утеривалась. Да уж скуй почи желе!» — «Ты скажи уж, сынок, какой тебе вес надобен?» — «Тогда уж куй ее не в три пуда, а куй в тридцать три пуда!»

И потом кузнец сковал палку в тридцать три пуда. (Ковал, конечно, уж не один кузнец, а подмастерья у его были.) Потом приходит мать и говорит: «Готова, сынок, палка! Только я уж не принесу, иди сам!» Сын с радостей побежал, не знает, што и делать. Прибегает. Кузнец показывает ему ету палку. Берет Самойло Кузнецов ету палку с довольным видом, конечно. Стал потряхивать етой палкой в кузнице, даже и кузнец стал обидиться. «Так уж будешь — говорит — потряхивать етой палкой, пожалуй, и кузнецу мою размечешь. Пожалуста, уж тогда можешь выйти на двор!»

Заинтересовались все кузнецы и подмастерья, вышли за ним, когда он стал махать етой палкой, совсем не в состоянии могли тут люди стоять. Кто попадал, кто смеялся, кто хохотал, кто плакал от страху. Потом он уж видит: дело неладно. Остановился махать етой палкой. Когда уступился и кузницы стали его угуваривать, штоб он уходил отсюдова с ей.

Стал думать он, как бы уединиться подале, штоб уж тут никто его не видал. Вот и сдумал он сбросить ету палку вверх. День ждет, другой ждет, и на третий день, значит, палка летит его обратно. Он и думает: «Вот так забава — хороша!» А когда стала долетать она, он придумал подставить голову. Ударилась палка о голову и вся в мелкие дребезги разбилась. Которы крупны он подобрал, а которы мелочь — и не собрал.

Прибежал со слезьми к матери. «Ах ты, матушка, моя дорогая, думал я, ты удовлетворишь меня этой палкой. К чему я родился такой не-

щастный! Буду маять тебя и себя!» — «Ничего, сыночек, я упеть попрошу кузнеца, попрошу, шток он ее наладил». — «Дак ничего, мама, уж если ты будешь [просить], вес то мне очень понравился, только крепость не совсем. Уж пусть он ее покрепче сделает!»

Старушка пошла со слезами просить кузнеца: «Будь ты, мой дорогой кузнечик, заставь за себя богу молить вечно! Скуй же ты обратно эту палку, только покрепче!» Кузнеца, конечно, заинтересовало. — «С удовольствием, бабушка, рад стараться!» Стал ковать кузнец, конечно, эту палку упеть с мастерам. «Ну, уж — думает кузнец — теперь уж тебе не по плечу ломать!» — Приходит старуха упеть на завтра. — «Ну как — говорит — палка готова?» — «Готова, бабушка, будь поспокойнее!» Старушка с радостью бежит домой. «Ну — думает — я все-таки сына своего удовлетворю». Рассказывает сыну своему: «Што иди — говорит — палка готова!»

Сын с довольным видом, конечно, побежал за палкой. Прибегает, спрашивает у кузнеца. «Ну как, кузнец, будет служить мне эта палка, аль нет?» — «Да, не знаю уж, брат, на деле уж это узнаешь». — «Ну — думает Самойло — дело, видно, ладное». Берет палку и идет прямо в поле. Приходит на показанное место, где бросал эту палку. Стал он махать этой палкой — загудела эта палка, как сине ё (sic) вихри урагань (sic), и полетела палка вверх, как каленая стрела с туга луга.

День ждет, другой ждет и третий день ждет. К вечеру его палка летит. «Ах — думает — вот ты где моя забава-то летит!» А когда стала под-

Рисунок из книжки. «Сказка полная о сильном и храбром богатыре
Добрыне Никитиче».

летать, он подставил голову, разлетелась его палка на мелкие части. «Вот так-так — думает на уме — пропало у меня все на свете! Не добиться мне, видно, той цели никогда!» Давай собирать он эти обломки со слезами. И пошел обратно он домой.

Мать встречает его во дворе. А у сына уж даже силы не хватает плакать. — «Что ты, сынок мой родимый, или захворал ты, или кто тебя напугал?» — «Да уж нет, мамаша, не захворал и не запугал меня никто, а только что твоя палка не годится мне нисколько». — «Что ты, сыночек мой родимый, пойду я завтра снова к кузнецу, буду плакать ему в ноги, чтобы уж как-нибудь устроил он это получше».

Вот приходит она к кузнецу, падает ему в ноги. — «Не оставь ты меня, старую старуху, совсем наша жизнь уж была расстроена. Как бы мне это сына удовлетворить? Сделай, вот, палку уж как-нибудь получше!» — «Ну да уж ладно, бабушка, постараемся как-нибудь!» Боле то ничего уж он не мог ей сказать. Уходит она с печальным видом: «Едва ли кузнец может это дело устроить». Приходит сын. — «Ну что, мама, как заказала ты ему палку сделать?» — «Да, уж ничего, сынок, помалкивай. Молился спасу, да ложися спать. Утро вечера мудренее будет!» На утро стаёт сын, видит матери дамно нигде-то уж нет. Стал не степен и не ожидать свою мать. Приходит она уже к вечеру. «Ну, как, мамаша, сработал кузнец?» — «Да, можешь пойти за палкой» — говорит.

Сын побежал к кузнецу, конечно. «Ну, как, кузнец, хороша будет палка, нет?» — «Как

могу я тебе сказать — говорит — это можешь сам на деле убедиться». Вот приносит он палку домой; хотел он сразу же пойти, но не пошел. Выдумал он, значит, переночевать дома. Вот всю ночь его мечты блуждали. «Что-то будет завтра с палкой?»

Назавтре, утром рано, на рассвете, соскакивает Самойло Кузнецов, берет палку и уходит в чистое поле. Приходит на то показанное место. И думает Самойло Кузнецов: «Што-то будет у меня с палкой сейчас?» Стал он размахивать етой палкой. Так што на работе которые были крестьяне, услышали етого гуденья, подумали оне: «Отчего, как тут буря расходилась? Должно быть завтре будет нехорошая погода!»

Размахнул палку свою Самойло Кузнецов вверх. Полетела палка вверх, как каленая стрела из туга дуга. День ждёт, другой ждет, на третьей день палка его летит. «А — думает — вот она, моя родная где!» Когда стала подлетать, он подставил свою голову — ударилась палка о голову так крепко, что он и не помнил, как свалился. День спит, другой спит, а на третий день к вечеру пробуждается. «Ах, вот как — говорит — как сладко я уснул! (Он думал, што только вот уснул). Вот — думает — ето палка!»

Взял и поцеловал ее. И пошел домой с великой радостью. Всю расцеловал свою мать. «Вот уж, мамаша родимая, теперь то вот ты меня удовлетворила етой палкой. Теперь мне нечего ожидать лутче етого! Теперь ты должна меня благословить поехать в чистое поле, в широкое

раздолье, добрых людей посмотреть и сам себя показать».

День едет и другой едет, на третий день стоит столб. На едем столбе подпись подписано и подрезь подрезано: «Кто поедет вправо, тот будет в голоде, а кто поедет по левой дороге, тот будет в холоде, а кто поедет прямо, тому придется трудно. Есть в таком-то государстве прекрасная какая-то графиня и все какие-то князья и бояра не могут ее сосватать. Там ставят столб в десять сажен вышины и в десять сажен толщины. Кто едет столб разобьет, тот может бороться с богатырем, имя у которого нигде не записано. Если он, значит, убьет этого богатыря, то может сосватать марграфиню прекрасную».

Приезжает он в то государство. Там везде ходят глашатаи, вычитывают про этот столб. «Кто найдется молодец разбить такой столб, то может подраться и побороться с таким-то богатырем, у которого даже имя нигде не записано». Выставляет свою кандидатуру Самойло Кузнецов. «Почему бы — говорит — мне было не попробовать этот столб!» Тут все стали его оглядывать снизу и доверху. «Што это, мужик уткудова такого набрался он духу? Што ты, какого черта прёшься? Тут вот какие молодцы выезжали и даже не понюхали этот столб, не то што им ломать!» — «Ничего — сказал Самойло Кузнецов — увидите мужика, чем мужик будет пахнуть!»

Всем показалось забавно это. Што же это мужик приехал на таком седёлышке, весь оборванный, ведь это просто стыд! «Как его до-

пустили!» говорят. Ну уж тут, значит, сделано. Надо, значит, приступать к делу. Самойло стал помахивать палкой. «Дак рази ты сейчас начинаешь уж?» — «Нет — говорит — зачем: я только вам пример показываю». — «Дак, како же его пример, когда стоять невозможно?» Многие даже попадали. Некоторые даже говорили: «Придется, видно, на этом месте помирать! Так как не миновать видно этой беды!»

А когда опомнились, Самойлы уж тут не было. Он уехал и хочет, значит, с разбегу набегать на этот столб. Как его скоро заметили народ, тут уж стали подыскивать себе спасения. «Как бы миновать — говорят — этой громовой катастрофы!» Видят: Самойло Кузнецов уж бежит на своем добром коне, только земля дрожит, у коня из ушей пламя пышет, из норок дым столбом идет [*из поздрей — поправился сказочник*]. У куво старые постройки стали падать, и худые печи стали разваливаться. Которые не заметили этого. Стали приписывать даже большому наказанию.

Ковда он стал добегать до этого столба, стала сверкать его палка, как молния. Ожидали его старые старики и старухи, смотрели из окон своих. «Што же его такое будет — молились все богу — когда получится ета страшная катастрофа? Наверное, уже будет нашему государству конец!» Ну, конца никакого не получилось. Только послышался страшный грохот, когда ударил этот самый Самойло Кузнецов. Полетели ети осколки, сделали много повреждений, сделали много убитых.

Ну и тогда, значит, все его утихло. Дали знать

этому богатырю, который хотел с ним сразиться. Передали ему такую страшную вещь. Такую вещь, что это было даже как будто смешно ему. «Могло ли это быть из деревни — думает он — ведь это все надсмешка?» Все же таки надо было ему поехать — уж нельзя. Со слов-то он слышал, что это мужик из деревни, а когда он уж его увидел на площади, то уж там он ему што то вещим показался. И душа его в пятки ушла. А в голове вся мысль прошла. «Ну, дак что будет, то и будет — надо с ним померяться!»

Стал спрашивать этот богатырь его имя, и отчество, и фамилию, и какого он государства. Конечно, объяснил ему мужик, что из деревни мол. Иначе он не мог. — «Зачем ты заинтересовался — говорит — мужицким именем? А вот посмотри молодецкую удаль!» — «Да — сказал богатырь — что же увидим!»

«А что же, чем же ты будешь со мною сражаться?» — «Да, так себе — говорит — у меня палка есть». — «А я думал — говорит — что ты будешь из пицали стрелять или из лука, а так я первый раз слышу, что это вы говорите?» «А вы — говорит — чем будете?» Он показывает ему свою саблю вострую. — «А это у нас бабы чеснок крошат» — отвечает ему Самойло Кузнецов. — «Так давай лучше начинать дело скорее — нечего душу томить!»

Богатырю жалко жизни, жалко марграфини. «Так уж, наверно, не придется мне боле ее видеть!» И поехали оне в чистое поле. Разъехались оне на большое расстояние, конечно. Слетались оне, ети два богатыря, как из грозных туч два могучие грома, так што у обѣх лошади

присели на задницы. Когда поразил его Самойло Кузнецов своей палкой, остались у него одне только остатки. Собрал последние он остатки, связал их себе в торока и привез он на ету плбшшедь, где была публика громадная, где ждала его марграфиня с нетерпением, конечно.

И спрашивает (она): «Куво вас поздравлять с победой?» — «Конечно, я! Раз я приехал, я и победитель!» — «А где же твой неприятель?» — «Дак вот он у меня связанный в тороках». Как поглядела марграфиня на эти остатки, значит, с мерзостью отошла. Мерзко, значит, ей показалося. Велела своим слугам разодеть Самойлу Кузнецова во што только могла. «Снять с него всё его мужицкое! Вести его во дворец!» Там назавтра учинили уж оне рбскочную свадьбу. Пир был задан на целую неделю. Стали жить и поживать и приплода поджидать. И тем дело и кончилось.

38. ЧУДЕСНАЯ ВИНТОВКА

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

В одном городе жил купец, по имени Степан с женою. У них был маленький сынок, звали его по имени Иван. Отцу так не пришлось долго зажитья, и он скоро скончался. Осталась мать с сыном.

Ну, этого сына купеческого жизнь не удовлетворяла. Мысль его направлена была совсем иначе. «Вот, мама, ты бы дала мне сто рублей, и я пошел бы на базар, купил бы чего-набить, чего у нас нет». Мать с горя и с печали в

своём одиночестве, конечно, а сына побаловать надо — даёт ему сто рублей.

Ну, он не пошел на базар, а пошел в деревню. Доходит до деревни, мужик навстречу идет. Ведет kota. «А што, мужичек, куда его kota повёл?» — «Да, дак у нас очень их много — я повел их улавить да бросить!» Видит, мужик бедный, конечно. — «А зачем — говорит — его давить? Продай мне!» говорит. — «А, пожалуй», говорит мужичек. — «Что же ты за него просишь?» — «А, дак чего я буду за него просить, коли я и так пувел его топить, што дашь, то и ладно». — «Нет, зачем, я так брать его не хочу». И подает ему сторублевую бумажку.

А мужик даже и не понял, што это за бумажка. А Иван-купеческий сын — так его звали. — «Ну, все ж таки — думает — купил я себе забаву». Повел он его в город, конечно. Тут много публики разнообразной. Шум, гам! Он испугался, стал биться и рваться, и каким-то образом скинул с себя ремешок и убежал. Долго пришлось ему гоняться за ним. А все таки пришлось упустить из виду. И так пришел ни с чем домой. И стал спать крепким сном. И когда пробудился, мать его и спрашивает: «Ну, што, Ваня, купил?» — «Ах, дорогая мама, нашел вещь, да денег мало! Вот еще бы сто рублей, дак пожалуй бы и купил». — «Ах, што-то больно дорого. Ты совсем меня разоришь!»

Мать дает ему другие сто рублей, и он взял эти сто рублей. Не пошел опять на базар, пошел опять в деревню, и увидел он охотника — несет он живого соболя. Ну, а соболя на вид — никудышный. Иван - купеческий сын спрашивает

охотника: «А што же ты, бить его будешь или растить?» — «Ну, куда нам его растить в деревне, надо так и так убивать». — «Дак ты продай мне его!» — «Да, пожалуй!» — «А сколько бы ты за его взял?» — «Да и ценить то как его, больно он плохой, сколько дашь, столь и ладно». Потому он видит по внешности его, што человек не простой. И он вытаскивает сторублевую бумажку свёрнутую, и подаёт ему.

А мужик так очень обрадовался продаже своей и не стал рассматривать сторублевую бумажку — и подал ему соболя. А Иван-купеческий сын думает: «Да ето совсем другое дело. Хошь он и дрянной, а все ж таки не кошка, все ж таки очень ценная вещь». Несет он его в город, а соболю не привыкший к такой публике, конечно, хотя был завязан на ремне, не вытерпел, стал биться у его на руках. И сей-час же вырвался.

И долго пришлось Ивану опять гоняться за ём. Сколько ни просил он публику помочь, никто не в силах же — ето, ведь, зверь пряткий. Упеть упустил его из виду. Приходит домой опять усталый и ложится в спальню спать. А на утро будит мать его. «Ну, што же ты, сынок, купил? Што же ты, сыночек не хватаешься?» — «Да куво тут купишь? Хотя и нашел получше вчерашнего, то так еще денег не хватает». — «Дак, ето што же такое?» мать с изумлением смотрит на него — «ежели будешь так ходить каждый день, пожалуй у нас и капиталу не хватит». А сын то думает: «Так или иначе, надо што-нибудь делать. Ну, да уж, мамаша, еще-то уступи сто рублей. Пускай уж

Прекрасная королева Дружневна.

будет триста, более уж тебя беспокоить не буду».

Хотя уж мать то-была страшно скупа, делать нечего. Уж так и быть. Вынимат опять ему сторублевую бумажку: «Ну, уж если сейчас не купишь, боле на глазах мне не показывайся!» Сын думает на уме: «И так уж теперь не придется видеться с тобой». Думает на уме: «Пойду на базар, што только теперь попадетя, то и возьму, не буду ни с чем разбираться».

Когда приходит он на базар, несет навстречу ему мужик — какой-то деревенский, на вид так совсем никуда не гожий — старинное ружье. «А што, дядька, продаешь ружье?» — «Ну, конечно! Уж раз на базар, так обязательно продать придется». — «А што же оно у тебя стоит?» — «Да я не знаю, как вам пондравится, посмотрите прежде». — «Дак, я в них совсем ничего не понимаю. А то вот покажи, как им стрелять».

Мужик стал ему объяснять все это, все приемы, как с ей обращаться. — «Ну и штож, ладно, говорит, а заряды-то у его есть?» — «Есть». — «А сколько зарядов?» — «Зарядов десяток». — «Ну, што оно теперь будет стоить?» — «Дак, наверно не забидите. Сколько ладите». Подает ему сторублевую бумажку. Мужик с восхищением взял ету бумажку. Некогда было ее рассматривать — так он пустился бегом в путь и до постоялого двора.

А Иван-купеческий сын с етой с винтовкой пошел и думает себе: «Вот как теперь — с торговли приходится охотиться». Приходит он домой. Мать спрашивает его: «Ну, што, как, Ваня, купил чего-нибудь?» — «Да, мама, шел, да заветил: што попадетя, то и куплю. Вот и

попала мне самого старого образца винтовка». — «А што ты ето умом рехнулся—етакое барахло покупать! А сколько же ты за его дал?» — «Дак вот эти известные триста рублей и дал за нее».

Мать даже не могла пошевелить своим языком. Даже и не знала, што сказать. Да как даст ему пощечину! И вот только он чуть-чуть устоял на ногах. И вот только он и сказал: «Вот, мама, чем ты меня благословила!» — «Да больше и нечем тебя благословлять! Так и владай на всю жизнь етим благословением!» Сын думает: «Ладно! Коли уж мать так сказала!..» Горько заплакал и вышел с отцовского двора.

Пошел он с етой старинной винтовкой, куда глаза глядят. Прошел он город, прошел и деревню, прошел он другую, прошел и третью. Да и думает себе: «Я ведь не по деревням шляться взял винтовку. Тогда какой же толк? А ведь надо мне запастись чем-нибудь». И вот были у его еще кой-какие деньжонки, приобрел он себе котомку, конечно; купил котелок, сухариков и повернул в лес. «Ну, уж, думает, теперь я жизнь буду проводить в лесу, не где-нибудь там, в шумном городе».

День идет, и другой идет, а третий день слышит какой-то шум и треск, визг и рев. Он не может понять, в чем дело. А все-таки думает себе: «Раз я охотник, я не должен никого бояться. Надо итти туда. Што такое там творится?»

Выходит он из лесу на песочную поляну, на етой поляне стоит страшный бой — двух могучих царей. А какие цари ето были? Один был царь зверей: звать его Лев Константинович. А одиц был змей, царь змей — Горинович. И

вот они бьются, так утомительно уж. Проглядел он несколько часов на них.

Стал он реветь усиленным голосом к ним. Стал спрашивать, какая между ними вражда может быть. Два чудовища эти остановились. Стал объяснять ему лев: «Вот мы такие два животные. Один — царь зверей, другой — царь змеев. Поэтому мы никогда не можем дружить. При любой стрече нашей, во всякое время, должны мы друг друга победить. Пока до тех пор мы будем биться, пока один одного не убьет. И вот это все могу я вам рассказать».

Начинает Змей Горинич говорить: «А вот что, Иван-купеческий сын, который тебе покажется по сердцу: лев или я? За того ты можешь стоять. Если при нашей борьбе убьешь ты льва, то я тебя не оставлю и золотом, и серебром и драгоценными камнями, которых хватит у тебя на всю твою жизнь». — «Ну, нет — теперь лев говорит — если бы ты, Иван-купеческий сын, убил змея, я б ничего не мог так дать, а только один обручальный персень [перстень]. Хотя на вид-то уж не так завидный, но дельный». И вот опять они схватились драться. И вот давай они тут вертеться, кувыркаться во все стороны. И победа была ничья.

За все это время Иван-купеческий сын сидел и думал: «Которо же будет ему лучше: или обладать такими несметными сокровищами змея — ну до чего же он казался ему противным, так что все сокровища эти не прельщали его нисколько. А уж лев-то, по крайней мере, хоть поглядеть то любо! Хоть он если меня не очень удовлетворит, ну сам-то он чистенький,

красивый. Я думаю, он, вообще, в мире может принести менее вреда». И направил свое заржавленное ружье, и стал он целиться уловками в голову змея.

Настал его роковой момент и послышался выстрел. Как только после выстрелов змей сразу перевернулся. От которого сразу отшатнулся лев. Только поглядывает с удивлением: «Что это будет дальше?» Ну и, в конце концов, подошел роковой момент этого змея — стал он затихать. Ну не мало повалил он лесу в етим месте своим могучим хвостом. В конце концов совсем уж утих.

Тогда сказал лев: «Ай-да Иван! Вот-дак, Иван-купеческий сын! Все ж-таки я должен-быть понравился вам лучше по сердцу». — «Ну, што — говорит Иван-купеческий сын — может быть настолько я понимаю, сколько петух ячменное зерно». — «Ну, должен я теперь вас отблагодарить. Хотя и на первый взгляд покажется не так интересным, а впоследствии может и пригодится».

Снимает он с правого когтя самосветящийся перстень: «Вот это знак твоей услуги!» Подает оп Ивану-купеческому сыну. Иван-купеческий сын надеёт его на правую руку и было совсем хотел итти дальше. Тогда остановил лев его. — «Постой, ведь это еще не конец. Ведь этот перстень имеет свойство». — «А какое же у него свойство?» — «Нужно его с руки на руку перевернуть и надеть. Тогда выйдут двенадцать молодцев и что только им ни прикажешь, то и могут сделать вам». — «Очень даже благодарен, Лев Костинтинович. Я даже не думал этого от вас».

Вот они попрощались, всяк в свою сторону стал расходиться. И потом вздумал Иван-купеческий сын: «Што ж это я? Взял перстень со слов только, а ведь я не испытал его». Взял его с руки на руку, перевернул — и очутились двенадцать молодцев. — «Што изволишь, господин хозяин?» — «А как бы мне пообедать?» И што только есть в мире, какие яства, — все тут было предоставлено. С удивлением думает Иван-купеческий сын: «Для чего-то такая роскошь?» Ну, значит, он, конечно, покушал. И опять с руки на руку перевернул — и не стало их. И пошел он. И думает: «Дак чо же я утомляюсь — иду: не делают ли какой помощи эти молодцы?» Опять же с руки на руку перевернул, надел. И опять очутились двенадцать молодцев: «Что изволишь, господин хозяин?»

Он слышал об одном прекрасном царстве. Когда-то читал. Вот при етим удобным случае он и думал воспользоваться етим делом. — «Дак вот тут, братцы, не перенесете ли в то государство?» — «Рады стараться, господин хозяин!» Пока еще он это не переговорил, а они: «рады стараться!»

Идет он уже по незнакомому государству, по городу. «А где бы тут поискать квартиру сламенькуё — думает на уме — хотя, ведь, нельзя так сразу на видном месте, — надо где-нибудь так в уголке». Вот он откупил себе квартиру. Бывает он везде в разных собраниях, видит-то он много, а слышит еще того боле.

Живет в том городе какой-то царь сламный, а у него дочка: посмотреть — одно только чудо. И живет она уединенно — никовда ее никто не

видал из мусково полку. Единственно только восхищались ее портретом или бюстом, если только кто видал. Многие даже князьи, дари и бояра засылали своих сватов сватать на ней. И всетаки выходила им неудача — все отказывала она им. Почему отказывала? Да потому, што больно требовательна была. Никто был не в силах исполнить ее требование.

Вот ети-то разговоры и слышал везде в разных гостиницах. Только вот, мол, и остается пустой разговор — никто не может достигнуть до ее. Вот и думает Иван-купеческий сын: «А что, попытать счастья?» — «Дак нет уж сразу я так не буду. Дай-ка устрою гля себя там уж какой-набить дом!» Конечно, с руки на руку перевернул свой перстень. Очутились двенадцать молодцев:—«Ну, што изволишь, господин хозяин?» —«Ну вот, как бы мне вот что построить на подобие дворца што ли?»—«Ну ладно, не печалься, хозяин! Молись спасу, да ложися спать! Утро вечера мудренее!»

Вот он лег спать, конечно, а утром-то пробудился — совсем уж не то видели: в боярских хоромах лежит он с изразцовой лежанкой в кровати, слуги везде и горничные снуют взять и вперед, какая то суета. Не знаешь, где и куво встретишь! Иван-купеческий сын даже с удивлением смотрит: «Вот дак перстень! Вот дак Лев Костинтинович! Ну дак што же, надо наслаждаться — думает — теперя, раз уж так пришлось».

А об своей-то старой винтовке уж и забыл. И думает: «Надо, ведь, ее прибрать. Для меня-то ведь, она такая ценная». Значит, стал у слуг спрашивать: где она находится? И никто не

знает. Да и он и думает: «Да, ведь, у меня есть перстень» — с руки на руку перевернул. Очутились двенадцать молодых: — «Што изволишь, господин хозяин?» — «А вот где-то моя винтовка? Штоб была мне предоставлена». И велел ее приложить, штоб никакие слуги ее не знали. И вот опять с руки на руку перевернул — и их не стало.

Стал он жизнью городскою наслаждаться. Стал он участвовать везде в клубах и в киятрах. Стали все к нему относиться уже с уважением. Стали его звать по адресу и по фамилии. Никто только не знал, как величали. Но знали только по адресу: Иван-купеческий сын. Даже и царь стал с ним знакомиться. Заинтересовало его, конечно. Даже стал и бывать у царя и приглашать царское семейство.

Интересно было ему увидеть царевну — ну никак даже не приходилось. За все время его жизни тут много женихов уже побывало в тем государстве. И всем досталась только одна неудача. «Што — думает Иван-купеческий сын — попытать разве мне посвататься на ней, хотя я ее не видал». Думает: «Дай-ка попробую».

С руки на руку кольцо перевернул, явились двенадцать молодых. — «Што изволишь, господин хозяин?» — «А вот, как бы мне посмотреть ету царевну, спящей в спальней». И вот представилась царевна спящей в спальней. «Вот — думает Иван-купеческий сын — так она ему пондравилась — не оставлю я задуманного дела». И опять же он попросил, чтобы быть ему на старому месте. И вот он очудился у своего дому.

Стал он подыскивать сватов. «Как же-ети

сваты говорят—главное дело, за купеческого сына, да еще у царя». Никто не соглашается. Он стал просить их убедительно. Взял на себя ответственность, што уж, в крайнем случае, отвечает он сам. И вот поехали сваты. Нашлись такие подходячие — и вот они сватаются у царя на прекрасной царевне за купеческого сына.

С удивлением царевна слышит это там по телефону, што вот, мол, купеческий сын приехал. «Вот, мол, дожидла я до чего!» Хотя она подумала: «Может быть, он так хорош и, может быть, он человек богатый». А уж она слышала про его рёсочь. И вот она сватам заказала письменно. «Если только может он иметь меня женою, чтоб он сѣднишнюю ночь устроил у нас во дворце прекрасный сад. В етим саду штобы были птицы райские и пели песни царские!»

Отпустил их царь. Приезжают обратно. Заявляют етому жениху, што вот, мол, требует невеста от вас такой подарок. «Будет ли вам это под силу?» — «Попробуем, увидим!» говорит. Вышел он на двор. Конечно, вечером. С руки на руку перевернул свой перстень. Выскочили двенадцать молодцев. — «Што изволишь, господин-хозяин?» — «А вот чтоб сѣднишнюю ночь был устроен сад и чтобы в етим саду были птицы райские и пели песни царские». — «Рады стараться к вашим услугам!» Упеть же кольцо с руки на руку перевернул, — их не стало.

И вот пошел в опочивальню спать. На утро он подымается, и опять посылает сватов. Што же, сваты приезжают на царский двор, видят: там прекрасный сад, что не в сказке сказать, не

пером описать. В нем были птицы райские и пели песни царские. «Ну — думает — ладно, может наш жепих отличиться!» Вот они начинают сватать. Царь ничего не имеет, говорит: «Как невеста?» По телефону в терем спрашивают невесту. Невеста еще этому не довольствуется. Если правда, хотит он меня своей женой, то пусть будет сѣднишнюю же ночь выстроен хрустальный мост от дворца и до женихова дома. И чтоб были еще на нем гусли-самогуды и чтоб оне играли!»

Приезжают обратно сваты. И сказывают жениху: вот, мол, так: задает трудной уж такой вопрос. «Ну, ладно — думает Иван-купеческий сын — утро вечера мудренсе». Вышел он на двор, с руки на руку перстенень перевернул, выскочили двенадцать молодцев: «Што изволишь, господин хозяин?» — «А вот, чтобы сѣднишнюю ночь от царѣва дворца и до моего был бы хрустальный мост, и чтоб были еще гусли-самогуды, и чтоб они играли!» «Рады стараться, к вашим услугам!» Опиять же с руки на руку перевернул, — и их не стало.

На утро встает он, засылает опиять сватов. Которые думают: «Теперь, однако, приедем нп с чем». Приезжают государю. Государь говорит: «Ничего я не думаю, ничего я даже не имею». По телефону требуют невесту.

Невеста и думает: «Вот ведь, какой привязчивый! Едва ли от него и избавишься». Она уже думает: «Теперя задам я ему такой трудный вопрос, чтоб он скорее отказался. «Ковда, если только поеду к венцу, чтоб лошади все были не подкованы, а ковда приеду из церкви, то што-

бы обсмотреть лошадей и штоб были оне подкованы!» Вот письменно она им и послала.

Вот сваты припечалились, поехали обратно к жениху. — «Што же ето будет с нашим женихом? Наверное откажется от етого трудного дела?» Приезжают и рассказывают жениху: «Так вот и так, как знаешь, а боле, мол, помочь не можем ничем». — «Ну ладно, што же — подумал он — утро вечера мудренее».

Вечером же он выходит на двор, берет свой перстень, с руки на руку перебрасывает. Выскакивают двенадцать молодцев: «Што изволишь, господин хозяин?» — «А вот уж трудная задача! Невеста задала такую трудную задачу, што едва ли выполнимо». Рассказывает им. Обещаются, значит, ети молодцы в исправности все это сделать.

Утром посылает сватов. Сваты, значит, обсказывают все это невесте. Невеста, значит, объясняет, што могу, дескать, быть его женою. «Дак только, штобы когда от венца приедем, был у него новый дворец и штоб пир был задан в новом дворце. Если ето исполнит, то может ехать по невесту».

Приезжают сваты обратно. Сказывают Ивану-купеческому сыну, што невеста уже согласна, но только на тех условиях, што приехать от венца в более роскошный дворец. Конечно, он на вечер выходит опять на двор, кольцо с руки на руку перевернул, выскочили двенадцать молодцев. — «Што изволишь, господин хозяин?» — «А вот от венца когда нам быть, чтоб быть уже нам в новом дворце!» — «Все ето будет выполнено!» Даже хочут участвовать в поезде ети

молодцы. Он так и не стал перевёртывать этот перстень.

На утро встает: подготовлены лошади к брачному союзу. И вот он поехал со своим поездом к царю. По приезде к царю выходит так долгожданная его невеста. Здравятся с им и целует в сахарные уста. Потом повели их за брачный стол, а потом уже к венцу.

Потом они усадились и гости в кареты. Невеста сама пошла осматривать лошадей: подкованы али нет. Ковда она посмотрела и потом сели и поехали к венцу. И в самый короткий момент они были у храма. По выходе из кареты царевна пошла осматривать лошадей—и чудесным образом были все лошади подкованы на серебряные подковы. «Вот так, так—думает невеста—ну, однако, не сам же жених делает все это!» Нековда было раздумывать—она стали под венец. Скорым временем обвенчались и свешеник поздравил их с законным браком. И все гости по очереди подходили и поздравляли—и вот они поехали обратно и заехали на хрустальный мост, где их тут встречали с музыкой гусли-самогудки.

Гости так все загляделись. Им чудо из чудес показалось все это. И видят, новый дворец выстроенный. Все так чисто убрано. По парке зному полу едва ли не опасно было итти им, штоб не поскользнуться и не упасть. Пир был задан на цельную неделю. Конечно, там уж вина не жалели на роскоче етой—все изысканные вина были тут.

На етой же свадьбе царь заявил, што он очень стар и всецело обещает свой царский престол

своему зятю. Который в скором времени садится на царский престол. Стал он жить да поживать, щастье с радостью глотать. Он все думает, што так пойдет дело по маслу, — а со временем вышло совсем не то.

Царевна стала такая любительница, везде стала разъезжать, все ето ей было доступно. Она даже в разные государства ездила и за границу. Во время етой её поездки пондравился ей один царь, по прозванию Кашель, царь бессмертный. Вот она ето и задумала—ето все перенести свое царство в царство Кашеля, царя бессмертного.

По приезде своем из-за границы, как тут убедился, уверился в своей жене, никакие тайны он не скрывает от нее. Знала она уж хорошо, што есть у него такой чудодейственный перстень.

В одно прекрасное время украла она у него етот перстень и с руки на руку перевернула. Очутились двенадцать молодцев. — «Што изволишь, сударыня?» — «А вот, штоб сѣднишнюю ночь перенести все ето государство, и етот хрустальный мост с гуслиями-самогудками в туѣ царство, где проживает етот Кашель бессмертный и штоб были мы в одной спальной, а Иван-купеческий сын, штоб выброшен был со своей старой винтовкой!»

На утре разбудился Иван-купеческий сын. Уж не в царской одеже, а совсем в каком-то аборваным армяке, лежит среди улицы и коло него лежит его старая винтовка. «Ах, што же ето такое. Я вижу сон или што ли?» Начал звать он свою царевну—а никакой царевны не представилось, и оказалось все ето сущая правда.

«Вот так-то — думает — потеряна моя жизнь навеки, приходится опять браться за эту винтовку!»

Пошел он по городу со своей винтовкой. Везде его презирают, даже и были которые такие любезные знакомые и те даже на него не смотрят совсем. «Так што же теперь делать? Надо уж теперь забираться в какой нибудь захолустный угол!» И вот он стал спрашивать у людей милостыни. Кто и подает, кто и из двора гонит: «Ишь ты какой лиходеи стал милостыню собирать, можешь и сам работать!»

Немножко поднабрал он сухариков и отправился опять в лес. И так он шел-шел и крепко утумился. Вздумал отдохнуть на зеленой мураве. Как ли долго, мало ли спал, етого он не знает. Он так удивился, пробудился. Што же ето такое ему показалось. С удивлением видит он старого престарого кота. Весь в лоскутьях, шерсть с него облезит и ничем не лучше такого же старого соболя.

«Вот извиняемся, хозяин, все ж таки мы тебя нашли». — «Дак гля чего же было меня искать? Ето надо было тогда меня искать, ковда я был при хорошей удовольствии. Я товда бы вас пристроил все ж таки к месту. А теперь вы пришли ко мне последние сухарики доедать. Теперь ето уж дудки. Мне бы хоть и худо, но все же пожить то хочется пока с сытым то брюхом». — «Нет, зачем, хозяин, мы не пришли твои сухарики доедать, а пришли твоему горю помочь». — «Так, что же вы, как ето, откуда набрались такого слуху обо мне?» — «Мало ли, слухом земля полнится», оне ему говорят. — «Дак, што же,

в чем же вы можете мне помочь?» — «Прежде всего объясни нам свою беду!»

Вот он стал им рассказывать свое прошлое. И рассказал свой чудодейственный перстень, не распространялся уж много им. И вот похищен царевой етот перстень. И вот ето все чудо перевезено в такое то государство. — «Да, говорят, можем, покаль наших сил хватит», обещают соболь и кот. На самом деле, какие-то звери ничтожные, чем же они могут помогчи? «Ну, дак если вправду можете помогчи, то достаньте етот перстень!»

Вот, ничего не говоря, они отправились в путь-дорогу. На пути ихней была большая река. На етой реке они увидели сеть. В сетé запутану рыбу. Какая была рыба? Была шшука. Едва дышала только шшука. И вот хотели оне пообедать етой рыбой. Шшука им в ответ и говорит: «За-чем такой ничтожный обед, пустите меня в воду, может быть, когда пригожусь я вам». Кот! говорит: «Съисть надо»; а соболь говорит: «Нет!»

Вот между ними вышел спор. Кот говорит: «Между нами какое может быть сходство. Мы — звери, а она — рыба, живет в воде, чем она может помочь?» — Соболь говорит: «Нет, мы звери посланные. Может быть, иногда и всяк случится». И все ж-таки соболь настоял. Опустили шшуку в реку. И вот оне переправились через ету реку. Направились к Кашелю, бессмертному царю.

Вот и пришли оне в царство, где находится царевна. Через стену и в сад. Кот дал строгий приказ всем мышам, чтоб все собирались. Ковда мыши собрались, стал кот вопрос задавать:

«Не знаете ли, где царевна хранит этот перстень?» Одна такая ничтожная мышка вызвалась: «Путешествовала я по царскому дворцу и каким-то поводом затискалась в спальню и видела у царевны: кладет она перстень в рот, когда ложится спать».

Кот и спрашивает: «А можешь достать этот перстень?» — «Ну, во всяком разе!» Ей даже показалось это забавно. Что же ничтожный зверек — как он может достать этот перстень. И кот погрозил этой мышке: ежели не достанешь, то где бы то ни было я тебя найду и тут тебе будет капут. Мышка улынулась и убежала.

К вечеру протискивалась она в щель, в спальню и где-то там и помойной яме оммкнула свой хвостик длинный и вот она хранила эти капли на своем хвосту: как бы ей не уронить. Дожидалась царевны в своей спальне. И, конечно, дошел тот момент, пришел Кашель, царь бессмертный, с царевной в спальню опочивать. И в это время видала мышь, как она клала перстень себе в рот.

В короткое время царевна захрапела крепким сном. А Кашель царь еще не спал. В это время мышка шмыгнула на кровать, и тихонько стала пробираться к ее носу. И зачихала свой хвостик в ноздрю, где у ней так сильно засвербила. И сквозь просонок она не могла удержаться и так сильно она чихнула, чуть даже не до пердюха. И этот момент вылетел перстень у ее из роту, и упал на пол.

А вот уж и мышка воспользовалась этим случаем. Пока ставали, искали, мышки давно

уж нет и перстня тоже... Сейчас даже мышка преставилась к етому коту с перстнем. С нижайшим почтением она передала етот перстень. — «Ай да мышка, ждет тебя награда, а теперь-то время нет!»

А кот представился к соболу. Ну уж теперь-то оба отдохнут они легко. Должно быть сослужили службу хозяину. Стали спорить они насчет перстня: кто понесет етот перстень. «Конечно, я — говорит кот: больше моего труда забито!» — «А как ты через реку переправишься с им?»

Вот поспорили и пошли. И поплыли оне через реку. Ковда доплыли до половины, соболь видит кота, что он уже не в силах дальше продолжать. Соболь подставляет свою спину коту, велит взбираться на себя. «Ну, думает кот себе на уме, теперь все ж таки уж переберемся. Уж теперь благополучно, недалеко от берега».

Соболь тоже устал. Вот-вот уж, последние силы напрягает. И вот сидит кот важным барином: «Сейчас, мол, выпрыгну на берег». Когда хотел он прыгнуть, ну не мог вытерпеть и сказал, што слава-бох! — и в это время из роту вылетел перстень. Вот так и прощай теперь, как и звали перстень.

Вышли на берег, сочинили драку. До тех пор дрались, покаль соболь всеё шкуру чуть с него не снял. — «Ведь я говорил, что я понесу». — Да уж делать нечего, значит, уж стали оба старыми. Легли отдохнуть. В ето время показалась чошуй рыбья, — и вот выплыла шщука на берег и оставила на берегу перстень. «Вот вам долг платежем красен», сказала шщука и ушла в воду.

Тогда сказал соболю: «Нет уж теперь я понесу. Я более не доверяю». И пришли к Ивану-купеческому сыну, нашли его. И отдали ему перстень. Поблагодарил их Иван-купеческий сын за ихнюю услугу. «Ну, а потом уж я вас пристрою», сказал.

А сам с руки на руку перевернул перстень, очутились двенадцать молодцев — «Ну, што изволишь, господин хозяин?» — «Да вот, говорит, севоднешнюю ночь перевезен был бы етот дворец с Кашелем-царем бессмертным и со спальней на старое место!» — «Ну, хозяин, молись спасу, да ложися спать. Утро вечера мудренее!»

А на утро видит, находится он в роскошной своей спальне, в своей прежней, и пошел разыскивать, где царевна находится с етим царем. И нашел в ихней спальней, которая была перевезена оттудова. Поглядел на них, конечно, как оне блаженствовали тут и дал, значит, знать сейчас же царю.

И сейчас государь прибыл со своею свитою. Пошли оне в спальню. Увидел свою дочь государь с незнакомым человеком и присудила государева свита Ивану-купеческому сыну посадить на вечную темницу Кашеля-царя бессмертного, выколоть ему глаза, а царевну казнить позорной смертью.

По действию етого перстня, был скован Кашель-царь бессмертный навеки, и выкопаны ему глаза. А Иван-купеческий сын женился уже не на царской, а на купеческой дочери, где он раньше проживал. И достал свою мать и проводил свою мерную [мирную] жизнь до глубокой старости.

39. БЕСПЕЧАЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ

На одном хорошем тракту стоял монастырь. Этот монастырь посещало очень много народу. Ни один не проезжал мимо этого монастыря. В одну прекрасную время, утром рано пришлось проехать одному крестьянину. Человек как религиозный, хотел он зайти и помолиться. И уж не тут-то было. Монастырские ворота были очень крепко заперты. Давай стучаться в ворота. Подумал, что крепко спят в монастыре. Ну, никак не дождался никого он.

Только стал прислушиваться. Не то были гимны, не то стихи, или просто песни. «Да что же, оказывается гулянка?! Оказывается беспечальный монастырь!» Вынимает крестьянин памятную книжку, отрывает листок, пишет крупным шрифтом: «беспечальный монастырь». Скрывает таким скрытым месте, залепил и уехал.

Не долго прошло его времени, пришлось проезжать етим трахтом государю. И вот он тоже захотел помолиться в монастыре. Да только попалась ему эта самая бумажка на глаза. Что такое? С изумлением смотрит: «беспечальный монастырь». — «Как же его печали нету у его? Ковда я ведаю всем государством, и то печали и нужды у меня по горло!»

Заходит он в монастырь. На стречу ему идет отец-игумен с крестом. Приложился ко кресту государь. «Да что же это, оказывается у вас беспечальный монастырь?» — Игумен несколько струсил. — «Что бы значили эти слова государя?» Остается не в доумении. Государь опять

же ему повторяет: «У вас, оказывается, беспечальный монастырь?» — «Откуда вы это знаете?» игумен спрашивает смиренно. — «Да, вот, пойдемте посмотреть на улице у вас есть какая-то вывеска: беспечальный монастырь».

Когда игумен увидел это, стал извиняться, что кто-то устроил такую подлость. Что мы в монастыре не можем быть беспечальны. Государь сказал, что это не зря, а наверно, кто-то знает вашу беспечальность. — «Дак, вот что, отец игумен, я наложу на вас печаль!» — «А какую же вы хотите наложить печаль на нас?» — «Да вот даю вам недельный срок. Задам вам задачу, чтобы вы мне ее разъяснили. И так попечались эту неделю все бы монахи. Первая задача будет: сошсчитать на небе звезд; вторая задача — небеса выше или тот свет дальше, как называют? И потом, оцените меня: что стою я?» Сечас сял и уехал.

Игумен приносит такую печаль всем монахам. «Вот что, братья, государь заехал помолиться — вместо моления оставил нам печаль». Монахи все в недоумении. «Что такое, отец игумен говорит такое непонятное? Дак, говори же, отец игумен, правду ли ты, врешь ли?» — «Дак, вот что, братие, кто-то насмеялся над нами, залепил бумажку. Написано жирным шрифтом: беспечальный монастырь. Он за эту-то вывеску и оставил нам печаль».

«А какую же?» — «Дал нам недельный срок. Чтобы сосчитать на небе звезды — первая задача; а вторая задача — узнать небеса выше или тот свет дальше, а третья задача — оценить самого царя, что он стóбит». — «Вот так-так!»

Все зáхнули. Где же это смёртному человеку угадать такие задачи? — «Делать нечего, придумайте. Может кто и угадат».

А время близко. Некто не думает угадывать. А только думают, что казнит всех. Один думает монах: «Так и так, жизнь не далеко, а уж лучше погулять и повеселиться. Дай, пойду в трактир, выпью порядком, чтоб скорее время только прошло, чем беспокоить себя».

И приходит он в трактир, заказывает огромный зáпас такой, трактирщик удивился, зачем же такой большой зáпас? — «А с горя и с печали», говорит монах. А тут как раз один трактирский пьяница. — «Что вы, отец, что вы, отец, какая вам печаль?»

— «Да, не говори, брат, некогда мне с тобой растабарывать». «Что ты, отец, может быть я тебе помогу». — «Едва ли ты своим кабацким делом поможешь мне-ка. Вот что, брат, государь ныне проездом наложил на игумена и монахов печаль. Задали три задачи и никому они не выполнимы». — «А какие были задачи?» спрашивает пьяница. А тот и стал ему шутя рассказывать. — «Да, ведь, оказывается совсем пустяки», говорит пьяница: «очень просто, могу отгадать я».

Монах даже оставил свое гулянье. И вот повел его к отцу-игумену, который щедро тебя наградит. Когда приходит к отцу-игумену, монах заявляет про этого пьяницу. «Вот что, отец игумен, оказывается, человек находится нас выручать». — «Да неужели?» говорит отец-игумен. «А вот сами можете лично переговорить с ним».

Берет отец-игумен етого пьяницу, ведет в свою комнату. «Ну дак что, брат, говорил тебе послушник всю ету историю?» — «Да, очень хорошо запомнил». — «Ну дак, брат, берись. Что будет стоить, заплотим». — «Дак что тут плата — я не особенно в ей нуждаюсь. Прежде всего я должён надеть ваше игуменское одежду и облачение. Ведь надо привукнуть мне за ето время ходить, как игумену, а то я, — ведь знаете — просто пьяница». — «Давай, сейчас и поменяемся одеждою оба».

Пьяница надевает одежду игумена, а свою подраную дает ему. Нечего делать — хотя и неприятно, приходится надевать. Ковда они переоделись, пьяница и говорит ему: «Отец игумен, представьте мне несколько десетей бумаги». — «А гля чего это?» спрашивает отец игумен. — «Ето лично мое дело. Надо, ведь, счеты как-нибудь сводить, звезды представить, а время уж близко».

Отец-игумен заказал послушнику принести бумаги. Принесли несколько десетей бумаги, и вот он взял карандаш и начинает писать. Писать-то было чо. Только заглавие поставил: подсчёт звезд. А тут стал ставить цифры несложные такие. Где 20, где 30, а где и сотню, и 1000 поставил, а где и 2 и 3. И так закончил все ети бумаги в цифрах.

Ковда приходит отец-игумен к нему. «Ну как, доканчиваешь ли нет?» спрашивает его. — «Да покончал», говорит. «А остальное измерил как? Как до неба и до того свету?» — «Да ето я давно знаю», тот пьяница говорит. Ну-с ладно, значит делать нечего было.

Приходит время — назначенный срок уже подоспел. Все монахи ждут с нетерпением царя. Только один игумен ни об чем не думает. Как будто бы не его дело. И вдруг появилась коляска. Приезжает государь со всею пышностью. Встречает его игумен с крестом. «Ну как, отец-игумен» — спрашивает его государь — угадал ли то, что я вам задал?» — «Дак не знаю», говорит пьяница.

Усадил государя в кресло, а сам приносит несколько дестей бумаг, подает государю. — «Можете просмотреть, ваше императорское величество». Царь начинает рыться в этих бумагах. «Да что ты, отец-игумен, наврал тут много?» — «Что вы, ваше императорское величество, в чем вы узнали, что я тут наврал?» — «Конечно, наврал! Одне цифры да и цифры и больше ничего!» — «А вот я счет-то не могу вам сказать, каки там миллионы или легионы. Я вам и составил, а вот если вы не верите то можете проверить сами».

Царю смешно показать, кто же может на небе звезд проверять? «Правда, говорят, что частями-то, верно, вы могли сосчитать. Ну а как вторую задачу? Узнали ли нет вы, тот свет дальше или небеса выше?» — «Да уже узнал». — «Ну а как?» — «Да, вот я на небе слышу стучают — брякают, а до того свету должно-быть далеко. Мой отец теперь же уехал на тот свет двадцать пять лет и до тепере его нет. Поэтому далеко дальше тот свет». — «Однако неправда» — говорит государь, — ведь ето все надо знать на деле». — «Узнайте сами, может быть и поверите мне-ка», говорит отец игумен.

Государю тоже так забавно показалось — нашел правильное разъяснение. «А ну-ка, как теперь третью задачу: поденили вы меня?» — «Да вы, ваше императорское величество, стоите двадцать девять рублей». — «Как так, что ты? Каким ты способом мог меня ты оценить? Когда простой подёнщик берет тридцать рублей в месяц!» — «А очень просто», говорит игумен етот. «Ну а чем вы докажете?» — «А вот у нас небесный царь был продан за тридцать серебрянников. А вы-то, ведь, земной — на рупь должны дешевле быть».

Царь рассмеялся и ничего не сказал. «Дак вот угадайте, что я думаю на уме?» государь говорит. — «Да и ето угадал». — «И что-же?» — «Дак вы думаете: все-ж таки молодец игумен монастыря! — А вот вы и ошиблись». — «Как так?» «А ето молодец — не игумен, а я — пьяница трахтирей и кабака!»

Как так? Пошли спросы и допросы. Ну и выяснили, что сам-то игумен уклонился, и разъяснил все ето дело игумен-пьяница. Тогда пьяницу оставили игуменом монастыря, а игумена отправили шляться по трахтерам и кабакам.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сказки Е. И. Сороковикова записаны в 1925 году М. К. Азадовским; печатаются здесь впервые. Краткие сведения о личности сказочника, его репертуаре и манере — в отчете Этнологической Секции Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества («Сиб. жив. старина», в. V, Ирк. 1926; стр. 170—173).

37. Самойло Кузнецов. Сходных редакций в русской сказочной литературе не встречается. Сюжет, как он дан Е. И. Сороковиковым, представляет самостоятельное развитие отдельных эпизодов: изготовление богатырской палицы (ср. Сок. 105, 153) и бой с богатырем (частичное соответствие Анд. 300).

38. Чудесная винтовка — сюжет волшебного кольца (Анд. 560); один из наиболее распространенных мировых сюжетов: в русских записях известно свыше 20 вариантов. Основные моменты его следующие: 1. Покупка kota и собаки; у Сороковикова — кот и соболек — характерная сибирская замена. Такое же сочетание в уральских сказках (Перм. Сб. 46 — плохо сохранившийся вариант, очевидно, также сибирского происхождения). 2. Добывание кольца. 3. Женильба и измена жены. 4. Возвращение кольца. Эта схема встречается с теми или иными небольшими отклонениями почти во всех вариантах: Аф. 112 а в; Худ. 1, 8; III, 92; Эрл. 20; Сд. 5, Перм. Сб. 46, 87; Сок. 120; См. 34, 283, 301; Аз. 1, 11; Красн. Сб. 11, 39. В варианте, напечатанном в «Рус. Слове» 1861,1 (перепечатано у Афанасьева, в примечании к № 112), Иван-Дурачек получает волшебное кольцо в качестве жалованья. Мотив покупки отсутствует у Сок. 146. См. 30. В первом («Волшебное зеркало») — как видно уже из заглавия, роль кольца исполняет зеркало. После измены жены, герой попадает в подземное царство, где кошка командует зверями. По ее приказанию, звери добывают кольцо. Сок. 6: кольцо добывают ученые собачки, принадлежащие герою, вне каких бы то ни было чу-

десных моментов. С м. 30 («Мужик и чорт»): кольцо добывается чорт, он же после выручает его. Здесь, по всей вероятности, сказалось влияние соседних финских племен (вариант записан на севере, в Вологодск. губ.), в сказках которых этот мотив очень распространен.

Эпизод получения кольца имеет несколько версий: герой освобождает (путем покупки или другим способом) заклятую царевну (А ф. 112 в; А з. 11), в некоторых вариантах — мотив оборотничества заменен покупкой змеи: С д. 5; С к. 120; С м. 34, 301; Х уд. 1,8 (покупка лягушки) и несколько обособленно — Э р л. 20: покупка в третий раз шута, который дает выкуп за себя — кольцо. В прочих вариантах: А ф. 112 а, Х уд. 111, 92; К р. 11, 39 — кольцо снимается с руки мертвой царевны. Х уд. 1,7 — кольцо дает сыну мать; С м. 283 — сын находит кольцо в награду за свою доброту, выразившуюся в покупке предназначенных к уничтожению зверей.

Варианту Сороковикова: получение кольца, как награда за помощь одному из противников в борьбе зверей, соответствует Сок. 6. «Ваня-Охотник», рассказанный хозяйственным мужичком, А. Шарашовым. В сравнении этих двух вариантов особенно сказывается индивидуальный подход к одному и тому же мотиву. У Сороковикова — сражаются лев и змей; у Шарашева: змей и медведь. У первого — помощь льву обусловлена чисто эстетическими соображениями (стр. 285), у Шарашева же — мотивировка хозяйственника: «Он подумал, которого убить. Если медведя оставить, то коровенку последнюю съест. Убил медведя. «Но ярче всего своеобразие и оригинальность Сороковиковского изложения сказались в подробностях скатовства и в эпизоде измены. В первом преобладают «культурные моменты»; кроме того, обычно, сказители не развертывают в подробностях второго момента, ограничиваясь сообщением, что царевна выпытала тем или иным способом тайну кольца. Сороковиков тщательно и подробно вскрывает психологическую сторону этого эпизода: купеческий сын, благодаря кольцу живет со своей женой, ни в чем не нуждаясь; она путешествует, часто ездит за границу, там влюбляется в Кошея и т. д.

Оригинальным приемом Сороковикова является и введение эпизода бегства зверей после покупки. Обычно купленные звери не играют никакой роли в дальнейшем

развитии сюжета, вплоть до момента поисков кольца, когда им переходит основная роль в действии. Чутье художника заставило Сороковикова изменить эту обычную ситуацию: звери не принимают участия в жизни героя, ибо их нет у него, и они появляются вновь, прослышав о несчастье своего хозяина. Наконец, не имеет соответствия в других редакциях и мотив чудесного ружья (винтовки), играющего такую значительную роль в его тексте и по которому он озаглавил свою сказку. Но введение этого мотива и его роль вполне понятны в устах таежника-охотника, каким является Сороковиков.

39. **Беспечальный монастырь** (Анд. 922); истории этого сюжета посвящено специальное двухтомное исследование: В. Андерсон. Император и аббат. История одного народного анекдота, т. I. Каз. 1916, т. II — немецки: W. Andersohn. Kaiser und Abt. (Folklore Fellow Communications, № 42. Helsinki, 1923). Автором установлено существование 107 литературных вариантов и 428 устных, из них русских 25; некоторые из них не опубликованы. Н. П. Андреев в своем указателе перечисляет 11 текстов, но из них только 4 (Онч. 164; Кр. 1, 16; См. 20 и 314) дают целостный сюжет; к ним нужно присоединить и текст Сороковикова. Остальные дают только ответы — или в изолированном виде (Аф. 187, Вят. Сб. 37, См. 71, 115) или вкрапленными в другие сюжеты (Сад. 25, сюжет «мороки»; Перм. Сб. 50; сказка «Вор-Ванька» — контаминация четырех сюжетов: «хитрый вор», «знахарь», «мудрые ответы», «небылицы»). Название «Беспечальный (беззаботный) монастырь» встречается: Кр. 1, 16; Онч. 164; См. 20. 314. Очень сходно с вариантом Сороковикова начало красноярского варианта.

В русских редакциях этот тип сказки иногда смешивается с типом «Горшени» (см. № 3 и примечания). Вопросы варианта Сороковикова наиболее распространены и, пожалуй, даже каноничны. Из других вопросов встречаются: «как глубоко море?», «где центр земли?», «сколько листьев на дереве?», «что делает бог?» и др. Из литературных русских обработок сюжета о мудрых ответах (без темы монастыря) наиболее популярно стихотворение А. Н. Майкова «Пастух».

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

СЮЖЕТ «ВЕРНОЙ ЖЕНЫ» В ИЗЛОЖЕНИИ РАЗНЫХ СКАЗОЧНИКОВ

СКАЗКА Н. О. ВИНОКУРОВОЙ

ВЕРНАЯ ЖЕНА

От один купеческой сын, по-
дошло ему время жениться,
и не мог нигде невесты по-
дыскать, ни в городе и нигде
ему не по душе. Искал — сва-
тал — нигде ему по сердцу
нету. И скоро он за го́нь-
шиков рассылал по иным
городам, карточки ему посылали. 77 кар-
точков снял с невестох из иных городов. И ни-
котора картинка ему от души не подходит.
В одно время разложил он все эти карточки.
Надо же решить ся. «Докуль буду я один
жить?» Из 77 на 3-х карточках решил ся.
«Ну, поеду: ту ли, другу ли, третью возьму».

Потом в одно време пришла к имя одна ни-
щая на кувню просить кусок хлеба, и прошла
мимо ихого дома. А нишшая эта была двадцати

пяти годах девушка. Он в окошко кинул зор на ее. Вот припала к душе эта нишшая. Велел прислугам воротить. Прислуги ее огаркивают: «Воротись, мол, скорее». Та спужалась. — «Што такое — я ничо, ведь, у вас не украла, вы мне подали, я и пошла». Воротилась эта нишшая с горьким слезам, напужалась. Для чего ворачивают? — «Ничего не брала, не украла, и приступления никакого с имя не делывала». Распорядился этот Иван купеческой сын: «Прямо в палату к нему пушай идет. Принуждена эта нишшая девушка класть свой мешок и итти к нему на лицо.

Потом распорядился этот Иван купеческой сын над прислугам подать имя вина и закуски, содит ее за стол, налеват ей — как видит: она с испуганным лицом — стакан вина хорошего. Ну, выпила она жегу рюмочку, и у ей красочка переменялась, ишшо она получше стала, пукуратнее. И стал он сватать за себя ее. Она ему говорит: «Што же вы это смеётесь надо мной? Вы уж получше себе кого ишшите, да и подсмейтесь, а то надо мной-то чо смеяться, — меня и так бог осмеял!» А он всей душой к ей припал: «никак нет — не смеюсь», снимат со своего пальца именное кольцо, надеват ей на руку, и приказал кучеру запрекчи лошадь, выспросил: «Где ты живешь?» — А она за самым за ихим за городом в землянке живет. И мать слепá живет. Она с мешкой ходит — мать подкармливат. И кучеру наказал тайным образом: «Привези ее — слушай невзаметным образом, што она будет говорить, и правду ли у ей мать слепая?»

Ну, повез ее кучер, привозит к етой землянке, а сам спрятался и слушат. Как та зашла в землянку, так прямо и говорит: «Мама, ко мне жаних свататся!» Мать говорит: «Какой же ето жаних над тобой свататся?» Она и говорит: тако-то купца сын. Мать и говорит: «Што ты, девка, ведь он ето фигурит над тобой!» — «Да, как же, мама, смех! Ведь он из своих рук подал мне именной перстень — и вот сто рублей денег». — И потом мать ей не верит: «Ты де набить ходила, польстилась, украла. Унеси обратно, полбжь!» — «Што ты, мама, вот кучер уверит!» — А кучер все ето слушал, повернул лошадь и рассказал барину.

Барину эта речь старухина очень пондравилась. Потом приезжат к имя сам Иван-купецеской сын, в ихую землянку. И решили они, свадьба которого числа. Обул, одел ее и решили, когда венчатся. Ну, как ето число дошло, приехал венчатся, велит он старуху в палаты свои вести, а землянку за жекчи. Ну так по его и сделали. Как они повенчались, пошел у их пир-пированье. Ну, как подвыпили, все фрелины, ковалера тонцуют, а его на смех подымают. — «Чо жо ты со своей молодой не тондуешь?» — А он боится ее спросить, может она обидится — где же ей, с мешкой ходила, поди не умеет. И посылает горнишну спросить, умеет ли она тонцовать? Та отвечает: «Пошто не могу — могу». Ну, и пошли тонцовать. Она даже всех фрелинох подгадила — те супротив ее не могут.

Ну, и стали после свадьбы жить они по хорошему, по благородному. И они живут души

один одному не чувствуют, и он на-
радоваться ей не может. «Ето мне господь
послал такую жану». Подошел май месяц, за-
цвели цветы в садах, пошли они с ей в сад раз-
гуливаться, вот он в саду гулял, гулял, да вздо-
хнул чижемо. Она к нему пристала: — «Чо жо
ето ты здохнул в неудовольствии, чем ты недо-
волен?» Ну, он: «Да так себе тамо-ка». А потом
говорит: «Вот што, душечка, как был я холостой,
в ето время всегда налаживал карабли и плову.
А сечас мне и скушно стало». — «Ну што,
душечка, плови я тебя не держу. Ступай с бо-
гом, я не воспрещаю вас плыть». — «А
мне, говорит, сумление вас оставить». — «Да
што же вы мне не верите? Так помолимтесь
богу, потеплим свечи и закленимся, што пи
ты другу не примешь, ни я другого не возьму —
вот и вверимся друг другу — и ты с надеждой
попловешь, и я останусь». Ну и пришли они
в дом, затеплили свечи, помолились богу и за-
клянули друг друга на одной точке стоять.
Ну, и стала она мужа в путь-дорогу собирать
и проводила честно-благородно, и стала домаш-
ность править, жить без мужа.

Ну, приехал он в чужие земли, в чужие го-
рода, ну, и там, значит, как приплыл — соба-
ка собаку по лапе знат — приходит там в
трактир, где все богачи собираются. Сели за-
кусывать, выпивать, картёжить. Потом из них
один, молодой офицер, сказал: «Мы-то выпива-
ем, закусавам — чо-то наши жоны дома де-
лают?» А етот же самой сказал, который клялся.
«Да чо делать? Честь-честью живут, живут в
предовольствии. Чо имя делать?» Етот же,

офицер, сказал: «Э, оне честь-честью проживут, найдут ковалерѳв, да парней, вот и все!» Ну этот купеческой сын с им за спор схватился, што моя жана хорошо проживет. А офицер с им за спор голову закладывает, што он к его жене приедет, и чо хошь сделает. Потом до того дело у них дошло, што большие тыщи заложил против его головы, и офицер отправляться.

Офицер этот и говорит ему: «Ты отправь телеграмму жене, што гость к ей приедет». Ну, он принуждѳн был телеграмму ей обить, што гость приедет. Жана получила, ужаснулась. — «Што ето за скороспешная телеграмма, какой такой гость?» И как у ей в голове было, она сразу стрекинулась: «Должно какой спор был у их».

Ну, является к ей этот гость. Приняла она его честно, благородно и за закуску. Што же гость — так гость. Вот как он выпил, закусил и стал он к ей лѳбзить ся, дерзкие слова говорить, а они в комнате были двое. Она: «боже избавь, штоб ето дело сделала!» Отвлекается от его, он вынимает леворвѳрт — вот, дескать, все равно с душой растанешься! Она ужаснулась — говорит: «Сечас же мы оба одеты, неудобно, вот ночь придет, мы и расположимся в ночное время». Он и решил ся ночи ждѳть. — «Только будем ето дело без огня делать. Я н замуж выходила, решила ся с мужем, штоб ети глупости при огне не делать». А он и думат: Ладно, я кольцо (он приметил у ей его) с тебя ночью сыму, мужу указ привезу».

Как оне поужипали, приказыват она горнишной постель в спальне приготовить. Ну,

и как она, хозяйка, отлучилась, и горнишну заговорила: «Ночуй с этим гостем, и я тебе тыщу рублей дам. А я тебя надушню, одену», говорит, и перстень свой с руки ей дала, она и согласилась. На спокой легли эта горнишна и офицер. Ну потом, уже как ставать надо, он ладит кольцо с пальца ташшить. А оно тугó было — не идет. Он не долго думал, взял да и отрубил кольцо с пальцем. Горнишна встала — ну, и хозяйке с обидой: «Што он надо мной доспел — палец отрезал». Хозяйка ее уговариват: «Ну, ничего, я тебя не обижу, как ты за меня пострадала, будешь ты на век наша учáсница».

Потом хозяйка горнишну ету спрятала, а сама руку на темляк повесила, и замотала бинтом, будто у ей отрезано. Потом, как встал етот офицер, сели они завтракать, закусывать. Она и говорит: «Вот какую вы подлость сделали, у сонной у меня палец отрезали». Он стал ей казною: «Што вот я столько-то тебе дам!» Она с его копейки не взяла. Отправился с ее гость — отправился к её мужу. Рáды й такой.

Она после етого гостя сейчас в полицию, в церкву, и приказала лёхку шлюпку сейчас в погоню за ним — вместе с горнишной к мужу, узнавать, как он там. Сметат, што не зря гость приезжал. И оделась в муску одежду, волосы остригла, приезжат, и идет в ту же гостиницу. Тут сидят тоже, картёжат — и увидела гостя етого, который ночевал у ей. И спрашивает: «Чо у вас тут хорошенького, какой торг, чо почом?» И они ее спрашивают. Так идет у их беседа. И отвечает ей офицер: «У нас сѣдни будет новенькое: одного вешать будем, за жану в ру-

чал шибко». Та спрашивает: «Почему так»? Он объясняется, и говорит: «Вот, значит, никогда нельзя на жану приставать».

Долго она тут беседовать не стала, пошла по полициям по разным, со всем бумагам. К надзирателю пошла.—«Не могу ли я его увидеть?» Надзиратель говорит: «Как ристантох в баню поведут, перед вешальнице й мыть — тут ты его и можешь видеть, а больше нельзя никак, не можем допустить». Ну, как повели в баню, идет она к этой бане — караульны ее не пропускают туды. Ну, она сунула там имя, пропустили ее на четверть часа. Потом она имя обсказывает: «Товаришш мой был самый задушевной — хочу простится с ём». Заходит она в баню. — «Ах, голубчик, до чего достукался», говорит. Он с испугу прямо матерным словом: «Убирайся, мне не до того!» Ну, она ему призналась, што «я твоя жана. Не бойся ничего, я тебя спасу». Видит пальцы-то у ей все целы.—«Ты не к вешальнице пойдешь, а как к куме на именины».

Ну, приходит она к вешальнице — они привели все начальство — и доказала, вот кто, мол, в ей ночевал. — «Ты не со мной был — востёр, да не подточенный; вот у кого пальца нет!» Ну, и мужа-то оправдали, а офицера-то повесили. А сколько было капитала у етого офицера в залоге, на горнишну перевели, а его повесили за околчание. А они вернулись и стали жить-поживать, добро наживать.

(Марк Азадовский. Сказки Верхпеленского края, вып. I, № 19).

СКАЗКА М. И. МЕДВЕДЕВОЙ

Маремьяна Ивановна Медведева — белозерская сказительница из с. Терехова (Белозерского уезда).

Собиратели следующим образом характеризуют ее и ее сказки: «это еще молодая (32-х лет) женщина, здоровая, полная сил и энергии. Но и на ее молодой жизни лежит уже известная доля грусти, столь характерной для многих русских крестьянских женщин. Причина тому — слишком раннее замужество, не по доброй воле; обременение большим семейством, общие условия тяжелой жизни. Но, кроме того, видимо, от природы уже в ее душе дрожит какая-то элегическая, грустно-настроенная нотка...

Записывать от нее песни и причитания — благодаря ее чудному голосу и правдивому тону — было большое наслаждение.

Известную долю ее субъективных настроений и вкусов можно подметить и в ее сказках. Сказок она знает значительное количество: память у нее чудная; любознательность настолько велика, что она привела ее к грамоте, которую она постигла самоучкой. Таким образом усвоение сказок ей давалось легко. В своих сказках она явно уклонялась от чего-либо непристойного, циничного. Фантастические сказки говорила с соблюдением «обрядной» стилистики, не чуждаясь порой значительных повторений».¹

Рассказанная ею сказка о верной жене среди других редакций того же сюжета представляется довольно бледной. Она не уловила остроты сюжета и, например, эпизод с опросом священника у нее преломился совершенно в ином свете, и вся сказка получила какой-то пресный характер.

Ограниченное количество материала не позволяет делать каких-либо определенных и четких выводов о природе ее стиля в целом. Б. М. Соколов считает, что ее «сентиментальный эмоционально-приподнятый стиль» характерен для нее, как крестьянки-беднячки.² Но это

¹ Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края, стр. LXXXVIII.

² Б. М. Соколов. Русский фольклор, вып. II. Сказки, стр. 44.

утверждение представляется недостаточно обоснованным. Что же касается текста «верной жены», то в нем отчетливы следы какой-то занесенной чуждой идеологии.

В е р н а я ж е н а

Был богатый купец. У них был сын Ванюшка. Вот отец и мать и говорят: «Ванюшка, надо женить вас — время подошло. «А он и говорит: «Што же, тятенька, жените!» — «Вот, Ванюшка, любя ливам невеста такого-то богатого купця?» — «Што же, любя. Поедемте!»

Вот и отправились все трое — отец, и мать и жаних. Приехали и высватали эту невесту. Ну, там родители сели, уговариваются, а он в невестину комнату пошел и сидит там. Вот и говорит ей: «Возлюбленная невеста моя! Топерь ты все равно моя, давай полюбезничаем!» Она там поотговаривалась: «Недолго ведь топерь и обвенцаемся». — «Ну, все равно: топерь што моя». Ну она и согласилась.

Потом согласилась, а он и проць от ней. — «Обожди маленько. Я сичас схожу к папаше, поговорю маленько с ним и опять приду». Вышел к отцю и матере и сказал: «Тятенька и маменька, поедомте домой!» Вот вышли на улицу и домой приехали. Ён и говорит отцю: «Не надо мне, тятенька, этой невесты. Она, говорит, дому не хозяйка и мужу не жана!»

Ну, вот на другой день опять спрашивают: «Поедемте к такому-то купцю свататься!» — «Што ж поедомте. Мне и та невеста нравится». Вот и туда приехали. И тем же образом и там повторилось то же самое, теми же словами. Опять высватали и опять то же самое произошло.

Ну, вот, опять приехали домой. Отец и мать и говорят: «Теперь мы больше, Ванюшка, никуда не поедem. Ты два раза нас обесчестил. Нам стыдно будет и встретиться. Топерь, как сами знаете, выбирайте невесту себе. Хоть холостым живите, хоть женитесь, а мы с вам не поедem больше». Ён говорит: «Ну, так я сам пойду выбирать невесту».

Вот он идет по городу. Весь город обошел. Дошел до не р а ж и н к о й избушки, хижинки. Вот видит идет девица с ведром за водой, такая красавица, што лучше и требовать не надо. Эта девица — бенной вдовы была. Вот ён за этой девицей следом и пошел. Она в не р а ж и н к у ю хижинку — и он за ней.

Вот приходит. А они только с матерью и жили. Мать дома. Ён и говорит: «Бабушка! Я пришел вашу доць посвататься». Ну, вот тут матушка и доць ужахнулись, такой славный купецеский сын знаком хоцет быть.

Вот старушка и говорит: «Што ж, Иван-купецеский сын, где ж нашей доцьке за вам быть. Мы такие бенные, а вы богатые». Ну, а ён и говорит: «Ну, бабушка, ни об дём не толкуйте. Мне оцень полюбилась ваша доць. Она мне оцень понравилась». Вот они сейчас богу помолились. Старушка и просватала доць свою.

Вот эта старушка из избы вышла куды - то, а ён опять тем же порядком, как и к другим невестам. И говорит: «Вот, милая моя невеста. Ты топерь все равно, што моя». И стал говорить, как тем невестам. А она и говорит: «Иван, купецеский сын! Пока не повенчаемса, не буду теф дел творить. Как хотите, возьмёте и не возь-

мёте. Вы меня осмеёте, а потом бенную и бросите». Ён как не уговаривал, никак не мог бенную уговорить. Ну, вот: «Вот ты мне милая невеста!» И домой пришел Иван-купецеский сын. Отцю и матери сказал: «Вот, тятенька, я севодня высватал себе невесту. Нашел. Эта невеста будет и дому хозяйка и мужу верна жена!» Ну, тем много ли, мало ли времени было, и спожанилися.

Вот живет со своей красавицей в любви и согласье. Живут и лелеют и лутше требовать не надо. Пожили там сколько там время. И Ивану-купецескому сыну пришлось ехать во инные земли.

Вот распростилися со своей жоной. Вот он и отправилсы там с товарами на корабляф. Роспродав свои товары. А случилось у господ пированье. Кто там хвастают богатством, своим ремеслом хвастают, а ён сидит, ницего не говорит. Все там перехвастали. Они и говорят: «А ты што, руськой купець, ницем не хвастаешь?» — «Цем мне хвастать? Да я похвастаю своей жоной. У меня жона очень верна. Знаю, никому не склонить жену насцёт дурныф дел».

Вот один этакий ловконький и вызвался. — «Неправда! Давай я склоню!» — говорит. Все эти гости это самое утвердили, подписалися. А ён все рассказал — в каком городе, под каким номером, в какой улице. Ну, уговорилися все господа: «Если правда, што у тебя жона верна, большая награда будет, а если не выйдет по твоему, то голова долой!» Вот этот и отправилсы.

Вот приехал этот в город. В самой дом при-

ехал. Вот и давай ю склоняеть, эту женщину. Сулит ей большие деньги и проходу ей не дает, места никакого. Ёна уж всяко, всяко — ницем от него не отвязаться. И говорит: «Ужо я пойду к дяде. У меня дядя» — говорит. Сошла к этому дяде и говорит: «Вот так-то и так-то. Съехал к нам какой-то человек и склоняет к таким-то делам. Што посоветуешь мне сделать?» Дядя и говорит: «Што же? Не заметка у мужа положена! Што же, можно», говорит. Вот ёна и говорит: «Нет, дяденька, вы не ланно судите!»

И вот пошла от дяди. Приходит домой, а ён опять к ней. — «Ну, што тебе дядя сказал?» Ёна ему рассказала, што ей дядя сказал. Ён опять к ней стал приставать. А она и говорит: «У меня тетка ешшо есть, я схожу к тетке». Таким же образом и тетка ответила: «Ежели склоняет, так не заметка у мужа кладена». Вот ёна и от тетки вон.

Опять приходит домой. Ён опять к ней пристаёт, и до того пристаёт, што и проходу ей не дает. Вот ёна и говорит: «Погодите, я ешшо схожу ко свешеннику. Што свешенник скажет». Вот пришла ко свешеннику: все рассказала, как приехал, склоняет к этаким делам. Свешенник и говорит: «Не нарушай, говорит, закона. Эти деньги, што он сулит, это все прах», говорит.

Вот она и опять домой пришла. Ноць подходит, а ён опять проходу ей не дает. Ну, вот никак уж ей от него не отговориться. Она и говорит: «Дожидайте, сё ноцй я и приду», говорит. Велела там ему итти в ейную спальню. Он ушел туды и дожидается там ю. Вот, а у их

была служанка, девушка хорошая, тоже благородная. Вот она со слезам стала ее уговаривать. Посулила ей сколько денег. Рассказала ей все и говорит: «Сходи туда, сдобись в мое платье». Вот служанке этой тоже не хотелось: девушка была хорошая, ницего ешшо дурного не знала. Поотговаривалась, поотговаривалась, потом и согласилась. «Я всё-таки дешевле госпожи. Што там ни будет, а не прогневлю свою госпожу».

Взяла, сдобила ю во свое платье; все сняла с себя и одела; дала свой перстень именной. Ёна вошла в комнату к ему, а ён и к ей. Вот боле слова не сказал о дурныф делаф; ошупал только кольце и давай отымать у ей. Это кольце было туго, очень туго; он взял с пальцем и отрезал, в карман и положил. А эту девушку не осмел, не опорошил.

Потом ешше платок носовой лежал на столе этой госпожи, тоже именной, взял его — и в отправку. Вот отправился этот целовек. А госпожа и думает: «Для цего же это он сделал? Сам склонял к дурным делам, а девушку не осмел, а палец обрезал!» (Ёна не знает, што совершается с мужем там.)

На другой день, время не медлится, опять к дяде и пошла. — «Вот, дядя» — говорит, и все рассказала ему, как служанку сдобила и как этот палец отрезал у ей. Дядя и говорит: «Это не иначе, как муж ваш в погибеле. Не надо медлить, а ехать туда. Должно быть поспорено там чего-нибудь». Вот на другой день направились и отправились — госпожа, дядя, и служанку с собой взяли.

Вот много ли, мало ли времени там ехали до того города, где муж ейный был. Вот и остановились у онного целовека ноцевать в онном доме, там у бенного ли, иль богатого. Тот, конечно, съехал и похвастал. — «Говорил, што не склонить жены, а вот склонил». И показывает перстень именной и платок. Муж верит конешно. Вот его как будто и на смерть склонили. Завтра на плаху. Посовестили уж его: «Вот, женой хвастал, а она и изменила!» У него — на сердце не сладко.

Вот они приехали и спрашивают: «Што у вас, дяденька, в городе деется?» Этот хозяин и говорит: «Завтрашний день руськой купець приписан к смерти. Надо итти смотреть. Похвастал своей женой, што никому не склонить ее, а один вызвался, што склоню; вот и съездил туды и привез оттуда перстень именной и платок именной. Завтра и будут весить руського купця!» — «А нам, дяденька, можно сходить посмотреть?» — «Как же, говорит, не можно, коли по всему городу отданы объявки, што надо итти и смотреть».

Ночь там им не долго спалась. Вот они и отравились утром в собранье. Вот и оставил дядя ту госпожу и куфарку в (прихожей), а сам туды к господам и вошел. Приходит, а ён сидит в стуле, весь чернёхонек, весь чёрный уж от горя. Сейчас смерть ему. Вот ён вошел, всем гостям поклонился и говорит: «Што у вас за собранье это?» Вот они и говорят: «Да вот руського купця надо на виселицу весить! Похвастал своей женой, што никому не склонить ее, а один ее и склонил!» — «Где тот целовек? Покажете-ка

его сюда!» (А тот сам себе думает: «У меня знаки есть!»)

Вот этого человека вывели. А он крикнул: «Пожалуйте сюда госпожу и куфарку. Вот, господа. В нашем городе случилось што». Вот и рассказал все, как приехал целовек, склонял госпожу, как она ходила к дяде, к тетке и к свещеннику, как она сдобила куфарку, как он палец у куфарке унес. Вот руськой купецъи слушает, обрадовался. Вот куфарка и показала руку; палец обрзан у ей. У этого поглядели в кармане, где было кольцо положено, — карман весь в крови. Палец, конечно, выкинут.

Потом этот руськой купец повеселел, жену свою увидал. Все гости повеселели. Этого человека в эту виселицу и повесили заместо его, и повели этого человека на виселицу. А этого купця освободили и прошшенья попросили: «Извините, этот целовек так сделал на омман, а мы не знали!» И даже много его наградили, што обездестили.

Потом этого самого бродягу повесили. А они домой отправились. И он несколько, несколько спасибов жене сказал. Домой приехали и куфарку эту наградили многим подаркам: жену, вишь, оградила от напасти, сама без пальца осталась. Эту куфарку навсегда у себя оставили и даже прислугу ей поставили. Стала она жить заместо госпожи. А жену стал еще боле любить и хранить. Вот и стали жить и поживать в любви и согласии. Вся и сказка.

(Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края... № 17).

СКАЗКА А. НОВОПОЛЬЦЕВА

О клеветанная жена

Жили два именитые купца; у одного было два сына, у другого один. Торговали они хорошо, ребята стали на возрасте; переженили они их, и вышло между их неудовольствие, стали они делиться. Разделились. Стали всяк себе торговать (отцы-то). У того, у которого был один сын, стал парень на возрасте, и стали искать за него невесту. Найдут девушку — матери хороша, отцу не хороша; отец найдет невесту — жениху не кажется.

Запрёт себе молодец лошадку и поехал версты на три, на четыре от своего жительства, в воскресенье к обедне; не обедню постоять, а невесту себе посмотреть. Подъехал к церкви, и идет красная девица, несет ведро водицы. Он взглянул на нее и прельстился. «Дай испить мне водицы, красная девица!» Девица остановилась и дала водицы испить. Он водицы испил, девицу поблагодарил и вынимает ей деньги. Девица не берет. Он взял да вслед ей и бросил. Девица ведра отнесла и думает себе: «А что я, глупая, деньги не взяла?» Воротилась и взяла их. Дома сказывает: «Вот деньги наша!»

После обедни купеческий сын пошел сватать и усватал. Приехал до двора, приезжает домой. Отец с матерью его спрашивают: «Где был сыночек?» — «У батюшки хрестного чайку испил». На другой раз опять пошел. Приехал к своей невесте и говорит: «В это время будь готова». Дали ей казны, сготовили свадьбу. Приехал он

домой. «Нынче бы надо», говорит, «за невестой собираться!» Отец вдруг схватил и умер.

Невеста родных созвала; нынче ждать, завтра ждать: жениха нет. Сделал сын по отце поминки. Прошло шесть недель, он поехал к невесте. Невеста больна лежит. — «Ты», говорит: «надо мной надсмелся!» Жених отвечает тестю с тещей: «Нареченный мой батюшка-тестя и матушка-теща, несчастье у меня случилось: батюшка помер. За утро опять нас ждите, приедем и невесту увезем». Приезжает купеческий сын домой: мать померла.

Поплакал, поплакал, опять не до свадьбы делом: стал мать коронить. Через шесть недель опять к невесте поехал, взял ее и увез. Обвенчались и гулять начали, и некогда ему было сродников собирать. Стали поживать и стали больше торговать. Молодая жена и говорит ему: «Пойдем, я погляжу на твое заведение». Он много приказчиков держал. Они все товары распродали, без дела гуляют, лавки заперли: торговать нечем.

Приходит к нему батюшка, крестный. — «А что, сыночек, на што у тебя приказчикам гулять? Надо товару добывать!» Отвечает купеческий сын: «Я, батюшка, человек млад, а с казной что делать не знаю». — «Возьми приказчика с собой, а то брата двоюродного попроси». Призвал он брата: «Пойдем», говорит: «в Нижней за товаром!» — «Пожалуй, пойдем!»

Позвал его в гости, чайком угостил, графынчик водки выпили. Говорит ему двоюродный брат: «А дава-ка, брат, еще графынчик!» Купеческий сын пошел за водочкой; двоюродный

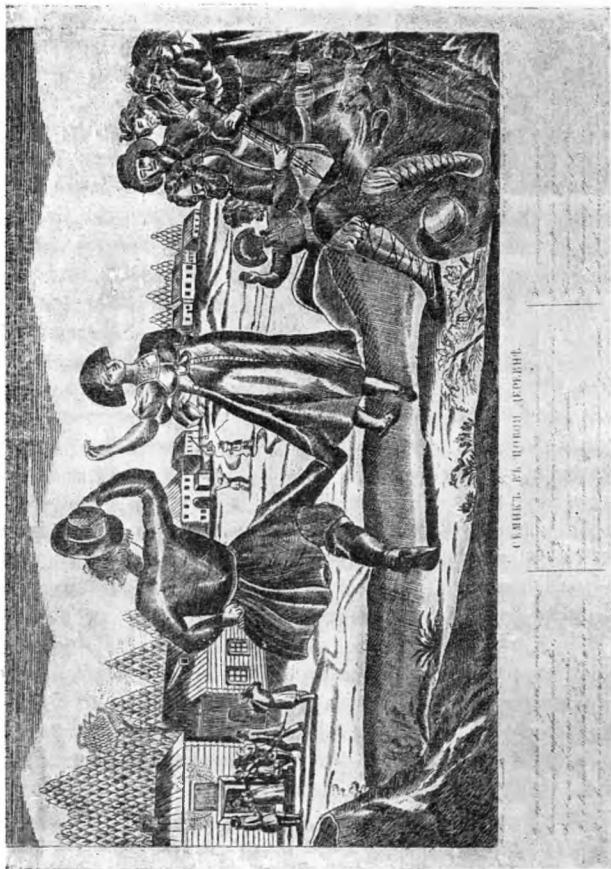
брат сидит с молодой, чаек попивает. Он с ней поиграл, за титочки ее трепал; ей эта игра не показалась, она его в беремья схватила и в дверь вытолкала. Ему стало совестно, он и ушел. Купеческий сын говорит: «Братец, погоди!» А тому совестно стало:— «Хмельён», говорит: «я на утро приду!»

Вот она с этого разу сделалась больна и не может ног таскать и головы поднять. Он и так и сяк ее, а она все больна. Просит ворожейку. Была тут старуха-большое брюхо, а двоюродный брат сказал старухе: «Поди узнай, что у нее на теле есть». А у ней были две приметы: на правом плече была родина, да на левой бедре по пяти пальцев (оттиск). «Снимешь с нее подвенечный перстень, буду тебя до жизни веку поить и кормить».

Приходит старуха к молодой. «Знать, ты больна?»— «Нездорова. Не знаешь ли чем полегчить?»— «Надо тебе баньку истопить, в теплую воду положить». Купеческий сын говорит: «Служанки, истопите баню!» Те истопили. Пошли они в нее. Стала старуха мыть и править, приговаривать и парить. «Нет ли на тебе чего серебряного? Скинь!» Она перстень скинула, положила на лавочку и крепко заснула.

Старуха взяла перстенёк, проводила молодую домой; стало ей полегче и выздоровела. Брат двоюродный и спрашивает у бабушки: «Что дозналась что ли, какие на теле приметы?»— «На правом плече родина, да на левой бедре по пяти пальцев, а вот тебе и перстень!»

Молодица хватилась перстня и говорит мужу: «Подвенечный-то перстень я в бане оставила».

СЕМЬКА В НОВОЙ ДЕРЕВНЕ.

Семик в новой деревне. Лубочная картинка.

Пошли в баню, не нашли. Купеческий сын и говорит: «Поеду в Нижний, лучше того куплю, только бы ты была жива». Пропал перстень. (Перстень-то не пропал, а он на руки и попал).

Собрались они с двоюродным братом ехать товару покупать, а двоюродный-то едет не товару покупать, а его разорять. Вот впрягли и поехали. Недалеко отъехали, явились в другой город. Взошли они в трактир, селяночку заказали, бутылочку выпивали, да и другú покупали. А ведь хорошо тому водку пить, кто разуму не пропивает; а они разум-то и потеряли: водки напились да раздрались.

Меньшой-то брат и говорит: «А, братец, сердце у меня болит!» А большой говорит: «Об чем оно у тебя болит? Чай об деревенщине скучился, об жене своей». Тут дело было при канпании, при хороших людях, при дворянах, при купцах. Дворяне и купцы говорят: «Как ты можешь чужую жену назвать?» Муж и говорит: «Послушайте, честные господа, может ли что он у нее на теле знать, пускай расскажет, какие у нее на теле родины. Лишаюсь всего имения и всей своей жизни. Расскажи!»

Двоюродный брат говорит: «Извольте, я всю правду, господа, вам расскажу, на правом плече у ней пять пальцев родина, да на левой бедре; перстень подвенечный ее у меня, и подарила его мне она же, а своему мужу сказала, что потерял в бане». Тут их руки разняли, и у молодца все обобрали.

Добрый молодец приезжает домой, не говорят жене слов. «Поедем», говорит. «А куды поедем?» — «А куды глаза глядят. Ничего ты

не узнаешь». Посадил и поехал. Ехал лесом день и два, не пимши, не емши; ехал неделю и две, и уехал бог его знает куды, во дремучие леса, не выдти, ни выехать. «Прощай жена!» говорит: «ты мне не жена, я тебе не муж; ты куды знаешь, иди, а я куды знаю пойду».

И ходила жена по дремучим лесам, по крутым по горам, плакала и рыдала, горя много принимала, платком слезы утирала, в дремучем лесу темные ночи не сыпала. Выходила жонка на чистое поле, на дикую степь, на незнамую; ничего на ней не видно, только старичек стадо пасет. Подходит она к дедушке, говорит со слезами: «Родимый дедушка, будь мне родной батюшка, обмени мне одежду свою, не стыдись. Скидай одежду, мою надевай на себя, а мне свою давай и подстриги меня по мужскому».

Старик снял с нее одёжу и надел на нее свою и в кружало подстриг. Пошла она в город. Такой бравый из нее молодец стал, что не вздумать, не взгадать и пером не написать. Приходит мальчик в трактир и говорит: «А подай-ка селяночку!» — «А какую же тебе?» — «Да хоть на сковороде в воде; да водки графинчик подай!» Трактирщик всего подал; молодец пьет и закусывает. «Ну-ка, хозяин, пожалуйста, мне игроков». Подходят игроки; стали играть, она начала плясать. Сама пляшет, рукой машет, приговаривает: «Эх, горе ты, горе мое, а кручина-то моя в темном лесу долго была!» Взяла скрипку, начала играть. По ее игре никто плясать не может.

Хозяин прельстился и спрашивает: «Чей, молодец такой?» — «Я — бродяга». — «Наймись ко

мне в трактир!» — «Пожалуй». — «Сколько в месяц возьмешь?» — «Сколько дадите». И остался он тут жить.

Жил неделю и две, приезжает из полка отставной полковник; заехал в трактир прогулять, трактирщика повидать, игроков послушать. «Давай, трактирщик, хороших игроков и плясунов!» Хозяин подставляет первым пристало́го молодца. «Хорошо играет, еще лучше того пляшет; плясать хорошо, пз лица лучше того пригож!» И прельстился отставной полковник на него и спрашивает: «Чей? Откуда такой?» — «Я — бродяга!» — «Поди ко мне в деньщики: я тебя до дела доведу!» — «Хорошо», говорит.

Требует полковник трактирщика: «Поди сюда! Сколько за обед и за плясунов?» — «Двадцать-пять рублей!» Полковник деньги вынимал, трактирщику отдавал. «Чей мальчик у тебя?» Он туды-сюды: не знат как сказать. «Давай-ка билет!» Хозяин говорит: «Он — бродяга!» Полковник призвал мальчика. «Поедем со мной». — «Поедемте». — «А сколько время здесь проживаешь?» — «Столько-то». — «Сколько за работу платили?» — «Ни копейки». — «Поди-ка, хозяин, сюда! Разделайте мальчика. За какую он цену жил?» — «Без ряды». — «Сколько ты, мальчик, хочешь?» — «Сколько пожалует хозяин». — «Бери двадцать-пять рублей». Мальчик получил денежки и уехал в полк.

Привез его полковник, назвал его юнкером, отдал под крепкое ученье. Так она крепко училась, старалась, год поучилась — произвели её в ундеры; через скорое время — фетъ фебели и дальше и больше, чин за

чином, и через семь лет дослужилась до полковника. Над полковниками был полковник! При смотре царском ни один полк так честь не отдавал, как её полк. Она подает к царю лично прошение, чтобы отпустить ее на три месяца в отпуск.

Было это дело осенним временем, как молодых некрутов приняли. Царь прошение её не принял, отослал назад. «Тогда тебя уволю, когда набор примёшь!» Приняли набор, новобранных солдат пригнали и стали разделять по полкам. Расставили молодых солдат в ширинку. Полковники ходят и разбирают и по росту, и по лицу — кого куды. Полковник увидел своего мужа, который в лес её завез. Он в охотники нанился, только по росту и виду в ее полк не попал.

Стал полковник просить, чтобы его к нему в полк перевели. Его перевели. Как он поступил, так он сейчас его к себе в деньщики взял и приказал учить его как можно строже и на каждую ночь к нему в ночные приходите. День — на ученьи, ночь — к полковнику. Входит в его комнату при всей своей ночной амунице; тот его принимает, муницу с него скидает, наливает стакан водки и дает ему плюху, и спать велит.

На утро приходит на ученье, товарищи и спрашивают: «Что ты у него делал?» — «Ничего не делал: стакан водки выпил, закуски дал да большую плюху», говорит: «больно закатил!»

И день, и два так он делал, и с неделю. Полковник (она-то, стало быть) подает лично царю просьбу, что желательно съездить

на побывку. Царь уболаготворяет его на побывку, на три месяца. Он нанимает тройку ямских лошадей и берет своего мужа в деньщики. Поехали в самое то место, отколь оба.

Приезжают в город, прямо к губернатору. «Дайте на три месяца нам фатеру!» На нем одежда, как жар, горит: при форме, палеты и прочее. «Где же вам фатеру?» Полковник показывает на свой дом, а в нем жил двоюродный брат ее. Велел полковник выслать из него всех, чтобы ни души не было. Заехали на квартиру, наняли оставных солдат сторожбв, чтобы никто не мог близко ко двору подойти.

На утро является губернатор. «А что, господин губернатор, сберите старичков, которые постарше, чья эта квартира? Кто ей прежде был хозяин?» Губернатор созвал всех старёлых людей. Прошло дела ведь двадцать пять лет, того прежнего губернатора давно нет. И стал полковник стариков выспрашивать: «А что, где этому дому хозяйвы? Кем он устроен?» — «Вот таковым-то — говорят — купцом». — «А де же купец?» — «Помер». — «Кто же после его остался?» — «Сын его». — «А сын его где?» — «Он женился да и пропал». — «По какому случаю?» — «Да он в Нижний на ярмарку поехал с двоюродным братом, да заехал в трактир погулять; немножко погуляли да много наговняли: он именье-то своё и прогулял тут». — «Хоть он и много наговнял, все же дайте мне знать, с кем он гулял». Старики отвечают: «Призовите его двоюродного брата и спросите!» Призвали брата, стали спрашивать: «По какому случаю ты в его доме живешь?» — «Проспорил он мне его». Все

дело полковник разузнал, на бумагу записал и в путь-дорожку собрался, на царскую службу. Приезжает; прослужил трое суток, подает царю лично просьбу: «Не хочу служить, а пожалуйте мне отставку».

Сам царь лично приехал, на лицо к себе призывал и стал спрашивать его: «Что мне не служишь?» Полковник говорит ему: «Послужил, да и будет, а теперича не хочу». Царь ему и говорит: «Я с тебя голову сыму, а в отпуск не отпускаю». — «Не могу служить, ваше величество!» — «Отчего?» «Я — женщина!» Царь этому делу удивился. Полковник, не стыдясь его, солдатскую одежду скидала и свои груди ему показал. Царь наградила ее великим награждением и велел отправить ее от этого места, куда надо, на почтовых. Полковник попросил на дорогу деньщика. Царь говорит: «Любого бери!»

Она любимых не выбирала, а своего мужа только доставала. Взяла его; наняли почтовых, сели да и поехали. Приехали домой, пришли к губернатору, чтобы он велел чужих людей из дому выслать. Тот велел. Стали они в своем дому жить да поживать.

Приходит вечерок; она велела деньщику коней убраться и в комнату итти. Он идет и опасается: «Ах, как будто так не ладно! Мотри, опять будет плюхами кормить!» Призвала его к себе, окошки закрыли и дверь заперли. Поставил полковник самоварчик, налил полковник графынь водочки. — «Ну-ка, садись, деньщик, выпьем!» Деньщик не садится: крепко боится. — «Топерь не в полку: бить-то не буду—мы с тобой дома: отставные». Сели, стали чаёк

кушать. — «Перед чаем плохой», говорит: «дворянишка и то водочки выпивает». По стаканчику выпили, да по другому, да и по третьему выпили. Полковник и говорит: «А что, деньщик, чей ты, откуда?» Деньщик думает себе: «Как бы ему сказать?» Он хорошо знает, да рассказать не смеет, что домой приехал. «Я—здешний!» — «Чай, знаешь, чей это домик?» Деньщик затылок почесал и в носу пальцем пошевырял. «Это дом мой». — «На что ты его промотал?» — «Я поехал в Нижний на ярманку за товаром с двоюродным братом; заехал в трактир»... И рассказал ему все. «А жена у тебя где?» — «А бог ее знает. Я завез ее в лес дремучий и бросил. Я думаю: давно в живой нет!» — «Зачем в лес завез?» — «От совести людей», говорит. — «А сам куда пошел?» — «Я шлялся и в охотники нанялся». — «А чать тебе ее несколько жалко?» — «Когда же не жалко!» — «Чай бы ты ее узнал?» — «В лицо не знай узнаю ли, а по приметам узнал бы».

Скинул полковник с себя всю одежду и нагишем остался. Оборотился к нему спиной: «Погляди-ка, я не жена ли твоя». Он посмотрел у ней на спине приметы-то все, а спереди-то не переродилось. «Ну что, жена я твоя иль нет?» — «По родинам жена». — «Садись: давай теперь водку пить, да по прежнему друг дружку любить». Водочки напильсь и на постельку забрались; поцеловались да обнялись.

Проспамши темную ночь, дожили до светлого дня и отправились к губернатору, чтобы собрал величешую сходку. Не успели этого закончить, от царя указ поступает губернатору, что кто жил в эфтим доме до третьего колена—

решить их жизнь. Полковник одежду скинул и на мужа надел. И стал он оставной полковник, а она бабой осталась. Я ее видел вот недавно: как жать ездил, так пить заходил.

(Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым... № 18).

В тексте (стр. 331) выпущены некоторые отдельные слова и предложения, в виду неудобства воспроизведения их в печати.

СКАЗКА Ф. И. ЗЫКОВА

Федор Иванович Зыков — сибирский сказочник. Крестьянин глухой таежной деревни, Кульчек (на р. Енисее, Красноярского округа). Сказки его впервые записаны в 1926 г. И. Г. Ростовцевым.

«Федору Ивановичу, — пишет собиратель, — 79 лет. Это высокий, бодрый еще старик с видом библейского патриарха. Копна белых волос на голове, хорошие живые глаза, вполне почтенная седая борода. Длинная ситцевая рубаха перехвачена по старинному шнурком. Широкие холщевые «шановары» спрятаны в короткие «сагыры» (ичиги) с растопырившимися голенищами. «Сагыры» эти кажутся лишними ненужными к крупной кондовой фигуре старика». Он — местный знахарь, сказочник и свадебный дружка. Но, главным образом, сказочник.

«Сказывать сказки ему приходилось много и часто, «на мостах» (дорожная повинность при царе), в тайге. в «беседах», просто длинными зимними ночами — их требовали от него и сейчас еще требуют»... Рассказывает он весело и спокойно. «Не заминается и не останавливается, подыскивая слова. Не вскакивает с места и не бегаёт по избе, как народные актеры. Он неподвижно сидит на лавке, сочно сплевывая и перебирая кисет с табаком. Только в патетических местах делает несколько энергичных жестов.

У него очень отчетливое представление о роли слова и детали в сказке. «Тут одно слово како неладно и ничего не получится. Тут надо все быстро делать». Как и большинство сказочников, Федор Иванович многому

верит из того, что рассказывает. Поэтому при передаче геройского поступка какого-нибудь богатыря, он не может удержаться от выражения удивления или восхищения».

Сказки перенял он еще в молодости; сказка о «верной жене» носит явные следы солдатской обработки, но сам сказочник в солдатах не служил; возможно, что эта сказка слышана им от местных поселенцев, от которых переняты им и некоторые другие сказки. Кроме приведенной здесь сказки, от него записаны еще «Франциль Вандиен» и «Иван-Царевич и Чудище медный лоб».

ВЕРНАЯ ЖЕНА

Был купец. И он помер, и жона померла. Оставили оне сына 19 лет. И осталось добра много мангазинов товару. И надо ему жениться, найти бабу. Он заставил дворника запречь корету и поехал по городу. Едет и видит сидит у ворот красавица (от которой собаки бросаются). Он и спрашивает: «Можно ли к вам заехать ночевать?» А оне бедного положения. Она говорит: «Што вы смеетесь над нами?»

«Ничего не смеюсь . . .»

Заехали. Кучер выпрег коня. Зашли в хату, сели чай пить. Он и спрашивает отца, сколько вашей девице лет? — «Да девятнадцать», говорит. — «Дак пора замуж отдавать уж». — «Да», говорит: «Да кто возьмет — мы люди бедные?» — «Дак отдайте за меня!»

«Что, говорит, вы над нами надсмехаетесь?» — «Ничего», говорит: «не надсмехаюсь. Суррезно!» Наконец, сговорились, условие сделали, честь честью. И сегодня же купеческой сын выговорил ночевать с невестой. Ну как пришлось

почевать, он стал лакомиться с ней. Ну а она и готова. Вот он и стал думать, что поэтому она мне не жена. Утром встал и говорит хозяйну: «Хошь я и засватался», говорит: «а не жених. Прости сколько надо за бесчесьё — с вашей дочерью спал». Тот запросил тысячу рублей. Купеческий сын заплатил и поехал дальше по городу.

Видит он, сидит опять бедная девица. Он спрашивает: «А что можно заехать к вам чайку покушать?» — «Ежели не поморгуете, то заезжайте». Тот заехал и за чаем опять спрашивает: — «Сколько этой девице лет?» — «Да уж двадцать», говорят. «Дак можно и замуж отдавать», и стал опять за себя сватать. Те говорят: «Что смеешься ты над нами, что ли?» Но все-таки сговорились, условие поставили. Он и говорит: «Теперь мы пойдем с невестой в экипаж и отдохнем». Пошли. Он к ней там и стал ластиться. А она не хочет. Он стал грозить и леворвертом, добиваться. А она говорит: «Убивай, не боюсь!» Он вытащил нож и стал ножом грозить. А она не хочет. «После свадьбы», говорит: «сколько хошь, а сейчас не желаю Хошь убивай!» Он и думает: «Вот это будет жена!..»

Втапору, как сделали условие, отец и говорит: «Как же ты ко мне заедешь? Дом у меня плохой!» Тот спрашивает: «Не продает ли кто здесь дома?» — «Да вот продает одна вдова». Поехали они к ней. А у вдовы дом каменной, трехэтажной, в нижнем этаже мангазины с подвалами. Спросили: «Продаешь?» — «Да, продаю!» Ну он заплатил ей сколько-то там тысяч; пошли в присутственно место, написали кўпчу.

Заплатил он все. Приехали, он и говорит: «Вот, названной ты мой тесть, переезжай в этот дом, живи!» — Дал денег на закуски, на свадьбу. Потом приехал, женился на его дочери, привез ему несколько возов добра: «Торгуй!» Завалил все его подвалы. Тот стал торговать.

Раз поехал он в чужую сторону торговать. Вот пришлось ему в одном присутственном месте, в беседе али в какой гостинице. Все хвалятся, а он сидит и не хвалится. Его спрашивают: «Ты что жо сидишь?» — «Да так», говорит: «Што есть, то есть, а чего нет, то куплю». Один и говорит: «Хощь бы бабой похвалился!» Он отвечает: «Это да!... Уж никто не сомутит!» Этот фискал вызвался сомутить. Составили условие. Купеческий сын говорит: «Принеси бруслет, часы и перстень!»

Вот тот пошел, а был грамотной. Приехал, написал, что он товарищ ее хозяина. Она его приняла, угостила, спрашивает: «Так ты видел моего мужа?» — «Да видал», говорит. Вот пришла ночь. Она повела его в отдельную комнату. А он написал туда и подает ей, што муж ей велел ночевать с ним. Она закричала, затопала, позвала работников. Те его избили и выбросили за ворота.

Лежал, лежал он, отлежался и пошел в кабак. Попалась ему дорогой старуха. Он со злости толкнул ее. Та упала и говорит: «Напрасно ты бьешь меня. Я тебе пригожусь». Тот подумал. — «Правду, што старой народ лучше, больше нас знает». — «Помоги», говорит и рассказал ей все. «Ой, говорит, тут трудно помочь. Поди ты и закажи гартироп, да так, штоб в нем был на боку

сучок. Этот сучок надо выбить. Ты сядешь в этот гартироп, а я повезу тебя продавать. Она наверно купит».

Так они и сделали. Вот приехала та на базар, видит гартироп. Купила, заплатила 25 рублей, велела своим слугам ложить его на волока. Поставила она его в свою спальню. Когда она как уснула своим крепким сном, скинула перстень, часы и бруслет и положила на стол. Тогда он вышел и забирает эти самы часы, и перстень, и бруслет и отправляется, куда ему нужно.

Приходит в то место, куды они завешшали, и приносит знаки. Втапоры все ахнули: принес все правильно. Тот и говорит: «Ну, забирай все мои товары. Ты будь хозяин, а я ничем!»

Нагружают все товары. Фискал рапоряжается всем. Жона спрашивает: «Что жо это, Иван купеческой сын, у тебя он прикашшик, али кто нибудь?» Он говорит: «Молчи, не твое дело!» Приказал дворнику коня запрягать. «Но, садись. Поедем со мной!» Сяли на лёкку шлюпку. Выехал он за город и говорит: «Я надеялся на тебя, как на стену каменну, а ты себя погубила и меня раззорила». Згрёб ее и стал молотить. Избил до полусмерти, потом свалил ее в е м у р и н у.

Потом она лежит. Отлежалась. Пастух пас скота. Слышит, что человеческой голос. Пастух думат: «Что тако?.. Кто ето кричит?» Подходит к е му р и н е, видит человек лежит. «Ах, кто доброй человек, крешшоной, выручи меня из этой емурины!» Он раньше ее знал, а тут узнать не мог: избита она. Он пас в от г о н е, у него нашлась косушка вина. Он напоил

её. Прожила она у него две недели — поправилась.

Когда у нее все знаки зажили, пошла она в город, где шьют лопать. «Сшейте мене мужицку лопать: брюки, сюртук и фуражку с козырьком». Надела, приходит в присутственно место, волосы обрела, груди подтянула. Ее начальник спрашивает: «Што надо, молодец?» — «Хочу, говорит, послужить богу и великому восударю вольноопределяшшим!» Забрели ее, взяли. Как она раньше многому была обучона, выходит дядька, показал, рассказал — она всё делает сразу, все понимает и словесность и ружейные приемы. Он и говорит начальнику: «Толи этот вольноопределяшшой, али какой ученой. Все хорошо делат».

Ковда она обучилась всему, жалуют ее чином, ундер-офицером, офицером и так дослужилась до енерала. Женшина!

А тот с етой досады стал пить с горя. Жил плохо. Дожил — в одной рубашке остался. Пошел в кабак, сидел, думал, думал и додумался. Таким же манером приходит, на службу записался. Его также дядька учит. Но у него с печали мешаться стало. Но все таки он понял и словесность и ружейные приемы, смог до возвышения дослужиться, но только до полковника.

Вдруг делатся в том месте тревогá. Нужно прибавить в город войска. Приказывают полковнику: «Гони войско в этот город. А ты, енерал, держи войско и на следуй как следушшим порядком».

Ковда она узнала его, своего хозяина (сошлись они в присутственном месте, али где

в беседе, а у него рубец был на шее), она подошла и говорит: «Ах, кака одежда у вас хороша! Кто её шил? Расстегни ка ворот, я лучше разглеку». Тот, дурак, расстегнул. Она поглядела рубец. «Верно—думат—правду, мой хозяин».

Ну, потом нужно гнать полк. Гонят. Доехали до станции. Енерал распорядится: «Ну, полковник, иди ищи фатеру!» Ну тот нашол. Не худу жо фатеру нашол. А енералу не нравится. «Запах, говорит, плохой». Ругатся, подошел: хл е с ь, хл е с ь — набил полковника. Завтре опеть енерал бьет полковника. А ей хочеться свои побой отплатить. Тот думат: «Ну енерал!.. Хошь бы убрали его куды небудь!»

Вот последня станция. Это был тот город. Он кроме своего дома ничего не мог лучше найти енералу. Енерал говорит: «Вот это хороший хозяин. Очень рад!» Разошлись по разным комнатам. Енерал с хозяином пошел в отдельную комнату, а полковнику приказал итти в соседнюю. «Ступай и все пиши». Вот енерал спрашивает: «А што жо, ты—старожил, али приезжий?» — «А я, говорит, ваше превосходительство, мене все это имущество досталось так, дарма»... «Как дарма?» — «Да вот так. Были мы в одном месте. Все хвалились то тем, то другим, а он (прежний хозяин) нечем не хвалится. А я ему и говорю: «Похвались хошь бабой своей». А я ему и говорю: «Я ее угребу».

«Поспорили, составили договор—достать знаки: перстень, бруслет, чесы. Все сделади. Ежели я принесу знаки — то все заберу, ежели нет — я ему вечной слуга. Вот я явился к ней с письмом, што его товариш. Она меня приняла честь

честью, потом повела в отдельну комнату. Я ей и говорю, што муж ее велел с ней почевать. Как она закричит, затопат. Сбежались слуги. Она говорит: «Возьмите етого человека не чёсно». Стали меня бить. Избили, выбросили. Лежал я до солнца. На другой день стал, пошел в кабак шкалик вина выпить. Пошел, попадает мене старуха встречу.— «Што ты, дитетко, печальной?» Меня сердце взяло, пнул ее. Та говорит: «Не пинай, дитетко, я теби ишшо пригожусь!» Верно, думаю, стары люди! Росказал ей, как меня напотчивали и проводили. Она научила сделать гартироп, на середку выбрать доску с сучком, сучек выбить, дырку сделать и сделали. Старушонка повезла на базар. Та едет, спрашивает: «Как цена?» — «25 рублей». Купила, поставила в свою спальну. Вечером сидела, сидела, плакала, потом уснула своим крепким сном. Я вылез, забрал все: часы, бруслет, перстень. Забрал, пришел в условлено место, где условие писали при всей публике, принес все знаки и все заступил у него сколько было».

А полковник все пишет там. Тут енерал и говорит: «Ну што записал, полковник?» Тот говорит: «Записал всё!» Ну рассудил енерал хозяина. Сразу и расстреляли етого человека. А у него были родственники. Оне донесли все в сенат амператору. Тот приехал, призвал енерала, спрашивает: «За что ты расстрелял его?» Тот все росказал, как было. Прочитал царь:— «Правду», говорит: «все тут записано?» — «Правда», говорит: «вашо величество». Тот его выше енерала сделал графом, графску одежду на него надел.

Приезжат он в этот город свой. А полковник и думат: «Штоб тебя язвило! Я думал ему там голову снесут, а он графом приехал!» Ну, с дороги все таки стали пить, гулять, хоть и трудно это полковнику.

Ковда погуляли, граф и говорит: «Полковник, как хошь, а эту ночь ночевать со мной должен». Ковда пришло време ночевать, граф розделся, а полковник медлит. Граф кричит: «Што ты думашь — роздевайся!» Тот розделся. «Ну, ложись со мной!» Тот лег. «Обнимай», говорит: «меня!» Тот боится. Наконец, узнал, што это женщина. Ну, она и спрашивает: «Ежжал ты в эти ворота?» Он говорит: «Што вы, ваше сиятельство!» А она ему: «А помнишь, что ты писал за стеной. За што ты меня избил товда? Я ни в чем не виновата была».

На утро она одеват на него графску одежду, а сама наряжатся графией. На том и дело кончилось, и сечас так живут.

(Сказки из разных мест Сибири... 72—76 стр.).

СКАЗКА А. М. ГАНИНА

Андрей Михайлович Ганин (Белозерский край) — одновременно и сказитель-былинщик и сказитель-сказочник. Это владение двумя видами устного творчества своеобразно отразилось и на его сказках. Влияние былевого эпоса сильно проявляется в его стиле, изобилующем разного рода былинными формулами, «общими местами», эпитетами и пр.

Что же касается сказок новеллистического типа, то из них А. М. Ганин рассказал только одну и, по верному замечанию, собирателей — «своей формой она свидетельствует, что это не жанр Ганина; в его изложении, она вышла в значительной мере циничной и малоискус-

ной». Действительно, сказка о верной жене несколько выпадает из общего стиля Ганина и производит впечатление как будто рассказанной другим мастером. Сказочная обрядность в ней выражена очень бледно; изложена она с явными пропусками, вследствие чего ряд эпизодов в ней кажется не достаточно мотивированным. Так, напр., у него пропущено самое заключение пари, неожиданным является вмешательство короля и королевы, о которых ранее ничего не упоминалось; мотив «чудесного солопа» занесен из несколько сходных сказок о мудрой жене (см. наст. сб. № 9) и совершенно неуместен в данном сюжете и т. д. Не отличается сказка также и психологической глубиной или остротой социальных моментов. Текст Ганина интересен лишь, как один из вариантов популярного сюжета, в котором отчетливо сохранились черты различных социальных сфер, через которые прошла в своем формировании сказка о верной жене. Ганинский текст примыкает к солдатским редакциям, — но на ряду с солдатскими чертами, в нем очень сильны и черты купеческой среды, в которой, главным образом, и культивировался этот сюжет, противопоставлявший дворянской распущенности добродетель женщины-буржуазки.

КАК КУПЕЦЬ БИЛСЯ ОБ ЗАКЛАД О СВОЕЙ ЖЕНЕ

Был купец богатой, у купца был сын. Купец и помер. Стал у него сын, надо ему жениться. Стал он ходить по балам, по банкетам выбирать себе невесты. По господам, по купецским, и по генеральским, и по крестьянским. Нашел он себе любую невесту в деревне у крестьянина додь вдовичю. Она пондравилась.

Приходит дядя. «Такую», говорит: «я нашел невесту». Те его бранят. «На што эту берешь?» — «О, мне ладно!» — «Не поедем мы к тебе на свадьбу». Он говорит: «По мне, хот век не

ездите, а мне», говорит: «эта важна». Он и взял эту девичью себе замуж; они и рассердились на его.

Вот он и живет с ей. И стала у него житье, как бы на у м а л е н ь ё. Попрожил он всё житьё, не стало у него товару, не стало и денег. Приходит время, сряжаются дѣдья за море торговать. А у него ехать нѣ с цем. Приходит он к дѣдьям и просит денег или товару. Дѣдья ему товаров не да в а ю т и денег не да в а ю т.

Приходит домой невѣсѣлой, не лѣжит невесѣлой. А вот жонка и спрашивает: «Што же ты не вѣсѣл?» — «К цему же мне веселиться, как у меня нет ни денег, ни товару?» — «Не тужи ты, молись ты спѣсу, вались ты спать. Утро вечера мудреняе, кобыла мерина удаляе, жена мужа хитрѣе». Вот он повалился спать.

По утру она будит ранѣхонько: «Давай, раздевай, снимай с себя рубашку, надевай на голоѣ тело». Потом он надел солоп, надел рубашку; подала она 50 рублей, все рублями. «Ступай, бери товару, хоть на десятку набери, а подай рубль — а скажи: всё в расчѣте. На сотню набери, отдай 10 рублей и скажи: всё в расчѣте. Набери ты на 200 рублей, отдай 20 рублей и скажи: всё в расчѣте. И тебе скажут, што всё в расчѣте».

Вынет денег десять, двадцать, а сунет в карман — денег всё не убывает. Набрал кое-какого товару, нагрузил три судна, и порядил он людей ехать с собой на три года, порядил рабочих. Вот они сошли эти рабочіе и закировали в трактире. Эти дѣдья и пришли в этот трактир и говорят: «Што вы, от кого в работники пойдѣте?» — «Пойдѣм», говорят: «от вашего Ивана». —

«Да Иван сам приходил, сам просился в работники. Он не на смех ли вас порядил?»

Они как равно испугались. «Пойдём, найдём его!» Пошли, нашли его трехтире, а он сидит и пьянствует. Наставлено перед ним всяких водок. «Эх, вот мы пришли у тебя задаточку попросить». — «Эх! Берите сколько надо!» Они и говорят: «Што это дедья-то наврали!»

Вот они поехали за моря. У Иванушки весь товар обрали в трое суток, а у дедьей никто ницего не купил. Ванюшка взял весь товар откупил, и у его обрали весь товар и этот. Дедья сошли в трахтир, и Иванушка сошел в тот трахтир. И запили они. Вот они и спрашивают: «Што это у тебя денег объявилось вдруг много?» — «Ой вы, такие маковки, у меня теперь денег убыли нет, могу весь товар в городе перекупить. Мне, как жонка дала солоп, так мне от дясуденег все прибывает».

Вот они поили, поили; напоили его без цювствия, он и похвастал: «Знаю, што с моей жонки именного перстня не снять и патрету с ней не списать никому». А тут некоторые и говорят: «Может, она согрешит с кем-нибудь и гульнёт?» — «Нет!» И заложился за жонку все своим имуществом.

Доброй молодец и не знает ницего, торгует себе. Выторговался и поехал в родительский город. Открыл лавочку и объявился иноземным купцем, дешевых товаров навез. И этот — купчиха живет месяц и в глаза не можот увидеть. Вот и спрашивает: «Што же я ее не могу никак увидеть?» — «Она никого не пускает и сама никуда не ходит». «Есть старуха такая, то там

сказали ему, через неё ты, можот, нет ли до-стукать».

Взял бутылку вина да к ней. Приходит. «Баушка! Поставь-ко самоварчик, цяйку напиться!» Старуха сготовила самоварчик, старухе поставил бутылку вина, подал ей стаканчик и другой. Старуха охмелила. Вот он и говорит: «Баушенька! Нельзя увидать эту купциху?» — «Отцево? Можно!» — «Ах! Кабы ты мне сделала, на тебе 50 рублей деньги. Ежели я увидаю, то я ешшо тебе несколько дам». Старуха и говорит ему: «Приходи завтра ко мне». Он и пришел к ей; старуха и говорит: «Принеси большой сундук про-странной, штобы тебе самому было сись».

Вот он и купил сундук большинской, преболь-шинской. Старуха приказала мастера — наvertsели полный дыр его, и покрасили его, што есть, нет ли стёкла. А из сундука видать сквозь стёкла. Вот она, взявши, сходила к этой купцихе. «Гос-пожа купциха! Нельзя ли тебе принести сундука? Есть у меня дорогие вешшы накладёны; надо сходить к сестриче в гости, а у меня-то дома заложки те худые». — «А вот отнеси в этуспальню, поставь этто прёсто».

Она порядила четырех человек, посадила в сундук; марш к ей в спальню и принесла. Она поставила против зеркала. Она пошла спать, в одной рубашке ее всю и видать ему в зеркале. Вот он списал патрет ее и увидал на груди б о р д о в и ц я, промеж титьками три волосинки цёрные — он и списал все это. И увидал, как она кольдэ снимает и кладёт его на окошко. Через трои суточки приходит эта старуха по сундук и говорит: «Мне, говорит, унести его

домой — часто ходить в его нужно!» — «А по мне ницего — отнеси!»

Вот выпустила она его из сундука, и говорит он ей: «Вот тебе 500 рублей — возьми у ней перстень, он на окне лежит, и принеси мне». «И ты», говорит: «купи на рынке такой перстень — я и обменяю его». Вот он сходил обменял перстень, 500 рублей дал. Старуха сошла пораньше, купчиха спит, перстень и переменяла. Старуха как принесла перстень, он взял перстень, лавочку прикрыл и домой отправился в свой город.

Передал всё это королю — патрет и перстень. Тот взял, заводит весь пир, которые были на пиру. Призвали этого Ивана. «Покажи, Иван, от жены от своей патрет!» Вот Иван вынул, показал, и тот показал, сложили — будто как один, перстень показали. «Видно твоя жонка согрешила!» Обрали с Ивана всё имущество и взяли даже солоп, остался он в одной рубахе; король, которое здись себе обрал, а тому целовеку, которой ездил, отдал всё имущество, которое там.

Приехал домой, берёт свою жонку, за руку выводит из дому вон. «Ну», говорит: «прошай, ты мне не жена, я тебе не муж!» Сошел он, срядилсе, поступил в солдаты рядовые и служит он солдатиком; ему, добру молодцю не далось. Теснят, обидят.

Она удалилась из своего городу в другой. Вот она пришла в другой город к старушке ночевать. Дала рублик и говорит: «Неси бутылку вина, да цяйку, да сахарку — устроим мы с тобой пирушку!» И старуха довольна. По утру выпила и говорит: «На тебе, баушка, рублевку — купи

того и другого». Старухе-то и ладно, а у ей-то денежки выходят. Задумала и говорит: «Надо денежки наживать», говорит. «Поди-ко, баушка, купи брюки, жилет, одежонку мужскую. Надо итти деньги наживать как-нибудь! Сапоги хорошенькие купи!» Старуха сошла, всего набрала рублей на двадцать ей. Волосы постригла, нарядилася молодец, молодец себя красивой сделался.

Вот и пошел доброй молодец по утру рано по лавкам. Идет ему купец старой, сивой настрицу. Этот купец и говорит: «Что ты молодец рано? Надо тебе что купить, ли что продать, ли работишки искать какой?» — «Да, надо бы работишки какой-нибудь найти». — «Чего ты можешь роботать?» — «Все могу роботать, черную роботу могу роботать, могу в прикашниках послужить, могу в писарях». — «Так у меня», говорит: «один прикашник расчет просит. Почем возьмешь на год ли, на месяц?» — «А что взять? Ты сам старик, не глупой, а спрашиваешь. Ты возьми сперва так да посмотри, как я работаю — а потом и цену назначать будешь. А я могу служить всю жизнь, никого у меня нету». — «Ну ладно, это и хорошо. Приходи, говорит, завтра».

Вот он росхитал прикашника, а этот ноцевал у старухи опеть. Со старухой рассчитался. Приходит он к купцу. Вот купец и поставил его в лавку, немного там товару. Вот он и живёт в этой лавке мисяць и торгует. Приходит купец и дивуется, что много доходу от него стало. И перевел его в другую лавку. Он и служил в этой мисяця два. Вот доброй молодец прослужил он мисяця два, приходит купец отчет

принимать. Доволен стал. Перевел его главным прикашшиком. Он тут и служит у него года полтора. Так дивился купец, стал он полным доверенным.

Живет он у его года три. Прошла про его слава большая,—что прикашшик хорош и красив, с людьми обходительной, народу всегда полная лавка. Ехал раз генерал с генеральшей. Генерал и говорит: «Слушай, душенька, говорят прикашшик хорошей, надо кисею на платье купить». Вот они зашли в коморку, он и начал их потчивать. «Господин прикашшик! Нам надо товару забрать». Вышли товарчику брат, они брат, они брат-побрат и на 500 рублей товару и накупили. «У нас денег нет с собой—мы тебе из дому вышлем».—«Как», говорит: «этим людям не повирить? Мы простому народу вирим». И поварили ему и отвезли товарчик. Они день не посылают, другой и третей.

На 4-й день приезжает легковой. «Генеральша, говорит, требует за деньгам!» Он снарядился и поехал за деньгами. Встретили его, добра молдца, увели его в верхний этаж и угощают его. Остались их двое только с генеральшой. Вот она потчивала, потчивала его и говорит: «Как бы на диванчик отдохнуть».—«Ах барыня, как же? Я к тебе на диванчик не пойду—ведь муж твой генерал! Кабы я чиновник какой бы, лучше дело быть». Никак не могла она его созвать и уехал без денег, денег не выдала.

Приезжает её муж, она и говорит: «Ах, душечка, этот прикашшик, надо его произвести в офицеры».—«Да это ништо, через деньги

можно его и офицером сделать». Генерал съехал к чарю и говорит: «Такого-то человека в офицеры произвести — а он в прикашшиках так век проживёт!»

Поехал генерал к купцю. «Давай», говорит: «прикашшика в солдаты!» Купец не отпускал; делать нечего, пришлось отдать — дал ему 1500 рублей жалованья. Вот его дорога молодца обрали в солдаты, сделали офицером. Вот он день, другой служит в солдатах — требует его генеральша за деньгам опять. Потчивала, потчивала и опять требует на диванчик. «Кабы полковник, так почаще бы я ежжал к генералу, а теперь нельзя». Ну теперь так и отговорился. «Завтра», говорит: «ты будешь выше чин».

Приежжает муж, она ему и говорит: «Больнѣ хорош офицер, дать бы ему чин подполковника». Пожил с мисець времени. Вот опять требует за деньгами себе. Те басни, другие, потчивала, потчивала и опять на диван просит: «А завтра», говорит: «будешь генералом!» Опеть он уехал так домой.

Пожил мисяць, больше. Приежжают, посмотрели, что хорошо действует генерал и солдаты слушают его. Он опеть прожил мисець, более. Его требуют за деньгам. Потшивали, потшивали его и опеть к себе на диванчик. «Нельзя», говорит: «кабы я генералом объежненским — дивизии генералом». Генералом прославили его.

Служит мисяць и более. Приехал сам царь и сделали его самым высшим лицѣм. Она его и приказывает за деньгам. Он и говорит: «Ах! Нельзя мне согрешить — у меня есть жена, а у тебя муж, закон нельзя парушить!» Вот и рассердилась на его. «Я тебя произвела! Зав-

тра будешь рядовым!» — «Нет, уж удалела, сам царь наложил нашивки те!» Она рассердилась и деньги выдала ему.

Вот он уехал — приезжает муж, она и говорит: «Уж больно мне опротивел генерал, глядеть на него не могу. Сделай ему унижение!» — «Нет никак не могу! Теперь нельзя. Его лучше в объезженски генералы». Вот его произвели, и поехал он в свой город войска смотреть.

И стал он на постой в свой самый дом. И стоит в своем доме и смотрит войска. Выдет на балкон и смотрит, честь отдают генералу. Вот идет та рота, в которой ее муж служит. Вот дошел ее муж, на колени — не мог перенести, што рядовым солдатом мимо своего дому идет.

На другой день приказал эту роту себе на двор. Те испугались, видимо, не так честь отдали. Вот дядька и заставил в ряд свою роту; выходит генерал смотреть. Доходит до своего мужа и спрашивает: «Об чём ты тоскуешь? Об жене своей ли, об детях своих, либо в доме своем?» Он не признается. «Ни об чём не тоскую», говорит. — «Да как ты, невежа? Об чём ты падаешь на колени — ноги не ходят. Раздиньте его, солдаты, до гола, дайте ему двадцать пять розог! Он по жене своей тоскует!»

Стали его солдаты роздевать — он почирниет и побледниет. Взявши его, как бы повалили стегать, а она и говорит: «Бросьте уж, прошу первую вину!» Как его одили, оставили. А он опять: «Раздиньте — хоть пятнадцать розог надо дать!» Как его повалили, а она и говорит: «Бросьте его, сукина сына! Можот, перестанет тосковать!»

Опеть его одили: только его одили, она опеть: «Роздиньте его, сукина сына, хоть пять розог нужно дать! Да бросьте его, сукина сына— у него и ножки не ходят. Дядька! отдай его мне в лакеи, он и ходить не можот!» — «Дело не мое», говорит: «обирай, хоть всех!» Взял в лакей его себе. Вот эти ушли солдатики со двора, его оставили. Вот сицясь до вечера доживает и говорит: «Принеси, лакей, ведро вина да ешшо других напитков. Завтра я буду именинник!»

Вот на именины созвали этого хозеина, который в доме живет, лакея поставили ко дверям. Писарей посадили в другую коморку писать, щтобы они, щто станет говорить, щтобы слышали. Она — поить этого хозеина очень сильно, и напоила его пьяного и стала его спрашивать: «Как же ты в этот дом попал? Раньше я бывал, в этом доме живали». — «Потому щто не я живал в этом доме». — «И как же ты попал сюда?» — «А вот твой хозяин этому дому торговал в нашем городе, заложился за жену— она никому не даст, говорит. Никому с ее патрета с ее не снять, говорит. Я и приехал, это дело изорудывал!» — «Да как же ты это дело изорудывал? Согрешил, нет ли с ней?» — «Нет», говорит: «никак я с ей не согрешил и попуста я списал из сундука, а перстень мне эта бабушка принесла, я ее кормлю на место матушки: она за пятьсот рублей мне перстень принесла. А писаря же все пишут. «Я, говорит, всё ложно сделал». — «Так ты все ровно, щто эти две души погубил», говорит: «где же они теперь», говорит: «находятся?» — «А я слышал, щто Иван служит

рядовым солдатом, а про неё известия нету. Знать она потонула, знать она удавилась».

Вот уж ей полно потцивать. Ушел он в свой кабинет. «Пойдем-ко, лакей, и мы спать! Вались, лакей, ты к стенке, а я взад». — «Нет», говорит: «ваше благородие, я с краю, может принести што потребуется». Генерал приказал; рядовой солдат повалился к стенке, генерал на крайчкк.

[Следует обычный эпизод признания, но изложенный с обилием циничных подробностей.]

Вутро опять и говорит: «Наряжайся ты лакием». Она повески подала, штобы ехал чарь сюда — неисправны здесь войська. Приехал дярь, набралось публики, господ много. Вот выходят эти писаря. Она и объясняет хозяину: «Ну, сказывай, как ты в этот дом попал?» — «Это мой старинной!» — «Как старинной?! Писаря! читайте!» Те и прочитали, все и слушают. «Ведь он погубил две души. А я», говорит: «этому дому хозяйка!» Взяла сняла с себя платье, сбросила, все глядит: «Как женщина, а генерала дослужила!» Она все объяснила. Говорит ей дярь: «Што хочешь, то и делай!» Она потребовала, штобы казнили хозеина, а старуху вон куда-нибудь, бог весть, куда увезти. Мужа ее сделали генералом, а её генеральшей. Имушество все потребовали от короля того назадь.

(Сказки и песни Белозерского края... 121; стр. 220—224).

СКАЗКА М. Д. КРИВОПОЛЕНОВОЙ

Марья Дмитриевна Кривополенова, нищенка из Архангельской губернии — известная «бабушка Кривополенова», в период 1911—1921 годов неоднократно вы-

ступавшая с исполнением былин и сказок в разных городах Союза (Ленинград, Москва, Саратов, Ростов, Харьков и др.). Широким кругам читателей известна она и по книжке О. Э. Озаровской «Бабушки старины». 1-е изд. 1916 г.; 2-е — 1921 г.

Основной репертуар М. Д. Кривополоеновой — былины; как сказочница известна она в меньшей степени, хотя сказок знала она довольно много и прекрасно их рассказывала. По характеристике О. Э. Озаровской, сказки — «область, в которой бабушка безгранично очаровательна... Ее горячий темперамент, детская веселость, остроумие, увлечение всем тем, с чем сейчас грезит, изумительное владение языком... — все это делает ее сказку высоко-художественною, но, но... увлеченная бабушка сыплет слова, глотает концы их, не договаривает всех фраз, и потому наслаждаться ее исполнением может лишь сидящий вплотную к ней. Попросите говорить помедленней — и бабушкин пыл остывает»...

ВЕРНАЯ ЖЕНА

Бывало, живало — купец да купчиха. Бывало у них один сын. Они торговали справно. Был купец богатейший. Купец помер, купчиха тоже померла. У них остался один сын. Ну живет, поживает один. Натъ, вернд женится. «Кака мне невеста взять, у купца-ле кого, у генерала, у крестьянина богатого, где искать?»

Потом идет возле речки по угору, гуляет (как твой сын вчера гулял по угорам, по лугам), девица белье полощет, весьма хороша, ему приглянулась.

Удумал: возьму я эту девицу взамуж. Што ж, што она не богата, — вовсе приглядна. И говорит:

— Ты девица, какого рода, какого отца?

— Я бедного сословья, у меня отец сапожник живет бедно.

— Пошла ли за меня взамуж?

— Кака я невеста? Я человек бедной.

Потом девица пошла. Он за ей след пошел узнать, какого она места. Приходит девица, — избушка маленька. Он зашел в фатеру. Отець у их сидит сапоги работает.

— Ну, купец именованной, што вам тако нать? Сапоги работать али стары починять?

— Не сапоги работать, не стары починять, пришел я на вашей девици свататься.

— Што ты, купец смеишься! возмеш ли ты мою дочь? Вы богаты, а мы бедны.

— Славиться не будем, бери из магазина, што надобно: люди будут убиваться, што именованной у бедного берет, а ковды справимся да обвенчаемся, тоды и свадьбу поведем.

Обвенчались, пирком да свадебкой. И живут вовсе хорошо: и советно и богато, и так на эту хозяйку идет торговля хорошо, дак...

Жили, пожили. В Пруссии-городе сгорела лавочка. В той лавочке товару было всех боле.

— Как же мы будем эту лавочку строить? «Хозейку взять невозможно; здесь оставить — порáто хороша, к ей люди подобьются. Вот и печалуется день и два ходит, печалуется. Она и спрашивает:

— Што вы, господин, ходите эдакой туманной?

— А как будем лавочку строить? Тебя оставить дома не смею: с умом жить не сумеешь. А людей послать; дак много утраты будет.

Она говорит:

— Срежайся ехать! Буду одна жить, сама себе сохранна.

Одела ему сорочку белееньку:

— Если сорочка бела замарается, то я с ума сбилась, а если рубашка бела, дак живу крепко, и с п р а в и л ь н о.

Вот он и уехал в Пруссию-город ставить лавочку. И живет поживает, может, и с год време, а рубашка на ём бела, как снег. Он стал торговать. У его товар вовсе хорошо идет, а у иных купцей—плохо. Другие купци его не любя, королю доносят, што он волшебник, волшует: у его товар идет, а у нас нет.

Этот король собрал пир и на пир созвал торговых людей там-каких нибудь генералов, хрестьян и всякого звания людей и этого купця созвал на пир.

У него рубашка вся бела, бела как снег. Стали пировать и жировать, потом пошла гулянья. Потом они стали бороться и все прибились и все припотели, и все припатрались: этот купец со всеми переборолся, у его рубашка все бела.

Король сочтил его волшебником знатливым: знат много, — нать его в тюрьму.

— Зачем жа вам меня запирать? Никак я не волшебник. Мне рубашку жена надела. Если как с умом живет, все рубашка бела, а если забалует, дак и рубашка замарается.

Король того не вникает. Его в теремной замок.

Потом и удумал к хозяйке послать слугу верного.

Дал сто рублей денег.

— Поезжай, подбейся к ней. К хозяйке его-вой! Слуга и поехал в город.

— Из Пруссии! Из Пруссии приехал! Куда ему фатера? Натъ штоб чисто, бело! К этой купцевой хозяйке его на фатеру.

Купцева хозяйка: «пожалуйста, милости просим!» Чужестранного человека поит кормит, чаем, кофею, всем угощает.

Он и стал ей говорить:

— Эки вы хороши, эки вы ненаглядны, как вы жить можете без мужа? Вот я дам сотню денег, не можете ле со мной позабавиться?

Она говорит:

— Грех! Большой грех!

Он говорит:

— Да што ты, што ты. Да твой муж не так живет, мы про его знаем, он близко.

Она и согласилась, взяла сотню денег у его. Пошла во спальню. Он и говорит:

— Вались, говорит, ко стенке!

Она отвечает:

— Я никовды со своим мужем ко стенке не сплю, ложись сам, а я на краю.

Он и повалился, ба ж о н о й, ко стенке. Она раздевалась, да помешкала немножко, валиться стала, — у ей там были пружины; пружинки толкнула, — он сейчас полетел у ей вниз в погреб.

Вот она ему дала за дурные слова, как свинину режут, да такую пишшу дала. Дала веретено, куделю и прялку. Приказала напрясть нитку тонку, как шолчину, дак пойдет тебе пишша хороша тогда. Он прость не умеет. Бился, бился, потом напрея нитку, как шолчина. Потом пошла ему пишша хорбша.

Король там его ждет. Нету посыльного: вот он там гуляет, вот забавляется!

Ишша ждет:

— Вот такой, сякой уехал, гуляет верно там с ей! Другого пошлю, ишша верней и лучша! Триста денег дам!

У купца все рубашка бела.

Другого послал посыльного. Другой таким же случаем приехал в город: к ей подбиваться стал:

— Эка ты красива, эка хороша! Не можно ле с тобой позабавиться? Вот тебе триста денег.

Она с им таким же побытом в спаленку пошла, да бух его в погреб!

Одному пишша уж хороша идет, а другому ишша худа пишша.

Король весь прихлопотался. Хлопочет, хлопочет: куда девались, нету, нету.

— Гуляют там видно с ей! Сам поеду!

Посмотрел, у купца рубашка все бела.

— Накладу ящик денег, неужели нельзя подбиться к этой хозейке?

Вот и поехал сам в тот город, в тую деревню.

Народ:

— Из Пруссии король! Из Пруссии король! Куда ему фатера? — Фатера ему у купцовой хозейки: у ей чисто, у ей бело!

Ну, вот и у хозейки.

Хозейка принимает хорошо, поит и кормит. Она его чаем, кофием, всякими напитками угощает.

Он стал ей говорить:

— Эки вы хороши, да эки вы красивы! Возь-

мите эдакой ящик денег, согласитесь со мной! — говорит король.

Она говорит:

— Не соглашусь. Поезжай на полсутки в город, а я схожу к бачьку-духовнику, спрошу, простимой ле грех. Как простимой, дак соглашусь, а непростимой, дак и на деньги не обзаясь.

Он и уехал. Вот она и пошла к бачьку. Бачько выходит из ба й ны: запарел, заруменил. Она и говорит: «Простимой ле грех из-за мужа согрешить?»

А он и говорит: «Непростимой, большой. А согрешим со мной, дак грех не будет, за нас мир замолит!»

Она говорит!

— Приежай часу в девятом вечера!

И вышла.

— Пойду схожу к благочинному!

Пришла к благочинному.

— Простимой ле грех из-за мужа согрешить?

Благочинному эта красавица натъ:

— Нет, непростимой большой грех, а со мной, дак не будет грех: епархия замолит!

— Приежай в часу десятом!

Пошла к архирею:

— Простимой ле грех из-за мужа согрешить?

Архирей тоже на эту красавицу обзавидовал:

— А согрешим со мной, дак вся империя замолит.

— Приежай в часу одиннадцатом!

Она ушла домой.

Там она ящик опорожнила и склала деньги куда ле.

Вот живет, поживает. И звонок у ворот.

— Кто, кто приехал?

Бачко заехал в гости. Она потихоньку да помаленьку самовар наставляет. Чай попивают. С час немного и време.

Опять звонок у ворот.

— Это кто наехал?

— Благочинной.

А чин чину повинуется ведь. Чин чина боится. Бачко дронул.

— Я-то куды, я-то куды?

Она говорит:

— У меня яшник есь большой, ты в яшник!

Стала опеть благочинного угошшать, с час време прошло, а тут звонок у ворот.

— Кто, кто у ворот?

— Архирей.

Благочинной архирея боится:

— Ох, ох, я-то куды деваюсь? Што архирей скажот: зачем к женщины пришел? Я-то куды?

— В яшник.

И два там собрала.

Стала архирея угощать. — Король-ат и садит. Едет. Звонок.

— Кто, кто у ворот?

— Из Пруссии король!

Испугался архирей.

— Я-то куды. Расстригёт меня!

— В яшник!

Король приехал:

— Ходила к попу духовнику? Спрашивала ле?

— Ходила. Грех большой, непростимой. Не буду грешить?

— Скорей, — король-от разгорячился, — не-
сите мой ящик в сани!

Слуги вынесли. Король поехал домой с яшшы...
(*Холот пресек рассказ*). С ящиком!

Вот и поехали. Едет, гонит! у купца все не
марается рубашка. Приехал король, кликал пир
и выпустил ейного мужа.

Пировал-жировал.

— Есь ле в Пруссии эка хозяйка, штоб не
согрешила, на эки деньги, на эдаки деньги не
обзарила!

Отворяет ящик: тут поп, благочинной, ар-
хирей...

Три штуки за пёрано.

А у хозеина все рубашка бела.

— Поежжай домой да выпусти, там сидят
двое ишша.

(«Красная Нива», 1926, № 29).

II

СКАЗКА М. И. ВДОВКИНОЙ

Сказка о рябке, записанная со слов крестьянки М. И. Вдовкиной, является великолепным образцом диалогического мастерства в сказке. В виду отсутствия каких-либо сведений о сказительнице, мы помещаем эту сказку не в основном тексте, но в приложениях. Сказка записана в 1913 году в деревне Слудской, Котельничского уезда, Вятской губернии.

РЕБОК

Муж с женой поехал к тестю в гости. Доехал до лесу. Он поймал ребка. Жена спрашивает:

— Муж, кому ребка?

— Батюшке моему.

— А моему - то *що*?

— А нет ничего.

Жена говорит: «Не поеду в гости! Едь домой!»

— Ты — говорит — жена, не захворай.

— А *що* — говорит — захвораю, так захвораю!

Кому ребка?

— Батюшке моему.

— А моему - то *що*?

— А нет ничего.

— Едь скорей домой!

Едет домой.

— Жена, ведь, я к дому подъезжаю.

— Ну так *що*? Подъезжаешь, так подъезжай!

Кому ребка?

— Батюшке моему.
 — А моему-то що?
 — А нет ничего.
 — Захворала я. Поезжай скорее за попом
 приобшать меня!

Ну, привез он попа и бежит в избу переже
 попа.

— Жена, я попа привез!
 — Ну, так що? Привез так привез! Кому ребка?
 — Батюшке моему.
 — А моему-то що?
 — А нет ничего.
 — Приглашай скорее!
 — Ну, жена, я попа повез; не умри без меня!
 — Ну, так що? Умру так умру! Кому ребка?
 — Батюшке моему.
 — А моему-то що?
 — А нет ничего.
 — Умру без тебя! Вези мытничу!

Привез мытничу. Бежит переже домой.

— Жена, я привез мытничу.
 — Ну так що? Привез так привез! Кому ребка?
 — Батюшке моему.
 — А моему-то що?
 — А нет ничего.
 — Давайте, мойте меня скорее!

Он и говорит.

— Жена, надо мне итти домовишшо де-
 лать, мужиков звать.

— Ну, так що? Делать так делать! Кому
 ребка?

— Батюшке моему.
 — А моему-то що?
 — А нет ничего.

Идут мужики мерку снимать. Она опять мужа спрашивает:

— Кому ребка?

— Батюшке моему.

— А моему-то що?

— А нет ничего.

— Кладите в до м о в и ш ш о скорее!

— Жена, я тебя везти хочу.

— Ну так що? Вести так вести! Кому ребка?

— Батюшке моему.

— А моему-то що?

А нет ничего.

— Вези скорее!

Подъезжает к селу.

— Жена, ведь я к селу подъезжаю.

— Ну так що? Подъезжаешь так подъезжаешь! Кому ребка?

— Батюшке моему.

— А моему-то що?

— А нет ничего.

Приехали на кладбище.

— Жена, ведь, я тебя в могилу хочу спущать.

— Ну так що? Спущаешь так спущай!

И опять спрашивает:

— Кому ребка?

— Батюшке моему.

— А моему-то що?

— А нет ничего.

В могилу спустил. Она опять спрашивает:

— Кому ребка?

— Батюшке моему.

— А моему-то що?

— А нет ничего.

— Ребята, вали глину!

Тут ее и завалили глиной.

Жена в могиле-то и зашумела. «Твоему, твоему, твоему!»..

А он ее уж завалил, так теперь нечего.

(Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д. К. Зеленина № 76; стр. 227—229).

III

СТАРИННЫЕ СКАЗОЧНИКИ

В русской литературе о сказке есть две забытые статьи даже, быть может, вернее будет сказать: не забытые, а как-то сразу затерявшиеся на журнальных страницах и оказавшиеся вне поля зрения специалистов. Между тем, они очень ценны, и как ранние попытки оценить значение искусства сказочников и как очерки двух, видимо, превосходных мастеров.

Одна заметка относится к 1848 году и принадлежит сестре известного критика-журналиста, Н. А. Полевого, — Е. А. Авдеевой, автору ряда беллетристических рассказов и бытовых очерков о прошлом. Авдеева же известна и как пионер в области издания сказок для детей. Раннюю молодость она провела в Сибири, впоследствии явилась в ряду первых сибирских бытописателей и собирателей устного творчества. В одном из очерков, посвященных быту и нравам старого Иркутска, помещен и рассказ о сказочнике Терентьиче.

Другой очерк принадлежит известному историку, позже основателю и редактору «Русской Старины», М. И. Семевскому. В 1864 году он поместил на страницах «Отечественных Записок» специальный очерк «Сказочник Ерофей». 60-е годы были как раз эпохой усиленного внимания к собиранию сказок. В 1858 году вышел открывший собою историю изучения русской сказки сборник Афанасьева, в 61—63 годах выходили замечательные сборники Худякова, в это же время вели работу и другие собиратели. На этот повышенный интерес к сказке откликнулся и М. И. Семевский, которому удалось повстречаться (в Псковской губернии, в соседстве пушкинских мест) с замечательным сказочником Ерофеем из деревни Плутаны, в просторечии «Ерѣха Плутанский».

В отличие от ученых собирателей, каким являлись и

Афанасьев и Худяков, Семевский чутьем угадал связь записанных им сказок с личностью сказителей и, не опубликовав всех записанных от Ерофея сказок, остановился на фигуре самого сказочника. Таким образом, если не считать чересчур эскизных страниц о Терентьиче, статья М. И. Семевского — первый опыт цельной характеристики сказочника.

Обе статьи содержат и сказочные тексты. В рассказе Е. А. Авдеевой передан вариант сказки об одной из солдатских проделок. В указателе Н. П. Андреева этот тип обозначен под № 1548: «Солдат варит кашу из топора». Лучший текст — в сборнике Афанасьева (№ 249).

Е. Авдеева передавала текст по памяти, спустя много лет после встречи со сказочником, и потому целый ряд подробностей оказался у нее опущенным, вследствие чего и самый сюжет утратил свою остроту. Соль же рассказа в том, что солдат заставляет старуху невольно для самой себя сварить кашу.

В варианте Афанасьева это передано так: «Вари кашу!» — «Да не из чего, родимой!» — «Давай топор, я из топора сварю!» — «Что за диво» — думает баба; дай посмотрю, как из топора солдат кашу сварит». Принесла ему топор; солдат взял, положил его в горшок, налил воды и давай варить. Варил, варил, попробовал и говорит: «всем бы каша взяла, только б малую толику круп подсыпать». Баба принесла ему крупу... После этого, таким же образом, он заставляет старуху принести масло. После ужина старуха спрашивает: «служивой, когда же топор будем есть?» — «Да, вишь, он еще не уварился, где-нибудь на дороге доварю, да позавтракаю». Припрятал топор в ранец, распростился с хозяйкой и пошел в иную деревню. Вот так-то солдат и кашу поел и топор унес».

Большое значение и интерес имеют тексты, приведенные М. И. Семевским — хотя также не в безукоризненно точных, но, как можно судить, достаточно хороших записях. Среди них прежде всего нужно указать на очень хороший вариант известной сказки о чудесной березе — параллель пушкинской «Золотой рыбки».¹

¹ По указателю Андреева: № 555. Вар: — Аф. 39, 40. Худ. I, 37; См. 125, 149, 363. Золотая рыбка встречается

Очень интересны приведенные М. И. Семевским рассказы-сказки Ерофея о барах и старостах крепостной эпохи. Они тем более ценны, что сказок и рассказов о крепостном праве записано чрезвычайно мало, и статья Семевского таким образом значительно дополняет наши скудные сведения в этой области.

Т Е Р Е Н Т Ы Ч

... Многие из старых людей в [Иркутске] были мастера прибавлять ко всякой речи какую-нибудь поговорку или прибаутку, и здесь-то, мне кажется, надобно искать настоящей игривости русского ума. Если в разговоре встречалось, например, слово о косе, то старик немедленно прибавлял: «Русая коса до шелкова пояса». О хозяйне и хозяйке: «хозяин в дому, как медведь в бору, а хозяйюшка в дому, как оладья в меду». Не привожу здесь множества известных всем выражений, каковы: «очи соколы, брови соболя, грудь лебединая, а походка павлиная». — «Милости просим, хлеба соли откусать, лебеда порушать». Обращаясь к подчиненным в доме девицам, старик непременно прибавлял: «Ох, вы, красные девицы, пирожные мастерицы, горшечные пагубницы».

Это было обычаем и принадлежностью всех разговорчивых, веселых стариков. Но между

только у Афанасьева; в остальных заменяется то птичкой, то также чудесным деревом. Вероятнее всего, что Афанасьевский текст сам восходит к сказке Пушкина, а не наоборот. Наиболее близок к тексту Ерофея. — См. 363: «Старик отправляется в лес за дровами, нашел столетний дуб, поколотил в него обухом — выскочил грош». Грош исполняет все желания, но после требования: быть царем и царицей — обращает мужика и старуху в свиней. Аналогичный текст записан летом 1923 г. в Тункинском крае.

ними бывали исключительные сказочники или баюны, которые хотя не сами выдумывали то, что рассказывали, но умели повторять старое со множеством шуток, прибауток, вставных выражений, и притом с какою-то веселостью, с каким-то удалством, которые развеселяли и заставляли хохотать слушателей. Вступлением к рассказам их была ее одна известная присказка: «На море на Окияне, на острове на Буяне», и проч. Таких присказок было множество, и каждый даровитый рассказчик придумывал что-нибудь новое к старому. Я приведу несколько примеров.

Вот начало вступления:

«Поместье у меня большое, заведение знатное: деревня на семи кирпичях построена, рогатого скота петух да курица, а медной посуды крест да пуговица; дедушка мой жил в богатстве, и мы с ним вместе варили пиво к батюшкину рождению; варили семь дней, и наварили сорок бочек жижи да жижи, а сорок бочек воды да воды, хлеба разного пошло семь зерен ячменю, да три ростка солоду, а хмель позади избы рос. Проголодался я добрый молодец, и свинья по двору ходит такая жирная, что идет, а кости стучат как в мешке; хотел я отрезать от ее жиру кусок, да ножика не нашел; так и спать лег; встал рано, захотелось жевать пуще прежнего; пошел, взял кусочек хлеба, хотел помочить в воде, да он в ведро не пролез: сухой и съел».

Такую bestолковщину продолжал рассказчик покуда ума хватало, а слушатели без умолку смеялись нечаяностям рассказа его, которому придавал он выражение тоном, понижением

и повышением голоса, а кстати и движениями. Затем начиналась самая сказка, где также события отличались нелепыми сближениями, и перемешивались с разными приговорками и присказками. Почти каждая сказка оканчивалась свадьбою, и рассказчик прибавлял в заключение: «Я там был, мед, пиво пил, по усам текло, а в рот не попало; дали мне кафтан, я надел, иду путем-дорогою, а ворона летит да кричит: синь да хорош; а я думал: скинь да положь; скинул, положил под кустик, пришел на завтра, только место знать, а кафтана нет и не видать». Такие окончания, вступления, и в середине рассказа беспрестанные вставки, то есть поговорки, прибаутки, нравоучения, присказки, известные поговорки, в роде: «скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается», или: «это еще не сказка, а присказка, а сказка все впереди», занимали много места и составляли такую важную часть самого рассказа, что нить или связь излагаемых происшествий была не главное: главное было искусство рассказчика.

Я слыхала удивительных в своем роде мастеров этого дела в Иркутске. В доме моих родителей был ночной сторож, или караульщик, как там называют: это был, можно сказать, необыкновенный рассказчик и замечательный по разным отношениям старик. Ему было тогда лет семьдесят, и хотя он был не велик ростом и худощав, но здоров, всегда весел, и притом прожора и рассказчик неутомимый. Когда, вечером, надев на себя охабень или тулуп, он с длинною дубиною выходил на свою ночную стражу, вокруг него собирались

Лубочная картинка,

все свободные в доме люди и упрашивали рассказать что-нибудь. Долго он отделялся от них шутками и прибаутками, и наконец, за хороший нюх табаку, начинал непрерывный рассказ. Окружавшие его рады были слушать его хоть всю ночь, и обыкновенно им уже приказывали разойтись.

Случалось, что в летние светлые ночи и отец мой подзывал его к галерее своего дома, где он сиживал по вечерам, и заставлял Терентьича рассказывать. Главный интерес его рассказа был в его манере рассказывать, потому-что сказки были все известные, кроме отдельных анекдотов, которые он приводил всегда кстати. Например, когда речь доходила до мужика, солдата, дьячка, и тому подобных лиц, рассказчик почти всегда делал небольшое вступление, в роде следующего: «Солдат. А что такое солдат? человек божий и пр. Шла партия солдат по деревне, и досталось одному солдату на квартиру к старой старухе, такой корге, что и ведьмы пугались ее. Солдат вошел к ней в избу, по христиански помолился, по русски поклонился, и честовал хозяйку добрым словом: «Здравствуй, бабушка-старушка, рада не рада гостю, а дай что-нибудь по р в а т ь!» — «Да что же тебе по р в а т ь, родимый мой?» — отвечает старуха, будто и не домекает, что он голоден. — «Была где-то веревка старая, да и ту ребятишки утащили». — «Ну, так нет ли у тебя чего поклевать?» сказал солдат. — «Да что же, родимый поклевать? Овса, либо круп я не сею, а с неба они не сыплются». — «Ну, так нет ли у тебя чего-нибудь по е с т ь?» сказал солдат уж напрямки. — «И,

родимый, — отвечает старуха — я и сама третий день сухую ложку лижу, да тем и сыта». — «Ну, нет ли у тебя молочка, хлеба, курочки?» — «Нету, родимый, и сама давно их не видывала». — «Постой же ты, старая ведьма, думает про себя солдат: «Научу я тебя царских слуг кормить — вдесетеро поплатишься. — Так и сварить у тебя нечего?» — «Ничего нет, родимый!» — «Ну, а вот под лавкой топор лежит». — «Да что ж топор! ведь его не укусишь, родимый!» — «Твоими зубами не укусишь, а наше дело солдатское. Я из него похлебку себе сварю, да с похлебкой и съем». — Старуха ухмылилась: «Посмотрела бы, как ты станешь топор грызть». — «Разварю, да и съем». — Старуха уж просто-запросто засмеялась. — «Пожалуй, вари топор, а коли разваришь, так и кушай на здоровье». — «Ну, спасибо и зато, бабушка. Пойду же наберу хворосту, да разведу огонь, а ты приготовь воды в чугушке». Служивый-то смекнул, что топор широкий, новенький, верно больше рубля стоит. Вот он вышел из избы, подозвал товарища, и говорит: «Слушай меня: как увидишь, что из трубы в квартире моей сильный дым пойдет, подбеги к окошку, застучи, да и зови: сбор, дескать, в поход! А уж за то будет у нас и добрый ужин, и но доброй чарке водки». — Воротился он в избу с охапкой хворосту, а старуха уж и воды в чугушке приготовила, и таганчик на шесток поставила, и трубу открыла. «Посмотрю, говорит, поучусь, как топоры варят, да с похлебкой едят». А сама со смеху помирает — думает, провела я солдата-то; поварит, поварит топор, да так и уйдет. А солдат не унывает, разводит огонь под

чугункой, да еще соли спрашивает. «Дай, бабушка, соли—без нее невкусно будет!»—«Возьми, родимый, на полнице». — Вот он взял соли, посыпал в воду, а как вода стала закипать, так и топор опустил в нее. Старуха сидит, да посмеивается, а он кипятит воду, пробует ее, да приговаривает: «Нет все еще сыр, и навару не дал». Вот уж вода давно ключом кипит, а он все только разговаривает со старухой, да пробует кипяченую воду. Старуха со смеху помирает, а он и говорит, как-будто сам с собой: «Нет, видно, мало огня. Дай еще хворосту прибавлю на огонь!» Прибавил, пошла трескотня, и дым повалил из трубы. А товарищ-солдат, как завидел из трубы сильный дым, подскочил к окну, стучит и кричит: «Семен Семенов! В поход! живо собираться к капитанской квартире!» — «Ахти!» закричал солдат: — «как же быть-то?» Взял железную чумичку, вынул топор из кипятку, держит в рукавице, да и пробует: «Сыр еще, сыренек», говорит, «да уж нечего делать: съем дорогой каков есть. Прощай, бабушка-старушка. Дай бог тебе здоровья: видала, как солдаты топоры варят и едят?» И был таков с топором. А старуха потом рассказывала за диво, что солдатскими зубами и сырой топор разгрызть можно».

К этому прибавлялось несколько нравоучений, в русском духе сказанных, и такая вставка только разнообразила главный рассказ. Разумеется, Терентьич говорил гораздо острее, выразительнее по-русски, нежели я сумела передать его слова. Это только «Фрейшиц, разыгранный перстами робких учениц».

Мне кажется вообще, что занимательность и прелесть русских сказок зависела больше от искусства рассказчиков, нежели от самого содержания их. Сказки русские вообще очень не замысловаты содержанием, а как они сохранились только в изустных рассказах, то теперь даже трудно узнать их в первобытном оригинальном их виде. Тереньгычи встречаются уже редко, а что до сих пор напечатано, то не дает понятия об истинном рассказе русской сказки. Еще лучше издания так называемые лубочные, с картинками, или с панкàми, как выражаются в Иркутске; в тех, по крайней мере, издатели не мудрствовали, не стирали оригинальности с рассказа, но другие хотели улучшить его, и портили тем. Не думаю, чтоб можно было теперь восстановить наши народные сказки в настоящем их виде, ибо, повторяю, что не содержание, а рассказ составлял все их достоинство.

Я упомянула, как рассказчики выказывали народное остроумие при словах «солдат», «дьячек», и тому подобных. Но они останавливались мимоходом на множестве слов, и поясняли их каким-нибудь присловьем или рассказом. При словах: «ворона», «сова», «непогода», «ночь», «солнце», «месяц», и бесчисленных других, бывали прибаутки и присказки. Все это теперь потеряно для нас невозвратно.

(Из ст. К. Авдеевой, «Воспоминания об Иркутске». «Отеч. Записки», 1848, т. LIX, отд. VIII (стр. 125—138. Перепечатаны страницы 132—135).

СКАЗОЧНИК ЕРОФЕЙ

Среди простого народа, в глухой какой-нибудь деревушке, встречаешь нередко, совершенно случайно, личность замечательную, с несомненным поэтическим талантом, с творческою натурою. Подобные мужички не всегда усердны к работе, почти никогда не имеют большого достатка, не всегда пользуются большим уважением земляков; это—балясники, шутники, балагуры. Но и стар и млад слушают их с удовольствием; запасы рассказов, приговорок, поучений, наставлений у этих самородков-сочинителей неистощимы; склад речи, манера рассказывать у них совершенно своеобразны; вообще и рассказчик и их произведения—будут ли они плодом собственной фантазии, или передачею слышанного от разных странников, странниц, вообще от старых людей—весьма интересны. Встреча с подобными личностями всегда сушит клад среди скитаний по деревням...

Подобною приятною встречей было для меня знакомство в Псковской губернии, в Опочецком уезде, с временно-обязанным крестьянином Ерофеем, из деревни Плутаны. Ерофей, в просторечии Ерѣха—под этим именем он больше известен—мужик лет 65-ти, сгорбленный, с растрепанными волосами, с лицом, стянутым морщинами, с вечно-лукавою улыбкою. В то время на Ерофее была дырявая свита и плохие сапоги; впалые серые глаза его пронизывают вас пронзительным взором; речь его ровная, монотонная, иногда прерывается глухим кашлем.

Ереха — человек темпый, не грамотник, изведал на своем веку много горя; много помещиков владело его крепостной душой, еще больше управляющих да старост гоняли его на работы, да кормили колотушками... Нерадостна была жизнь Ерехи. И все он вынес, все вытерпел, ко всему отнесся как-то добродушно-насмешливо; а сколько раз разводил гнев барина веселой присказкой; сколько раз останавливал руку старосты с дубиной, готовой опуститься на спину работника, напоминанием о кротости и милосердии какого-нибудь спасенника... Нет теперь ни тех господ, ни тех управляющих и старост, а многие из них не умрут в рассказах Ерехи. Рассказы о них и вообще об отношениях помещиков к управляющим и старостам, а тех и других к крестьянам — у Ерофея Семеновича особенно неистощимы. Вот, например, какой остроумной присказкой определяет он (прошрое) отношение старосты к миру:

«Спрашивал барин мужичка: Мужичек, мужичек, какая трава лучше? — Да осока лучше. — А какая хуже? — Да осока хуже. — Я тебя за это слово накажу. — погоди, поколь расскажу: осока ранее всех вырасте, эна лучше всех, а как постарается, эна хуже всех. Ено правда есть. — А кого, говорит, в вотчине лучше нет? — Да лучше старосты нет. — А кого, говорит, хуже нет? — Да хуже старосты нет. — Я тебя мудрей накажу! — А погоди, поколь расскажу: староста, коль в старостех сидит, хошь негож, так хорош, а как сменят, так и все тюкать станут».

«Люты были на моем веку старосты — рассказывает Ерофей: был вот Леон Ефимович;

Сказочник Ерофей

бывало, бьет-бьет да отдохнет... Он и по сих пор жив, простой теперь мужик, боится только по ярмаркам ходить: больно лют был. А то другой был, в нашей же вотчине, Василий Филимонович: бьет, бывало, да отдохнет, бьет да отдохнет. «Василий, говорю я ему как-то: ты устал бивши, а ты б сам полежал, а я бы помял кнутовищем». Не лег, едят-те мухи; надо быть, что он понял, что бить легчае, чем быть битым. А по божьему писанию, сказывал я бывало старостам да управляющим: делай барину хорошо, а миру удвое лучше; будешь ты и богу гож, и миру хорош. А то вот одного старосту довелось Фоме в пекло везть; это верно — продолжал Ерѣха тем же невозмутимо-глухим голосом, мешая былъ с небылицею. — Во как было дело:

«Был в барина мужик, Фома богатый; у него было двести колод пчел. Вот барин со старостой толкуе: «А что, староста, отобрать у того Фомы пчелы все?» Староста говорит: «Надо вину пригнать; как без вины пчел отобрать». — «Какую же мы вину пригоним, говорит?» — «А во какую: сделаюсь я болен, а ен пушай везет меня в пекло, ен пекло не найде, по эвтой причине всех пчел отберешь». Барин и говорит: «Хома, а Хома, приезжай в село; староста болен; свези ты его, брат, во тьму во кромешную, в пекло; а ежели пекло не найдешь, старосту назад привезешь, за эту причину всех пчел отберу». Найде-не найде, везет Фома старосту в пекло. Вот он и день везет — пекло не найти, и другой везе — пекло не найти, и на третий — еде оп ледничкой, и на левый бочок — виде он стежку. Стежкой

той и поехал. И с полверсты не проехал — виде, идут троих. — «Хома, говорят, кого везешь?» — «Старосту в пекло!» — «Подавай его сюды, давно его ждем!» — «Братцы ж, дайте мне росписку, барин не повере». — «А во сейчас дадим и росписку, и вези ты барина в пекло, и барину место-есть». Приехал Хома домой. Барин и спрашивает: «Хома, а Хома, куда ж ты старосту дел?» — «Куды дел, ты ж в пекло посылал, а я в пекло и свез». — «Может ты, плут, разбойник, его убил, либо задавил?» — «Извольте, барин, во и росписка дадена, и велено тебя немешкотно вести, и тебе там место есть». — «Ну, Хома, — говорит барин, — хотел я в тебя двести колод пчел взять; вот двести рублей денег, и живи ты вольно и шапку мне не правь, только, пожалуста, в пекло не вози».

Шутливо, зло рассказывает Ереха про негодных старост; но есть у него сказание и про доброго старосту, как он миру потрудился и барина не убоаяся.

«Был староста Наум и не весь в него был ум; боем бил, боем гнал крестьян, а все о барине думал, мир знать не хотел. Не в утерп стало священнику глядеть на Наума. Пришел к нему Наум на дух. — «Тебя не токмо в землю, а и в болоте хоронить не стану, как помрешь», пригрозил священник Науму: «делай ты барину хорошо, а миру и того вдвое лучше: будешь и миру хорош и богу угод!» И взялся Наум за весь свой ум...

Далее, из рассказа видно, что барин жил все в Питере, верил вполне Науму и затеял строить новую усадьбу. Увидал Наум, что затея та пу-

стая, получил от барина деньги и роздал крестьянам, все до копейки. И шесть годов кряду отписывал он барину, что то, да другое не готово в усадьбе, получал деньги, усадьбы не строил, а деньги раздавал мужикам. Оправились мужички, понастроили себе избы новые, накупили себе скота всякого, позасыпали закормы хлебом. Вот пишет барин, что приедет пожить в новую усадьбу.

«Пошел Наум,— рассказывает Ерофей,— к попу на дух; исповедался, причастился. Ждет барина. Приходит тое время, еде барин. «Смотри,— говорит кучеру: — тут с горы надо быть село мое новое видно». — «Не, барин, не видать». — «Да тою ли дорогою едешь, не заблудили ль?» — «Еще проехали. «Ну, говорит, кучер, смотри хорошенько, надо быть селу видно?» — «Не, баринушка, села не видать, а на том месте деревня, да постройка в ней не тая, как прежде была». — «Экая каналья! видно, другое место полюбилось, на другом и построил!» Приехал барин в тую деревню, собрал хозяев. «А где же тут село строил мне староста Наум?» — «А нигде не построено». — «А куда ж он мои деньги девал?» — «А нам отдавал; тапере мы слава богу, живем хорошеонько, никто у нас людям не должен, а нам еще люди должны». — «О, этого мне мало, я его со света сживу, и всю роду искореню, мне вся вотчина того не стое, что я казны на село положил!» Сейчас проехал в старое село, где жил Наум. «Заприте такую бестию, каналью в амбар». Вот его в амбар заперли...»

С сильным не борись, с богатым не тяжись, сильный всегда прав. На эту грустную истину Ерофей рассказывает сказку, не уступающую

крыловским басням: «Спорился заяц с лисицей— о быке, чей бык: «я тогда родился, говорит заяц, как свет зацедился (начался),—мой бык!» А лисица говорит: «Мне до свету семь лет— мой бык!» А медведь вышел с болота: «Мне, говорит, пять лет, а вам до быка дела нет!» Вот тут и спорь с дюжим-то.

Известна сказка Пушкина: «Золотая рыбка»; но вот подобная же сказка, но не сочиненная писателем, а сложенная, либо бог-весть где и когда подслушанная народным сказочником, Ерехой:

«Мужик, вот такой же как Ереха Плутанский, пришел березу сечь; а на березе, на ту пору, надо быть был святой. «Не секи» — говорит. «А каким ты меня чином пожалуешь?» — «Будь ты староста, женка будет старостихой». Пришел мужик к бабе: «Я — староста, ты старостиха». А баба говорит: «Поди секи, что это за чин, что ты староста, а я старостиха — ведь барина бояться надо, а вот то чин, кабы я барыня, а ты бы барин, то чин». Пришел мужик сечь. «Не секи меня, говорит береза: пусть баба—барыня, а ты барин». Вернулся он к жонке: «Жонка, а жонка! ноне ты барыня, я барин». — «Что то за чин», — говорит жонка: «все царя будем бояться; а вот — я хочу быть царицей, а ты был бы царем; так то чин; поди ссеки березу». Сказал мужик бабьи речи березе, стал ее сечь! «Будь же ты медведь, а жена медведицей!» И до сих пор—у Опоцки ходит медведь с медведицей — так вот оно што: бабьему хвосту нет посту; за большим чином погонишься, малый упустишь».

Знает Ерофей множество легенд, это — жития разных святых из Четий-Миней, перешедшие в уста народных рассказчиков; при этом переходе печатные жития потерпели большие переделки, зависевшие от воззрений на них рассказчиков. Некоторые легенды совершенно утратили вид своих источников. Во всяком случае они очень характеристичны, и мы сожалеем, что неудобно привести их здесь из сборника, тщательно составленного со слов Ерофея...

... Если приведенные рассказы интересны только потому, что выражают народное воззрение на те или другие из людских слабостей, то множество других рассказов Ерофея: «Макарий преподобный», «Злой и добрый братья», «Тесть и теща», «Марко богатый купец», «Суд ворон», «Золотарь», «Иван-хлебосолец», «Как меньшей брат журавинку съел», «Богатый богатырь», несколько рассказов про «Мила преподобного» (Нил Осташковский) и т. п. сказания Ерофея весьма были бы у места на страницах наших народных журналов.

Как жаль, что редакторы их, упражняясь нередко в составлении повестей, подделок под народный склад языка и воззрения, упускают из виду произведения истинно-народных рассказчиков, талантов-самородков, людей темных, чуждых грамоты, но несомненно даровитых. Сказанья рассказчиков, подобных Ерофею, чрезвычайно интересуют народ. В объездах моих по деревенским школам Опоченского уезда Ерофей был моим спутником. Зачастую на ночлегах, в какой-нибудь деревне, Ерофей, всегда охотник рассказывать, начинал говорить, и все, от мала

до велика, слушали его с живейшим любопытством. К сожалению, из боязни сделать мою заметку слишком длинной, я не могу привести все его рассказы, а ограничусь выпиской сказания его о «Правде и Кривде». Это — новый вариант к поэтическому созданию истинно-самородной литературы:

«Два швеца (портные) заработали по триста рублей денег и заспорились дорогой. Один говорит: правда лучше, другой говорит: кривда лучше. Пойдем, говорят, до встречного: ежели правду похвалит, то все шестьсот рублей правде; если кривду похвалит, то все шестьсот рублей кривде. Навстречу старик. «Дедушка, а дедушка! что лучше — правда аль кривда?» — «Может ли быть в нынешние года правда лучше! Что больше покривишь, то больше проживешь». Заложилась до второго встречного: коли правду похвалит, с кривды платье долой и деньги назад. Попался солдат. «Ненадобны дела, неспособны слова, чтоб правда была лучше кривды. В нынешние года, что больше покривишь, то больше проживешь». С правды платье долой, правда голая осталась. Вот заложилась в третий раз. Пойдем до третьего встречного; ежели третий встречник кривду похвалит, правде глаза долбать. А правда говорит: «Хошь глаза долби, все ж правда лучше!» Навстречу поп. «Что, батька, лучше: правда, аль кривда?» — «Может ли быть в нынешние года правда лучше, пустые разговоры, последние слова, ненадобные дела; кто больше покривит, тот больше наживет!» Кривда правде глаза выколола. Осталась правда голая, босая, слепая. Побрела туда, сама не ведая куда. Сле-

тому, куда не наставил, все прямая дорога. Пришла правда к озеру, как-то в озеро не попала, прямо к челну. «Лягу-ка под челн. Не придет ли кто к челну, не выпрошу ль, ради-христа, рубашонки, грешное тело приодеть». Ан ночью, к полночи: буль, буль, буль, кто-то с озера, и много с озера к челну собралось. Один и говорит: «Как я сегодня славно душу соблазнил. Заложилась два швеца; один говорит: правда лучше, другой — кривда. Во все заклады я кривде помог; все шестьсот рублей ей достались, кривда с правды одежду сняла, кривда правде глаза выдолбала. Осталась правда голая, босая, слепая, ни на что не способная, никуда не годная». Тут его старшой похвалил, по головке подрачил (погладил): «Это ты, молодец, хорошо скомандовал». А другой говорит: «В эвтакой деревне от отца осталось три сына; живут богато, именисто, не знают в хлебе меры, в деньгах счету; отцовых денег лежачих не знают и брат в брате не денег желают, а правды пытаются; и большие братенки грешат, что у малого деньги, а и у малого нет, а закопаны у отца деньги в землю и сделана кобелю будка на деньгах. Уехавши эти братенки в дорогу. И приедут с дороги; приехавши, коней выпрягут, приберут, сядут завтракать. Стане малый брат хлеб резать. И прежде отрежет себе, и женке своей, и детям своим. А большой брат и возьме нож и скаже: «Ты отцовы деньги завладал, так и хлеб — соль будто твоя? будто мы казаки (работники) у тебя?» И возмет он с сердец брата малого ножом цапнет, и зареже».

Вот и этого старшой ватаман еще мудрей похвалил, по головке подрачил: «Молодец!

хорошо скомандовал; вот эти три раба будут наши. «Ну, и стали опять промежь себя разговаривать: будет-де на завтрие, на утрие роса. Кто какой бы болезнью не болен, будет от этой раны исцелен, и в кого глаз нет, даст бог глаза, и будет видеть, как видал, еще паче того». (Ведь это, кажинный год три росы выпадает, что от всякой болезни исцеляют. Да в тую росу попаде только праведный, а грешному не попасть). Запел подутрие петух, это соблазненники и бух, бух вси в озеро. Вот, правда, погодил час, погодил два. Высунул руку из-под челна. Росичка нападает; он по глазам потер, а дали еще погодил, челн поднял. Свет заходит, он стал зорьку видеть, он еще потер глаза. Пора солнышку всходить; он и вылез из-под челна, да и вымылся как следует, и стал видеть, как видал, еще паче того. Только голый остался. Вот он пошел; стоит баня. Он в баню, да за каменку. Не пойдет ли кто за водой, не выпрошу ль рубашонки и свитиренки. Идет молодица. Он и говорит: «Матынька, принеси мне, для бога, рубашонку или свитиренку, грешное тело прикрыть, голому никуда нельзя иттить». Принесла ему молодица рубашонку, принесла ему и свитиренку. Вот он оделся, и пошел в ту деревню, и потрафил прямо в тот дом, где уехали братеники в дорогу, что об отцовых деньгах спорятся. Приехали они с дороги, лошадей повыпрягли, прибрали, сели завтракать, что за правду спорился и того с собой посадили. И как сказано было, так и есть: отрезал малый хлеба себе и своей жене, и своим детям. Большой брат сгреб нож. «Ах ты, мошенник,

мало что отцовы деньги завладал, будто и вся хлеб-соль твоя, будто мы казаки у тебя!» И хотел большой брат ножом цапнуть брата малого. Правда хватъ за руку, да и удержал. «Завтракайте, братцы! По божьему поведенью, по христову повеленью, я ваши дела разберу; вашего отца деньги верно укажу». Стали завтракать честно, хорошо, без споров да пустых разговоров. Как отзавтракали, он и привел к тому месту: «Вот копайте, братцы, тут вашего отца деньги». Стали копать и выкопали котел золота и говорят: «Бери ты, братец, себе все деньги: коли б не ты, так бы мы погибли, ты нас отвел». — «Братцы, он говорит, не мои деньги, вашего отца, не могу взять». — «Бери, братец! Коли б не ты, не то что отцовы деньги нам достались, а свои бы потерялись, людям бы попались; нам и этих денег некуда девать, что при нас». Вот они ему дали половину денег, и самого лучшего коня; он и едет домой. Идет Кривда. «Где ты, братец, все это взял?» Он ему все как было и рассказал. — «На, братец, тебе твои шестьсот, что мне давал, выдолбай мне глаза, да сведи меня туда, я и себе вот денег привезу». — «Я не буду тебе глаза долбать, будет от бога грех». — «Какой тебе будет грех? Когда-б ты налепом (силой) долбал, а то я сам прошу, тебе греха не будет». Глазы-то Правда долбать не стал, а свел Кривду под челн; вот и лег он под челн. А к полночи слышно, с озера буль, буль, буль и много их к челну собралось. Атаман и взялся за того: «Что ты говорил мне, Правда-де осталась голая, и босая, и слепая, никуда негодная, ни на что неспособная; ты говорил: Кривда

богате́й живет, а на то место Правда лучше, богате́й и здоро́вей пре́жнего живет!» Во, и взял того железным прутьем ватаман наказывать: «Ты де не обманывай!» Взясся за друго́го: «Говорил ты: в этой деревне брат брата зарежет и все три рабы наши будут; а не то, что резать, так у них никаких пустых разговоров не было; ты не обманывай меня». Вот ватаман и этого еще мочней железным прутьем наказал. Вот они проме́жь себя и начали разговаривать: «Как же у нас были все дела хорошо скомандованы, а вышло не так? Да не был ли кто под челном, нет ли кого и теперь? Подняли челн, нашли Кривду, взяли его да дули-дули железным прутьем, да в озеро и вкинули! Знаю я, Ерофей, что теперь Кривду жалуют; а пред останочным концом Правда воскресется, на небеса вознесется, а Кривда погинет на веки вечные. А у того Правды-швеца, что был под челном, да умывался росой, как разбогате́л он, был в гостях Ере́ха Плутанский; я там был, пиво пил, по усам текло, да во рту духу не было. Вот мне дали пирог, я и торк за порог; вот мне дали конец, я и шмыг под крылец, дали мне синь - кафтан, я оделся, думал: булынька. Иду лесом, а ворона кричит: «Хорош пирог, хорош пирог». Я думал: положь пирог, положь пирог; взял и положил. Ворона кричит: «Синь - кафтан, синь - кафтан!» Я думал: скинь кафтан, скинь кафтан! Я взял да и скинул. И ничого за труды не досталось: та же серая свита осталась».

Привычка все передавать в каком-то особенном, эпическо-народном складе, до того

присуща Ерехе-Плутанскому, что он собственную жизнь и истинные в ней события не иначе передает, как в форме вымышленных сказок и легенд. Вот, между-прочим, какой эпизод рассказывает Ерофей Семенович из своей горькой жизни:

«Была в меня вдова, братнина жена, восемь годов жила—Федоськой звали—ну и ничего, да на девятый жена и суседи сказали: Федоська беременна. И вот, около праздника, на гумне я одынье метал, и говорю Федоське:—«Федоська, а Федоська! один бог без греха, да кой поп поехал в приход без меха, а и взял мешок, везе с собой грешок, не отопрется, не отомнется; и нет, говорю, того древа, чтобы птица на нем не сидела. А ты делай так, чтоб в крещенную веру ввести, хошь - помре, дело безгрешное, а живо буде нарожденьице, так бог и счастьем наделе!» И она мне ни чернила ни белила, ничего не сказала ни взад, ни вперед. — Вот это тянись-ведись дело до воскресного праздника. Я в канун пиво варю в воскресенский, а мои мать да жена стряпают, пироги пекут; а она в огороде картофель копала. Прибегла в избу: «Стряпайте стряпухи—говорит—хозяин пиво варит, ему неколи коней сходить поглядеть». Пошла она сама глядеть. Пошла в поле, там и роднула; там и крестила, и обабила, и прибрала, и дело все решила, от разу скомандовала. Пришла ослабши, обулась, говорит: ногу подколола, и сусло пошла носить, роды легки. Скоро ль не скоро, а женщины заметили: Федоська-де роднула. Было в то время в нашей деревне четыре жихаря (жильца). Со-

бралися ко мне. — «Федоська, куда ты дела младенца?» Не сознавалась, не призналась. «В меня ничего не было, была порожняя». Года два прошло, пошла Федоська замуж, и сына своего свела, в Айденково, деревню. Сын поживе там коли неделю, коли две, коли месяц, а все придя ко мне. Она обманом сводила его к себе: «Погоди ты плут, кто не слухае отца с матерью — тех робят господа будут набирать, да и в Питербурх отсылать; и тебя плута сошлют». Он опять к ней пойде. Раз до десяти так брала. Пришел он последний раз, в самое благовещение. Мой отец был ослепши, ничего не видел, а я был в город ушедши. «Дедынька, возьмите к себе, в Андроново (наша деревня в писании Андроново, в звании — Плутаны); а в Найденково жить не пойду, втоплюсь, либо вдавлюсь!» Я с городу пришел. «Дяденька, возьми к себе, в Найденково не пойду, втоплюсь, либо вдавлюсь!» Я и взял его за место сына родного. Вырастил, выкормил, оженил, все хозяйство ему поручил. А вот он уже раз пять меня побил, поблагодарил, да в три шеи с дому не раз проводил. А за что? Есть приговорка: Тяни кобылью голову с грязи — на кобыле проедешь, а человека вытянешь — на тебе проедет!»

(Из статьи М. И. Семевского. Сказочник Ерофей «Отеч. Записки», 1864, № 2).

**СЛОВАРЬ,
УКАЗАТЕЛЬ СОКРАЩЕНИЙ,
ПЕРЕЧЕНЬ СКАЗОЧНИКОВ.**

С Л О В А Р Ъ

- Абв à х та** — гауптвахта.
Аб р à т ну (в аб р а т ну) — в обратный путь.
Ав р à к — овраг.
А гр о м à д н ы й — огромный.
А й д à, а й д à т е — иди-те, ступайте.
А л е, а л и — или.
А н д è л ь н ы й — отдельный.
А р г à н ы — арканы, ремни.
А с т à в и л а с ь ж и в а я — осталась в живых.
А с т à л ь н о й — последний.
А с т р а в — остров.
Б а ж è н о й — желанный, сердечный, милый.
Б à й н а — баня.
Б à л о — особое приспособление для сгибания санных полозьев и колес.
Б а л х è н — балкон.
Б а т — может быть.
Б è д н о — обидно.
Б а н к è т ы — пиры, пирушки.
Б à я т ь — говорить.
Б е л о р ы б н и к — пирог с белой рыбой.
Б и л è т к а — болотце (возможно, ошибкa пpи записи).
Б и р ж è в ш и к — легковой извозчик.
Б и с è р т — десерт, сласти.
- Б л а д è н е ц** (б л а д è н е ц) — младенец.
Б л ю с т и т ь — наблюдать.
Б о л ь н о (б о л ь н è) — очень, весьма.
Б о л ь ш à к — старший в доме, в семье; обычно это название прилагается к старшему брату.
Б о л ь ш ù х а — старшая невестка.
Б о р д о в и д а — бородавка.
Б о т а т ь — качать, болтать.
Б о т н у т ь — сильно ударить.
Б р à у р н о е п л а т ь е — траурное.
Б р ю н ч à т ь — брякать, жужжать.
Б у г р и н а — бугор, холм.
Б ù з г н у т ь — небрежно бросить.
Б у з д ы р н у т ь — сильно ударить.
Б у л д ы р ь — волдырь.
Б у л è р — бульвар.
Б у л ь è н — в выражении: «а он бытò лèт 12 стал — такой бульèн», т. е. располнел, стал откормленным. В тюремном жаргоне означает: «толстая, откормленная морда».

- Валя́ть** (не валяю ко-
пак а) — не снимать шап-
ки ни перед кем, никому
не кланяться, никого не
признавать.
Ва́райт да ть — ворчать.
Ве́рхóвище — темя.
Ве́тхлы́й — ветхий.
Ве́шельница — виселица.
Взды́нуть — поднять.
Взны́ться — подняться.
Вно́го — много.
Вовсе́ — совсем, оконча-
тельно.
Возво́ротить — вернуть,
придать прежний вид.
Во́лшева́ть — волховать,
чародейничать.
Вопе́ть — вопить, причи-
тывать.
Воста́лый — остальной.
Вре́да — вред.
Вруча́ть — приставать.
Вце́лу — целиком.
Вы́гаркать — вызвать
криком.
Вы́знать — узнать, дове-
даться.
Вы́знять — поднять.
Вына́сывать — выносить
(сор из избы).
Вы́нять — вынуть.
Вы́патра́ться — выпач-
каться.
Высте́гнуть — выпрячь.
Га́лань — гавань.
Га́ркать — громко звать кого.
Го́ить — чистить, перенос-
но: бить, хлестать.
Голя́шка — голень.
Го́реть — горечь (о горь-
ком табачном дыме).
- Гулева́н** — любовник.
Даси́ — дашь.
Два́м, двых — двум, двух.
Дво́йма — вдвоем.
Девизо́р — ревьюер.
Дело́дать — запутать,
подвести (блатное выра-
жение).
Держа́ть о́зеро — арен-
довать.
Дворе́д — двор, особенно
же двор при царском до-
ме, также и при купече-
ском (у Ломтева).
Дво́рня — придворные.
Довизо́р — дозор, караул.
Догада́ть — угодить, по-
пасть в цель.
Доку́ль — докуда, доколе.
Доспе́ть — сделать.
Доту́ль — дотуда, дотол-
е до тех пор.
Друже́ник — см. дружник.
Дру́жник — дружок, лю-
бовник.
Дубе́ць (дубцом бить) —
розга или палка.
Ду́рность — дурь.
Душь, сдуши́ сби́ло —
стало тошнить, начало
рвать.
Е́дены́й (хлеб) — початый.
Еди́нственны́й — в вы-
ражении я единственного
отца дочь (текст Н. О. Ви-
нокуровой).
Ему́рина — овраг, омут,
яма.
Ерли́к — письмо.
Е́сли — ясли.
Е́чча (едча) — еда, пища.
Женска́я — женщина.

- Живко́м** — живо.
Жи́тель (ихна жи́тель) —
 жительство.
Забе́дно — завидно.
Забе́живать — забегать.
Заблу́дяшиши — заблуди-
 вшиеся.
Заве́тить — задумать, за-
 гадать.
Завсе́ — всегда.
Загляну́ться — понравиться.
За́года — заблаговременно,
 заранее.
Заго́ншик — употребле-
 но Винокуровой в смысле:
 посол.
Задво́ренка — живущая
 в задней улице деревни.
Закле́тый — заклятый.
Закурпе́тить — зама-
 ять.
Залы́вина — речной за-
 лив.
Залю́бить — влюбить.
Зао́йка — закричать: ой,
 ой.
Закута́ть — закатать.
Запа́таться — запач-
 каться, замараться.
Запусти́ть — впустить.
Заритава́ть — заартачи-
 вать.
Зарыча́ть — зареветь, за-
 кричать.
Зауны́вно — печально,
 грустно.
Заска́ть — засучить.
За́слуга — услуга (дово-
 лен ты моей заслуге — в
 сказке Н. О. Винокуровой).
Засчи́та — льгота, зачет.
- Захло́быснуть**, **захло-
 бы́снуться** — хлоп-
 нуть, хлопнуться.
Зацепа́ться — зашататься.
Зво́з (взвоз) — покаты́й,
 бревенчатый мост, по ко-
 торому въезжают в высо-
 кий сарай.
Здо́ба — одежда, наряд.
Здо́бить — нарядить, одеть.
Зейзе́ет — свет светит.
Зелье́ — яд.
Земове́йка — зимовье.
Зе́пь — карман.
Зипу́н — верхняя одежда.
Загну́ть зипу́н — (шу-
 точно) шутить какую-
 нибудь шутку, пошутить.
Зна́ко — известно, конечно.
Зна́мен (царский) — знак.
Зна́тливый — вещий.
Зо́р — взор.
Зры́нуть — воскрик-
 нуть.
Зуби́ться — отгрызаться,
 спорить.
Зъём (взъём) — черессе-
 дельник (ремень или ве-
 ревка, привязываемая к
 обоим оглоблям и прохо-
 дящая через седелко).
Зыск — сыск, требование,
 спрос.
Зяте́лко — ласковое обра-
 щение к зятю.
Изго́да — выгода.
Изла́дить — устроить на-
 значить.
Изма́терить — выругать
 по-матерному.
Изо́тчина — фамилия,
 семья.

- И з у м л и т ь с я** — изумить-ся, удивиться.
И м и н ь е — именье, имуще-ство.
И м ь — им.
И н н ы й — иной.
И с к о р о т а т ь — скоротать.
И с п а с и с ь — приготовься.
И с п р а в и л ь н о — правиль-но.
К а л б у ш к а — обрубок.
К а ф е р м а ц и я — конфир-мадия.
К л а д о у ш е ч к а — кладов-ка.
К л а д у ш к а — небольшая кладь, скирда хлеба.
К л ю к а — до клик хлеба — до самой крыши амбара.
К м а — тьма, весьма мно-го.
К о к о в ы — комки, куски грязи или навоза.
К о л о д н и к — дерево, сва-лившееся в болото.
К о л о д н и к — лежащие в лесу деревья, колоды.
К о л о н у т ь — ударить.
С к о п ы л к о в д о л о й — с ног долой, упал.
К о р м л е н н ы й — приемьш.
К о р о н и т ь — хоронить.
К р ю ч о к — шкалик.
К у д е с а — ряженные, маски-рованные.
К у з л е н и д а — кузница.
К у ж е л ь — кудель, выче-санный пучок льну, при-готовленный к пряже.
К у р н у т ь — окунуть.
Л а д о н ь — ток для молочен-ия хлеба.
- Л и з а, л и з и я** — удар по лицу, оплеуха.
Л и с ь в е н и ч к о м — с ли-стями.
Л о п а е т с е р д ц е — в зна-чении: разрывает от боли.
Л о п о т ь — одежда.
М а з н у т ь п о щ е к е — ударить, дать оплеуху.
М а т к а — попадя.
М е ш к а — мешок, сума.
М л е н ь е — мнение, мысли, ум.
М о г у т н ы й — могучий, сильный.
М о л в и я — молния.
М о л о д у ш к а — недавно вы-шедшая замуж женщина.
М о л о н ь я — молния.
М о р г о в а т ь — брезговать.
М у с к о й п о л к — мужской пол.
М ы з г н у т ь — понукать, ругнуть.
М ы с л е й н о, м ы с л е н н о — мыслимо.
Н а б — надо, не на б — не надо.
Н а б а с и т ь с я — наря-диться.
Н а д е т ь с я — одеться.
Н а д о м н о — надобно.
Н а д у ш н и т ь — надушить, опрыскать духами.
Н а з а к а т с о л н ы ш к о — близко к закату, скоро за-катится.
Н а з ы в н и е б р а т ь я — названные братья.
Н а н о с — мыс или островок, на которые наносит те-чением плоты и суда.

- Н а с л е д о в а т ь** — наблюдать, следить.
Н а с т о в а т ь — ухаживать, заботиться.
Н а с т ۇ پ چ ا ت ى ي (поросенок).
Н а т а к а т ь с я (на кого, на что) — наткнуться, встретиться.
Н а т ь — надо.
Н е в з а м е т н ы м о б р а з о м — незаметно.
Н е в к о т о р о е в р е м я — в некоторое время.
Н е д в и ж ى م ى ي — неподвижный.
Н е е с т ь — не только что.
Н е п о ш т о — не на что.
Н е р а ж ى ن ى — худой, плохой.
Н е с л у х — непослушный.
Н е т е л ь — молодая корова, у которой не было ни одного теленка.
Н е ч ё с т н о — в выражении: возьмите этого человека нечестно.
Н о ч н ы м б ы т о м — ночью.
Н ۇ ж ى ن ى ي — в смысле нуждающийся.
О б л е д е в о н ى ت ь — обесчестить, обругать женщину неприличным словом.
О б и х о д ى ت ь — убрать, прибрать.
О б н о ч е в а т ь с я — переночевать.
О б о л о к а т ь с я — одеться.
О б р а з ё ц — вид, образ.
О б х о д ى (не обходя) — без пропусков.
О б ь я в к а — объявление.
- О г р а д а** — двор.
О д ى ن و ا — однажды, один раз.
О ж о к (ожег) — палка, заменяющая печную кочергу; ею мешают головни в печи.
О л д ى a — ладья, лодка.
О м м о т к ى (обмотки) — веревки, которыми привязаны концы оглобель к саям.
О м у р ى ч ى v а т ь — обморочивать, одурачивать.
О р а г а n — орган, музыкальный инструмент.
О с н о в а n o (все основано черным троуром) — окутано, обернуто.
О с т о п о в а т ь с я — остановиться.
О т г а р к ى v а т ь с я — откликаться, отзываться.
О т о в л е к а т ь с я — отнекиваться, отделяться.
О т о з в а т ь с я — отнекиваться, уклониться от ответа.
П а д ى n a — издохшее животное.
П а з д ё р н у т ь — сильно ударить.
П а н к ё т o в а т ь — в значении пировать (от слова банкет).
П а n т ى a — мантия.
П а п а д o k (пить в попадке) — пить, припав к водертом.
П а т р ё b n o — как следует.
П а р к ё z n ى y — паркетный.
П а х ى t ى t ь — извести, сгубить.

- Пёрперовать** — пир-пировать (в северных говорах).
Пёрво — сначала, прежде.
Перебёг — чересседельник.
Пёсчий — см. пестрый.
Пёший — пеший.
Плак — плач.
Пласснуть — сильно ударить.
Племённый — племянник.
Племянка — племянница.
Плесенный — запlesenый.
Побалесить — поговорить.
Побыт — образ, манера, род.
Поёртка — боковая дорога.
Погона — погоня.
Подгадить — подвести, выставить в невыгодном свете (она всех фрелиных подгадила).
Поднять — поднимать.
Поколь — покуда.
Полк — пол (мужской пол).
Полок — полк.
Помольник — человек, привезший на мельницу молотье зерно.
Помогнуть — помочь.
Поморговать — побрезговать.
Попридвинуть — приподнять.
Порато — весьма, очень хорошо.
Пособный — попутный.
- Похитить** — уничтожить, сгубить, извести.
Попахать (родителей) — Походнее — поскорее.
Похоронка — потеря.
Пошатиться — пошатнуться.
Предовольствие — полное довольство.
Преступление (проступок) — никакого преступления смя не делывала.
Припала к душе — поглянулась, приглянулась.
Припартаться — запачкаться, замараться.
Приполна — свехом.
Пристать — сильно устать, притомиться.
Придрогнули — вздрогнули, задрожали.
Провлянт — провиант.
Продувной — расторопный, хозяйственный.
Проклявывать — проклевывать.
Прожиточный — зажиточный.
Пропускная рубаха — рубаха, которую надевают перед казнию на приготовление к смерти.
Проступка — проступок.
Прохождение — приключение.
Пуstopлесье — незастроенное пустое место.
Раздуванка — особый тип женской сафочки, по аналогии с «сарафанчик-раздуванчик».

- Ра́ста́нь, ро́ста́нь — перекресток дорог, разделение одной дороги на две и больше, распустье.
 Ра́ста́рзв́ать — растерзать.
 Ребо́к — рябчик.
 Решо́тка — корзинка.
 Ро́ско́чный — роскошный.
 Ру́мя́ница — румянец.
 Све́рста́ться — сравниваться, поравняться.
 Све́лота́ — в значении: светло, хорошо, прекрасно.
 Све́тное́ платье — цветное.
 Све́ты — цветы.
 Сго́рюхну́ться — загоревать, опечалиться.
 Се́ло — стало, делалось.
 Се́ла — войско, солдаты.
 Си́тель — сито, частое решето.
 Ска́знённая — наказанная, преданная казни.
 Ска́зыва́льщик — сказочник.
 Ско́рба — короста.
 Ско́рблость — см. скорба.
 Ско́рблый — иссохший, жесткий, черствый, зако­рузлый.
 Скрю́чить (шапчонку) — примять, надеть на бек­рень.
 Сле́нно, как сле́нно — как следует.
 Сле́дно — следует, как следует.
 Смаго́тно (не смаготно) — не в моготу.
 Со́ветно — согласно, в со­гласии.
 Со́крота (на сокроту) — ук­рошение.
 Со́мутить — смутить, со­б­лазнить.
 Со́р — навоз, человеческое испражнение (у Чупрова).
 Со́роко́вича — сорокаве­дерная бочка.
 Со́хлый — высохший, су­хой.
 Спи́чка — гвоздик.
 Ста́нция — расстояние между двумя остановками в пути.
 Сто́льё — столы.
 Стра́мство́вать — ски­таться, бродяжить.
 Стре́кнётся — спох­ватиться, опомниться.
 Стрехня (пошла стряпня, рукава стряхня) — от гла­гола стряхать, сбрасывать, стрясти.
 Стя́г — кол, шест.
 Суго́н — по Далю: об­межек, об­ложек, в конце пашни, где растёт одна сорная трава; пройдя борозду, па­харь даст лошади перехватить травы, на сугони — это называется сугонить.
 Су́сло́н — кладка из 10 сно­пов в поле для сушки.
 Су́шина — высохшее на корню дерево.
 Схи́трить — ухитриться, изловчиться.
 Сы́зно́в — снова.
 Сы́тый — жирный, тол­стый.
 Та́йность — секрет.
 Та́нцы — танец.

- Тá ч и т ь** — советовать.
Тá ш к и — под ташки — «под пазухи», под мышки.
Т е е — тебе (те).
Т е м я́ — тем.
Т о (у Ломтева) — тогда.
Т о ж нò — тогда.
Т о к м я́ — только, токмо.
Т о л ь — только.
Т р е т ь и ж — в третий раз.
Т р е т ь я́ к — трехгодовая скотина.
Т р ó у р — траур.
Т р о ю н ó г о н ь к и й — трехногий.
Т р у б о к ú р — курильщик из трубки; тот, кто курит трубку.
Т у п а́ й — ступай, иди.
Т у п и ч ё ш к о — худой топориска.
Т ю р ь к — на мельнице: ящик в виде воронки, куда засыпают зерно для помола.
У к о л ó т ь — показать пальцем.
У м á ж и т ь — уважить, от-
дать.
У м о л ё н н ы й — богомоль-
ный, благочестивый.
У т а л á к а т ь — порешить.
У ч á с т н и ц а — компань-
онка, пайщица.
У ч а с ь — участь.
- Ф и г у р ь т ь** — издеваться,
насмехаться.
Ф и́ р м а — в выражении:
такая фирма случилась.
Ф и т и л ё к г о р и т — площ-
ка с жиром, каганец.
Ч а ж ё л к о — верхняя рабо-
чая одежда.
Ч е л д ó н, ч е л д ó н к а —
так поселенцы прозвали
коренное сибирское насе-
ление; сибиряками часто
употребляется в смысле
иронического самоназва-
ния.
Ч е л о (целю) — переднее от-
верстие в печи
Ч е п á т ь с я — цапаться, ца-
рапаться.
Ч е р е п á н — горшечник,
горшения, гончар.
Ч е х л ё д ь — чад.
Ч и с л ó — в выражении: «он
под это число и говорит»,
т. е. в этот момент тогда.
Ш á в р а т ь — искать что-
либо в темноте — также:
медленно ходить, сколь-
зить.
Ш к р á д о в а т ь (скрадо-
вать) — украдкой пробрать-
ся.
Ш п á т — кусок.
Э т у д ь — здесь.

УКАЗАТЕЛЬ СОКРАЩЕНИЙ

- Aarne — *Antti Arne*. Verzeichnis der Märchentypen (Folklore Fellow Communications, № 3). Helsinki, 1911.
- Аз. I — *Марк Азадовский*. Сказки Верхнеленского края. Вып. I. Издание Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества. Ирк. 1925.
- Аз. II. — *Mark Azadovski*. Pohádky z Hrnolenského kraje. Vestník Narodopisny Československy, 1928, I—IV; 1929, I.
- Анд. — *Н. П. Андреев*. Указатель сказочных сюжетов. Изд. Русского Географического Общества. Лен. 1929.
- Аф. — *А. Н. Афанасьев*. Русские народные сказки. 1-е изд. М. 1856; 2-е изд. М. 1873; 4-е изд. — М. 1914.
- Вят. Сб. — Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник *Д. К. Зеленина*. Записки Русского Географического Общества по отделению этнографии, т. XLII. П. 1915.
- Жив. Ст. — *Живая старина*. 1912, II—IV.
- Зав. Ск. — *Русские заветные сказки*. Валаам. Типарским художеством монашествующей братии. Год мракобесия. [Незаконное издание, выполненное *А. Н. Афанасьевым*].
- Кал. — *И. Калининков*. Сказки Орловской губернии (издание не окончено).
- Красн. Сб. I. — Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества по этнографии. Т. I, вып. 1. Русские сказки и песни в Сибири. Под. ред. *А. В. Адрианова*. Красн. 1902.
- Красн. Сб. II. — То же. Том 1, вып. 2. Томск. 1906.
- Онч. — *Н. Е. Ончуков*. Северные сказки. Записки Русского Географического Общества по отделению этнографии, т. XXXIII. Спб. 1908.
- Перм. Сб. — Великорусские сказки Пермской губернии.

- Сборник *Д. К. Зеленина*. Записки Русского Географического Общества по отделению этнографии, т. XLII. II. 1914.
- Сад. — *Д. Н. Садовников*. Сказки и предания Самарского края. Записки Русского Географического Общества по отделению этнографии, т. XII. СПб. 1884.
- Сиб. — Сказки из разных мест Сибири. Под редакцией *М. К. Азадовского*. Издание кабинета Литературы Иркутского Государственного Университета. Ирк. 1918.
- См. — *А. М. Смирнов*. Сборник великорусских сказок из Архива Русского Географического Общества. Записки Русского Географического Общества по отделению этнографии, т. XLIV. II. 1917.
- Сок. — *Б. и Ю. Соколовы*. Сказки и песни Белозерского края. Изд. Академии Наук. М. 1915.
- Thompson — The types of the folktales A classification and bibliography. Anti Aarnes Verzeichniss der Märchentypen. Translated and enlarged by *Sith Tompson*. (Folklore Fellow Communications № 74). Helsinki, 1928.
- Худ. — *И. А. Худяков*. Великорусские сказки. I—III. М. 1860—1862.
- Чуд. — *Е. А. Чудинский*. Русские народные сказки, прибаутки и побасёнки. М. 1864.
- Эрл. — *А. А. Эрленвейн*. Народные сказки, собранные сельскими учителями. М. 1863.

ПЕРЕЧЕНЬ СКАЗОЧНИКОВ

- Аксаментов, Федор Иванович (т. II)**
О деревянном орле (стр. 15)
О трех царских дочерях (стр. 28)
Про мужика и священника (стр. 66)
Ума много да денег нет (стр. 55)
- Барышникова, Анна Куприяновна (Куприя-
ниха) (т. II)**
Два брата (стр. 138)
Поп-скука (стр. 156)
Старуха (стр. 146)
- Богданов, Василий Васильевич (т. II)**
Капсирко (стр. 82)
- Богданов, Парамон (т. I)**
Золотое яичко (стр. 245)
Как поп работников морил (стр. 267)
- Вдовкина, Мария Ильинишна (т. II)**
Ребок (стр. 366)
- Винокурова, Наталья Осиповна (т. I)**
Брат и сестра (стр. 401)
Верная жена (т. II стр. 311)
Орел-царевич и его сын (стр. 377)
Про Перфила (стр. 411)
Колдун и его ученик (стр. 390)
- Ганин, Андрей Михайлович (т. II)**
Как купец бился об заклад о своей жене (стр. 346)

Д е м е н т ь е в а, Настасья Михайловна (т. II)

Болезнь (стр. 123)

Жена над мужем (стр. 122)

З ы к о в, Федор Иванович (т. II)

Верная жена (стр. 338)

Е р о ф е й (т. II)

[Заяц и лисица] (стр. 387)

[Какая трава лучше] Присказка (стр. 382)

[Как мужик вел старосту в пекло] (стр. 385)

Правда и Кривда (стр. 390)

[Староста Наум] (стр. 386)

[Чудесная береза] (стр. 388)

К о к о р и н, Ефим Максимович (Чима) (т. I)

Иван-Кобыльничков сын (стр. 224)

К о ш к а р о в, Антон Григорьевич (Чирощник) (т. II)

Исторический роман «Дом терпимости»

сочинение Гоголя (стр. 199)

Марья царевна (стр. 231)

Про дочь Меншикова и Петра Первого (стр. 213)

К р а е в, Афанасий Тимофеевич (т. II)

По щучьему веленью (стр. 101)

Попов работник и дякон (стр. 111)

К у п р и я н и х а см. Барышникова, А. К. (т. II)

Два брата (стр. 138)

К р и в о п о л е н о в а, Марья Дмитриевна (т. II)

Верная жена (стр. 357)

Л о м т е в, Антон Дементьевич (т. I)

Ванюшка (стр. 287)

Васенька Варегин (стр. 316)

Иван-Царевич и Елена Прекрасная (стр. 300)

Микула-шут (стр. 343)

- М е д в е д е в а, Маремьяна Ивановна (т. II)
 Верная жена (стр. 318)
- Н о в о п о л ь ц е в, Абрам (т. I)
 Барин и мужик (стр. 171)
 Иван - Царевич и Марья - краса, черная
 коса (стр. 143)
 Про нужду (стр. 175)
 Оклеветанная жена (т. II, стр. 326)
 Спящая девица (т. I, стр. 136)
- С е м е н о в, Илья (т. I)
 Иван-Царевич и богатырка-Синеглазка (стр. 186)
 Купец богатой (стр. 199)
- С к о б е л и н, Симон Исаевич (т. II)
 Любовь жены (стр. 167)
- С о р о к о в и к о в, Егор Иванович (т. II)
 Беспечальный монастырь (стр. 300)
 Самойло Кузнецов (стр. 267)
 Чудесная винтовка (стр. 278)
- Т е р е н ь и ч (т. II)
 [Как солдат топор варил] (стр. 377)
- Ч и м а (см. Кокорин, Е. М.) (т. I, стр. 217)
- Ч и р о ш и н и к (см. Кошкарев,) А. Г. (т. II стр. 191)
- Ч у п р о в, Алексей Васильевич (т. I)
 Федор - Царевич, Иван - Царевич и их оклеветан-
 ная мать (стр. 104)
 Царь и черепан (стр. 121)
 Царь-чернокнижник (стр. 98)

О Г Л А В Л Е Н И Е ¹

Сказки Ф. И. Аксаментова.

Ф. И. Аксаментов	11— 12
21. Деревянный орел	15— 28
22. О трех царских дочерях	28— 55
23. Ума много да денег нет	55— 66
24. Про мужика и священника	66— 69
Примечания	70— 73

Сказки В. В. Богданова.

В. В. Богданов	77— 81
25. Капсирко	82— 95
Примечания	96— 96

Сказки А. Т. Краева.

А. Т. Краев	99—100
26. По щучьему веленью	101—111
27. Попов работник и дякон	111—116
Примечания	117—117

Сказки Н. Д. Дементьевой.

Н. Д. Дементьева	121—121
28. Жена над мужем	122—123
29. Болезнь	123—124
Примечания	127—127

¹ Звездочкой отмечены тексты, печатаемые впервые.

Сказки А. К. Барышниковой
(Куприяних).

А. К. Барышникова-Куприяниха	133—137
*30. Два брата	138—145
*31. Старуха	146—156
*32. Поп-скука	156—158
Примечания	159—160

Сказки С. И. Скобелина.

С. И. Скобелин	163—166
33. Любовь жены	167—183
Примечания	184—187

Сказки А. К. Кошкарова (Антон
Чирошник).

Антон Чирошник	191—198
34. Исторический роман «Дом терпимости» сочинение Гоголя	199—212
35. Про дочь Меньшикова и Петра Первого	213—231
*36. Марья-Царевна	231—255
Примечания	256—258

Сказки Е. И. Сороковикова.

Е. И. Сороковиков	261 266
*37. Самойло Кузнецов	267—278
*38. Чудесная винтовка	278—299
*39. Беспечальный монастырь	300—305
Примечания	306—308

Приложения.

I. Сюжет «верной жены» в изложении
разных сказочников:

Сказка Н. О. Винокуровой	311—317
Сказка М. И. Медведевой	318—225
Сказка А. Новопольцева	326—338
Сказка Ф. Зыкова	338—346
Сказка А. Ганина	346—357
Сказка М. Кривополоновой	357—365

II. Сказка М. Вдовкиной „Ребок“	366—369
---	---------

Ш. Е. Авдеева. Старинные сказочки	370—372
Терентъич	372—380
М. И. Семевский. Сказочник	
Ерофей	381—396
Словарь	399—406
Указатель сокращений . .	407—408
Перечень сказочников . .	409—411

*Редактор М. К. Азадовский, Техн. редактор П. Н. Филиппов.
Сдана в набор 28/XII 1930 г. Подписана к печати 9/I 1932 г.
№ 2. Тираж 10.000 экз.*

*Ленгортит № 24689. Заказ № 3453.
Бумага 73×105 см ¹/₃₂. Печ. листов 13. Тип. зн. в 1 печ. л. 60 т.
20-я тип. Огиз'а им. Евг. Соколовой, Ленингр., пр. Крас. Кол. 29.*

